

Пис. О. Книркенской... 1817.

Пис. Н. Уткинъ.

Paris B. Manceps.

Spas. H. Zechin.

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Северные цветы

Severnnye Esvieto

Ц В Ъ Т Ы

№. 4. 8877 012 8930

P. II

НА 1828 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

F203-285099

PG 3201

S5

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ тѣмъ , чѣобы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ , для препровожденія , куда слѣдуетъ , на основаніи узаконеній . Санктпетербургъ , 3 Декабря 1827 года .

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р о з а.

	Стран.
Обзоръ російской словесности за 1827 годъ . . .	3
Паденіе Вендена. Историческая повѣсть . . .	83
Дѣв сестры, или копорой отдасть преимуще- ство	151
Бедуинка. Восточная повѣсть	166
О жизни и сочиненіяхъ Карамзина	186
Возхожденіе солнца въ бурное осеннее утро . . .	205
Опшывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія . . .	208
Гайдамакъ, опшывокъ изъ малороссійской по- вѣсти	227
О сочиненіяхъ Барашинскаго	301

П о э з і я.

Графъ Нулинъ	3
Море	18
Влегія	23

На смерть В...ва	24
Отпрыжокъ изъ Бориса Годунова	25
Безѣстность	28
Вечерній звонъ	29
Фирдоуси	30
Учанъ - Су	32
Три Сомета (изъ Мицкевича)	37
Пчела и Мотылекъ	40
Къ портрету Ломоносова	41
Къ часамъ, при отсылкѣ ихъ сестрѣ	42
Къ нянѣ	43
Характеристика	44
Псаломъ LXII	45
Къ П. А. П—ву, отвѣтъ на его посланіе	47
Элегія	51
Двѣ оды изъ Горациа	52
Партизаны (отпрыжокъ)	55
Сѣтованіе (Израильская пѣснь)	57
Опроверженная пословица	58
Соловей	—
Ангель	59
Кончина благопвораителя	60
Пророчество о Мессіи	61
Конь и жеребенокъ, басня (изъ Флоріана)	62
Жалоба на счастье	65
На смерть собачки: Амнки	—
Сила надежды	67

Стран.

Пославіе къ Н. Ф—ву	68
Шпансы	70
Надписи къ изображеніямъ въкопорокъ Ишаль- янскихъ поэшовъ	71
Сочинишело посланій	75
Прекраснымъ глазамъ	—
Алексю Николаевичу Оленину, при доспавленіи послѣдняго изданія басень	77
Заспольшая пѣсня	78
Цѣпокъ и терновникъ, басня	79
Руской романшккъ рускому классику	80
Переговоры въ Бѣлой Церкви (черпа изъ жизни Богдана Хмельницаго)	—
Отрывокъ изъ поэмы <i>Баленной ветеръ</i>	84
Отвѣтъ	86
Надежды	88
Послѣдняя смерть	89
Утѣшеніе	93
Идиллія	94
Эпиграмма	95
Смерть	96
Падающія звѣзды (подраж. Беранжеру)	97
Черепъ (пославіе къ Д.)	100

Поправка. Подъ статью: *О жизни и сочиненіяхъ Карамзина*, на стр. 202, пропущено имя сочинителя. — Издатели *Северныхъ Целтовъ*, внясь и не извинясь въ семь недосмотръ, долгомъ поспавляютъ исправить оный и сказать, что сочинитель помянутой статьи *Н. И. Гречъ*.

Прибавленіе. Къ сей книжкѣ прилагается заглавная виньетка и портретъ *А. С. Пушкина*.

П Р О З А.

О Б З О Р Ъ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1827 ГОДЪ.

Давно уже мы слышимъ упреки нашей словесности за ея скудость. Упреки сіи дѣлаются нашими же единоземцами, и повторяются чужестранцами. Отбросивъ всякое пристрастіе въ защиту или въ обвиненіе, постараемся разсмотрѣть справедливость сихъ упрековъ.

Образованность наша еще такъ нова, что нѣкогда было намъ и ожидашь изобилія въ произведеніяхъ, истинно изящныхъ. Много ли и въ ихъ справахъ, гдѣ образованность нѣсколькими вѣками ранѣ явилась, нежели у насъ, — геніевъ истин-

ныхъ, произведеній образцовыхъ? Не подводя подъ сей ипогъ древней Греціи и Рима, взглянемъ на Государства современные: на Испалію, Англію, Францію и Германію; имена славнѣйшихъ писателей каждой изъ сихъ странъ знаемъ мы наизусть, и можемъ изчислить ихъ, почти не переводя духа; отличнѣйшія же творенія сихъ мужей вмѣщаются, у каждаго изъ новѣйшихъ народовъ, въ небольшомъ числѣ помовъ. Остальное (я говорю о произведеніяхъ воображенія и вкуса) составляетъ разныя степени посредственности. Гдѣ же по необъятное число, гдѣ та ужасная несоразмѣрность, которою насъ запугали, сравнивая съ чужеземцами?

Если скудость сію примемъ мы не въ смыслъ изящнаго, а вообще всего печатнаго; по укору, въ нѣкоторомъ отношеніи, будемъ справедливы, и

сей вопросъ необходимо подвергнешся большимъ и пространнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но и шуть, кажешся, можно отвѣчать на него точно и удовлетворительно.

Опъ чего у насъ мало книгъ? Опъ того, что мало читающихъ. «*Когда мало потребителей, то число производителей не можетъ быть велико,*» могъ бы сказать какой нибудь послѣдователь Сея или Адама Смита. У насъ есть публика читающая и публика нечитающая; послѣдняя превышаетъ первую въ неизвѣстной, но огромной пропорціи. Чтеніе не сдѣлалось еще у насъ всеобщемо и повсемѣстною потребностію, какъ въ Англіи, Франціи и Германіи; даже въ томъ званіи людей, въ кошоромъ должно предполагать большую степень образованности, удовольствія ума и воображенія весьма часто уступаютъ

удовольствіямъ чувствъ. Въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, свѣтскіе расчеты и разсѣянность, потомъ облѣненіе тѣла и души, похищающъ все время; каршы, изобрѣтеніе разчешливой праздности, своими неспрыми, обманчивыми листочками, заслоняющъ листы печатныхъ книгъ. Большая часть обласпныхъ жителей, сельскихъ помѣщиковъ, гоняющся не за новою мыслью, не за новымъ созданіемъ свосправнаго воображенія поэтовъ, а за зайцами и лисицами. Домоводство, пляббы и другія заботы о наполненіи не ума, а кармана, присвоивающъ себѣ все время и все вниманіе самыхъ дѣятельныхъ.

Если перейдемъ къ Публикѣ читающей, то и въ ней находимъ два рода читателей. Первый изъ нихъ, и весьма многочисленный, состоить изъ *читателей не по руски*. Краснѣясь

признаемся, что у насъ и теперь еще есть люди, Рускіе по рожденію и по имени, и почти вовсе незнающіе природнаго своего языка, удивляющіеся, какъ можно писать на немъ, и просящіе, чтобъ имъ переводили по французски то, чѣмъ восхищаются ихъ соотечественники. И теперь еще есть матери, пребующія, чтобы дѣти ихъ чисто и правильно изъяснялись по французски и по англійски, и вмѣстѣ убѣжденные, что Рускимъ не нужно учиться по руски. Какъ будто бы знаніе природнаго языка вливается съ воздухомъ и проникаетъ въ умъ съ испареніями земли! Какъ будто бы можно чему научиться наимѣе! Само по себѣ разумѣется, что сіи люди, ошученные воспитаніемъ отъ звуковъ роднаго языка, не спрашиваютъ и не заботятся, есть ли что новаго въ словесности російской? Они вышвер-

дили съ дѣшпва нѣсколько монологовъ изъ Расина, нѣсколько басень Лафоншеневыхъ; знаютъ о Байронѣ, Мурѣ и Валперѣ Скопшѣ по наслышкѣ и восхищаются ими по передачѣ; эшого и довольно для ежедневнаго ихъ обихода въ свѣтскомъ быту. Досаднѣе всего, что они не только не стыдятся, но даже хвалящая своимъ незнаціемъ опечесственнаго языка и словесности его; и часто, съ умыслу, дѣлають о нихъ такіе вопросы, копорые были бы смѣшны и опъ иностранца, вовсе незнакомаго съ Россією и съ языкомъ рускимъ.

Правда, съ весьма недавнихъ лѣтъ не всѣ, а нѣкошорые изъ нихъ начинаютъ читать по руски и даже судить о пропзведеніяхъ русской словесности. Но въ сужденіяхъ своихъ они все примѣняють и приравнива-

юпть къ французскому: эшо, по ихъ разумнiю, мѣрило всякаго вкуса и возможности липерашурной. По давно зашверженной поговоркѣ, многіе изъ нашихъ вѣряпть, что *словесность російская есть меньшая сестра французской*; и въ силу шакаго названнаго родства хошяпть, что бы *меньшая сестра* наряжалась, румянилась и кланялась почто также, какъ и *старшая*.

Число чпшашелей собственно-рускихъ книгъ, по сравненiю, весьма не велико; число пѣхъ, кошорые чпшаюпть съ выборомъ и умѣюпть судишь о прочишанномъ, еще менѣе. Для удовлетворенiя пошребностей сяхъ чпшашелей, выходишь у насъ, опношительно, въ каждый годъ почти шполько журналовъ и книгъ, сколько нужно. Если бѣ охопа къ чпенiю была болѣе общею, шо, само по себѣ

разумѣется, число писателей и число хорошихъ книгъ умножилось бы въ той же пропорціи. Сему видимъ уже мы счастливыя начала. Съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе оказывается охотниковъ чинать, а отъ того съ каждымъ годомъ умножается число журналовъ и книгъ хорошихъ и уменьшается число книгъ дурныхъ и безполезныхъ, принимая въ себѣ смыслъ и пѣть, которыя вовсе не приносятъ удовольствія ни уму, ни сердцу, ни воображенію.

Для примѣра, изчислимъ литературныя наши пріобрѣтенія за минувшій годъ. Я не берусь, впрочемъ, представить полный каталогъ всѣхъ вышедшихъ въ 1827 году книгъ; но упомяну, по возможности, обо всемъ, что обратило на себя вниманіе публики, въ хорошую сторону и обратно, или по чему либо осталось у меня на

памяти. Къ сему, мѣстами, прибавлю я краткія замѣчанія: правильны они, или нѣтъ — каждый читатель рѣшитъ по своему пониманію; по крайней мѣрѣ меня оправдываетъ собственное мое убѣжденіе.

Начнемъ съ журналовъ: ихъ давно уже называли опголосками мнѣній общества и указателями степени народнаго просвѣщенія. Пусть по этому, иногда ложно присвоенному праву, они займутъ переднее мѣсто въ семъ годовомъ отчетѣ.

Въ Петербургѣ, въ минувшемъ году, издавались слѣдующіе журналы (*):

(*). Въ семъ обзорѣи намеренъ я говорить о журналахъ и книгахъ, болѣе въ литературномъ отношеніи. Посему официальные газеты, какъ-то: *С. П. Бурскія Вѣдомости* на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, *Journal de S. Pétersbourg*, *Рускій Инвалидъ* и *Коммерческая Газета* исключаются изъ числа журналовъ, о коихъ здѣсь упоминается.

1) *Сынъ Отечества*, заключающій въ себѣ многія, весьма хорошія переводныя спашы, какъ-то: повѣсти, историческіе опривки и проч. Изъ русскихъ сочиненій, нѣкоторыя спашы полемическія, писанныя разными лицами (*) и весьма любопытная для военныхъ людей: *Исторія Артиллеріи*, раздѣленная на семь періодовъ, также заслуживали вниманіе. Последняя изъ помянутыхъ мною спашей, написанная молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, Г. Рейсгомомъ 2, показываетъ большую начитанность и основательное познаніе своего дѣла. Справедливость пребудетъ опъ

(*) Между прочими, взгляды на математическіе курсы, употребительнѣйшіе въ российскихъ училищахъ, оспаривается ясностію изложенія и показываетъ обширныя свѣдѣнія сочинителя въ Математику и правильную почву зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на сію науку.

нась упомянушь объ упрекѣ, который дѣланъ былъ *Сыну Отечества* въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ Журналовъ (*Revue Encyclopédique*), за то, что онъ по большей части содержитъ въ себѣ переводы иностранныхъ сочиненій. Мнѣ кажется, что упрекъ сей былъ бы основателенъ только тогда, когда бы журналъ *С. О.* былъ посвященъ исключительно русской литературы; но одна изъ главныхъ цѣлей сего журнала — знакомить соотечественниковъ нашихъ съ важнѣйшими событіями нашего времени и съ произведеніями лучшихъ иностранныхъ писателей; а чѣмъ же лучше можно сіе исполнить, какъ не выписками и переводами? 2) *Сѣверный Архивъ* заключалъ въ себѣ по прежнему многіе любопытныя докуменшы, касающіеся до россійской Исторіи, извѣстія о новѣйшихъ путешествіи-

яхъ и штаписпическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ Государствахъ. Жаль, что отдѣленіе: *Правы*, за прошлый годъ было въ семь Журналъ слабѣе, ибо Г. Булгаринъ почти не помѣщалъ въ немъ остроумныхъ статей своихъ; за то одна изъ нихъ: *Сиротка* (отрывокъ изъ рускаго Жилблаза) прекрасно списана съ натуры. 3) *Сѣверная Пчела* извѣщала о современныхъ происшествіяхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, о городскихъ новостяхъ и п. п. Литературный отдѣлъ сей газеты часто наполнялся весьма хорошими оригинальными статьями, коихъ большая часть принадлежитъ Г. Булгарину. 4) *Отечественныя Записки*, П. П. Свинына, весьма ревностно выполняли прекрасную цѣль свою: знакомятъ Рускихъ со всемъ рускимъ, настоящимъ и минувшимъ. 5) *Азіатскій Вѣстникъ*, изд. Г. Спасскимъ,

содержалъ въ себѣ по большей части переводы изъ иностранныхъ сочиненій объ Азій. Въ отдѣленіи *Восточной Словесности* помѣщались въ немъ очень хорошіе переводы арабскихъ поэзовъ, Г. Бопьянова. 6) *Технологическій Журналъ*, изд. Академіею Наукъ. 7) *Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи*, изд. Профессоромъ Щегловымъ. 8) *Горный Журналъ*, издаваемый опъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ и 9) *Журналъ Мануфактуръ и торговли*, издаваемый также Департаментомъ сего имени. Каждый изъ сихъ чешырехъ Журналовъ совершенно соопвѣтствовалъ своей цѣли и содержалъ въ себѣ много любопытныхъ статей, по предметамъ, входящимъ въ составъ его.

Нельзя не пожалѣть, что *Журналъ изящныхъ Искусствъ*, изд. Г. Гри-

горовичемъ, въ 1827 году прекрашил-
 ся. Журналь сей, хорошими теоре-
 тическими спашьями, основатель-
 ными сужденіями и умными замѣча-
 ніями, обѣщаль намъ разпространеніе
 въ нашемъ опечествѣ образованнаго
 вкуса къ изящнымъ произведеніямъ ис-
 кусствъ. — Кромѣ сего, прекрашились
 еще слѣдующіе Журналы: *Благонамѣ-*
ренный, который, не во гнѣвъ Г. Изда-
 телю, въ послѣдніе годы оставался
 при одномъ своемъ *благомъ* намѣреніи;
 и *Новости Литературы*, изд. Г. Во-
 ейковымъ. *Новости* сіи дряхлѣли въ
 недолгольшней своей жизни и шпхо,
 безъ дальнихъ сѣтованій и плакаль-
 щиць, соскользнули на берега Лепы.
 Мѣсто ихъ заступилъ 10) *Славянинъ*,
 который, для перваго знакомства съ
 своими чипашелями, заговорилъ съ
 ними о военныхъ наукахъ и о памяш-
 никахъ опечественныхъ, на какомъ-

шо неизвѣстномъ нарѣчїи славянскаго языка, только не по руски. Филологи еще не рѣшили, что это за нарѣчїе? Ондѣленїе стихотворенїй несравненно лучше прозы; но въ выборѣ ихъ, Г. Издапель руководствуется прежними своими правилами, ш. е. перепечашываетъ изъ чужихъ книгъ и книжекъ. Къ слову пришлось сказать, что пора бы опспать опъ снхъ самопроизвольныхъ заимствований изъ чужаго запаса. Въ эпомъ случаѣ, литературная совѣсть должна бѣ была имѣть силу закона о литературной собственности.

Еще издавались въ Пешербургѣ слѣдующїе новые журналы: 11) *Новая Дѣтская Библиотека*, изд. Б. М. Федоровымъ. Полезная цѣль, разнообразїе и хорошїй выборъ спашей, заслужили ему справедливое одобренїе публики. 12) *Дѣтскїй Музеумъ*, изд.

Г. Ушаковымъ, появился снова и по прежнему содержалъ въ себѣ разкрашенные картинки, относящіяся къ Естественной Исторіи, съ объясненіями, приспособленными къ понятіямъ дѣтей. 13) *Журналъ Путей Сообщенія*, изд. опть сего Департамента.

Изъ Московскихъ Журналовъ, напомнимъ, по праву первородства, объ 14) *Историческомъ, Статистическомъ и Политическомъ Журналѣ*, который нынѣ, безъ всякой оговорки, наполняется сшашьями изъ другихъ русскихъ журналовъ. За симъ слѣдуютъ: 15) *Вѣстникъ Европы*, коего редакторъ Г. Каченовскій. Журналъ сей, съ нѣкотораго времени, потерялъ прежнюю свою занимательность, и, кажется не слишкомъ заботился снова приобрести ее. Повторимъ уже не разъ изъявленное о томъ сожалѣніе. 16)

Московскій Телеграфъ, изд. Г. Полевымъ. Журналъ сей нравится своимъ разнообразіемъ; въ немъ можно найти и ошашны ученыя, и современную библіографію рускую и чужеземную, и липературу, и новости, и моды и пр. и пр. Для бóльшого совершенства сего Журнала, можно бы пожелать ему лучше обработаннаго слога и побольше умѣренности въ сужденіяхъ. Въ хорошемъ журналѣ пріятно находишь и слогъ хорошій, пѣтъ болѣе, когда въ немъ встрѣчаются рѣзкіе приговоры слогу другихъ писателей. 17) *Дамскій Журналъ*, сквозь призму желтой свосей оберпки и песпренскихъ каршинокъ, пропускалъ въ благопріятныхъ цвѣсахъ свою прозу, похожую на китайскую живопись, и спышки легче пуху. 18) *Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Химіи и свѣдѣній экономическихъ*, издавае-

мый Г. Профессоромъ Двигубскимъ.
 19) *Земледѣльскій Журналъ*, изд.
 опть Общества сельскаго хозяйства, и
 20) *Записки для охотниковъ до лоша-*
дей, изд. Г. Цорномъ, наполнялись
 спашьями, соопвѣшешвующими ихъ
 заглавіямъ.

Вновь появился въ Москвѣ за 1827
 годъ одинъ Журналъ: 21) *Московскій Вѣ-*
стникъ, издав. Г. Погодинымъ. Соспавъ
 сего журнала липературно-ученый.
 Опдѣленіе стиховъ въ немъ оплич-
 но хорошо. Кромѣ стихопвореній Пуш-
 кина, почти въ каждой книжкѣ мож-
 но было найти произведенія ихъ изъ
 молодыхъ нашихъ поэшовъ, которые
 съ каждымъ днемъ оправдываютъ сча-
 спливѣйшія надежды. Одинъ изъ нихъ,
 раннею зрѣлостію своихъ дарованій
 и вкуса, какъ будто бы похипилъ
 многіе годы у жизни, что бы спѣсипть
 ихъ въ немногихъ, но прекрасныхъ

(*) Многія спашы прозаическія, особливо касающіяся до теоріи изящныхъ искусствъ, истинно хороши, и указываютъ намъ иногда новую почку зрѣнія, съ кою должно смотрѣть на сіи искусства. Собственно-литературное отдѣленіе прозы, не столько было богато произведеніями рускими; за то въ немъ помѣщались очень хорошіе переводы по выбору и по слогу. Г. Издапель конечно не подосадуешь на насъ за откровенность, когда мы скажемъ, что въ эпозъ хорошемъ журналѣ мы не охотно видѣли Шатобріанова *Рене*, уже давно извѣснаго у насъ по переводамъ. Эпистарыя обновки почти всегда остаются въ журналахъ съ неразрѣзан-

(*) Я говорю о Веневитиновѣ. Смерть похитила его у Отечества, Музъ и друзей на 22 году; но умственная жизнь его, кажется, многими десятилѣтніями предупредила органическую.

ными листами и заспаваютъ любителей журнальнаго чтенія хмуришь брови. Опрывокъ изъ повѣсти: *Невѣста на ярмаркѣ*, напоминаетъ намъ зашверженный со времени Проспаковой и Еремѣвны бытъ закостѣлыхъ провинціаловъ, и фактуру *нѣкоторыхъ* русскихъ повѣстей, появлявшихся и еще появляющихся въ *нѣкоторыхъ* журналахъ. Прошу также Г. Издаателя безпристрастно и хладнокровно вслушаться еще въ одно замѣчаніе: въ библиографическихъ его извѣстіяхъ не рѣдко встрѣчаются довольно странные недосмотры. Такъ въ разборѣ Сѣвер. Цвѣповъ 1827 года (см. кн. 12) картина Г. Щедрина приписана Г. Кипренскому (*), а отличный нашъ пейзажистъ Г. Воробьевъ, названъ Во-

(*) Славный нашъ историческій и портретный живописецъ, О. А. Кипренскій, сколько намъ из-

робьевскимъ; стихи изъ идилліи Б. Дельвига: *Друзья*, выписаны съ пропусками и ошибками. Тамъ же, говоря о малороссійской были Г. Байскаго: *Юродивый*, Г. Кришкь находишь въ ней сходство съ сценами романа В. Скопша: *Ганнственный Карло*; не худо бь было, если бь онъ указаль, съ какими именно? — Что касается до сужденій о книгахъ, по въ нихъ конечно всякой воленъ излагать свои мысли по своему разумнью или усмотрнью; но и шупь нужна нѣкоторая оглядка, а больше всего безпристрастіе. — Въ ученыхъ спашьяхъ сего журнала много есть дѣльнаго, а въ смѣси новаго и любопытнаго. Въ спашьяхъ самого Издашеля, замѣшно однако жь желаніе, при вся-

вѣшно, никогда не писалъ пейзажей или перспективныхъ видовъ.

комъ случаѣ выказывать свою ученость. Часто онъ поступаетъ съ читателемъ, какъ съ ученикомъ, заставляя его повторять старый урокъ. Что хорошо слышать съ кафедры профессорской, то не можешь имѣть мѣста въ журналѣ, котораго Издашель, хоть изъ учивости, долженъ предполагать въ читателяхъ своихъ достаточную степень познаній и образованности; по крайней мѣрѣ столько, что имъ уже не нужно напоминать *общихъ мѣстъ* ученическихъ. Еще бросается въ глаза одно примѣчаніе Г. Издашеля: онъ говоритъ, что будешь иногда писать парадоксы и защищать несправедливыя мнѣнія, *для изощренія ума*. Почему это нужно и полезно? не понимаю; но не въ правъ ли читатели подумаютъ, что Г. Издашель симъ способомъ готовится себѣ на всякій случай замысловатую оговорку. Такимъ обра-

зомъ, если бы его уличили, на примѣръ, въ кривомъ толкѣ или въ искаженіи вѣроятности исторической, то онъ могъ бы опвѣчать, что это съ намѣреніемъ *вставленная ипотеза или умышенно-ложная догадка*. — Не смотря на сіи небольшія изключенія, Журналь сей есть одинъ изъ лучшихъ и представляешь собою разнообразное, пріятное и часто полезное чтеніе.

Если прибавимъ къ сему исчисленію:
 22) *Одесскій Вѣстникъ*, издаваемый на російскомъ и французскомъ языкахъ и заслуживающій имя весьма хорошей газеты; если упомянемъ при семъ случаѣ, что *Харьковскій Вѣстникъ* прекратился; то кажется, мы изчислили всѣ насущныя наши рускіе журналы и періодическія изданія и почтили памятью скончавшіеся.

Конечно, число ихъ не можетъ сравниться съ сошнями англійскихъ и французскихъ журналовъ и газетъ; но все, соблюдая ту же посылку къ числу читателей, оно весьма достаточное для Россіи. Для друзей просвѣщенія упѣшительно будетъ замѣтить въ семъ обзорѣнн, что многія отрасли наукъ имѣють у насъ свои особенныя, и весьма хорошія журналы. Съ такими пособіями, просвѣщеніе наше можетъ сдѣлать быстрые и надежныя шаги. Замѣтимъ еще, и порадуемся, что у насъ уже теперь нѣтъ, или почти нѣтъ такихъ журналовъ, какъ покойные *Демокриты* и имъ подобныя. Это также говоритъ въ пользу нынѣшняго вкуса и образованности нашихъ единоплеменниковъ.

Альманахи, по опредѣленному времени ихъ появленія и по составу своему, принадлежатъ также къ періо-

дическимъ изданіямъ; посему я и даю имъ мѣсто непосредственно послѣ журналовъ. Минувшій годъ былъ, можно сказать, *тугенъ* альманахами разнаго формата и достоинства. Чиспашели конечно не пошребують, что бы въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 года, я спашъ говорилъ о *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1827: хвалишь ихъ въ этомъ обзорѣни — было бы спрашно и даже смѣшно; находишь въ нихъ недоспашки — значило бы *унигиженіе пате гордости*. Я захѣпиль, что кришика, въ кошорой сочинилъ или издашелъ *самъ на себя поднимаетъ руку*, никогда не бываетъ чиспосердечна: по весьма еспешвенной спрашегіи самолюбія, кришикъ въ семь случаевъ указываетъ на самыя легкіе недоспашки, дабы чрезъ шо сдѣлалъ диверсію отъ самыхъ тяжкихъ грѣковъ. Слѣдуя вышензьясненному правилу исключе-

нія, оплагаю въ сторону Стверные Цвѣты и окину взглядомъ прочіе рускіе альманахи, наблюдая между ними *табель о рангахъ* не по старшинству вступленія, но по относительному ихъ достоинству.

1) *Литературный Музеумъ*, В. В. Измайлова. Г. Собирагель желалъ « съ пріяпною легкостію альманаха соединить достоинство книги, » и достигъ своей цѣли. Собственные его статьи въ прозѣ и нѣкоторыя изъ чужихъ, оправдываютъ сіе желаніе. Стихотвореній немного; но между ними есть хорошія. Вообще если не числомъ и разнообразіемъ, то по крайней мѣрѣ внутреннимъ достоинствомъ, *Литературный Музеумъ* есть одинъ изъ лучшихъ прошлогоднихъ альманаховъ. 2) *Стверная Лира*, изд. въ Москвѣ Гг. Раичемъ и Ознобишинымъ. Хорошій выборъ пьесъ и чистый, при-

яшный слогъ, отличаютъ прозаическія статьи сего альманаха, въ числѣ коихъ, кромѣ занимательныхъ русскихъ сочиненій, есть и переводы съ воспочныхъ языковъ. Между стихотвореніями, которыми альманахъ сей очень обилень, есть испинно прекрасныя. 3) *Памятникъ Отецественныхъ Музъ*, изд. Б. М. Федоровымъ. Въ семь *Памятникъ* находяпся многія неизданныя доселѣ сочиненія опжившихъ писателей, со времянь Сумарокова до нашихъ дней. Немногія изъ нихъ могутъ служить къ прочности *памятника*; остальные, въ рукописяхъ уцѣлѣвъ опъ времени, въ печати не выдержатъ разрушительнаго его прикосновенія. Жаль, что Г. Федоровъ, сооружая сей *памятникъ*, допустилъ въ составъ его чуждые матеріалы; а именно, сочиненія писателей живущихъ и пишущихъ: каж-

дому изъ нихъ можно бы предоста-
вить самому попещись о своемъ па-
мятникѣ, тѣмъ болѣе, что сами они
конечно лучше знаютъ, на чемъ осно-
вать его. Нельзя однако же не побла-
годарить Г. Собирашеля за то, что
онъ сохранилъ для потомства нѣко-
торыя изъ твореній прежнихъ писа-
телей, истинно заслуживающія вни-
манія (*). 4) *Календарь Музъ* (Из-
дательн, кажется, тѣ же какъ и въ
1826 году), прозою не отличаясь отъ
своихъ собратьевъ: въ немъ можно на-
считать до пяти сятыхъ, хорошихъ

(*) Таковы наприм. въ прозѣ: *Мысли Карам-
зинка, Писемка къ нему друга его Петрова, Два
сатирическа я писемка Фонд-Визина, Анекдотъ
о Державинѣ*, имъ самимъ написанный, и нѣко-
торыя изъ писемъ Батюшкова; въ стихахъ:
Полдень и нѣкоторыя изъ *мѣлкихъ* стихо-
твореній Державина и *Отрывки изъ Сатиръ* Ки-
Горчакова.

по содержанию и слогу. Стихотворная часть, кроме весьма немногих пьесъ, вообще скудна: въ ней почти на половину стиховъ въ альбомы, на именинные и другіе случаи; и въ семь смыслъ, это почти *Календарь*; только *Музы*, какъ видно, не охотно посещали семейные пиры, на которые ихъ зазывали. 5) *Невскій Альманахъ*, изд. Г. Аладынымъ. Альманахъ сей составленъ, съ грѣхомъ по поламъ, изъ разныхъ степеней хорошаго, посредственнаго и дурнаго, и, кажется, перевѣсъ не на сторону перваго; къ последнему же смѣло можно опчислить слова самого Г. Издателя. « Это, » — говоря собственными его словами — « наборъ словъ, какъ наборъ ерофенча: горько, хоть въ ротъ не бери. » Я сказалъ, что альманахъ сей составленъ съ грѣхомъ по поламъ, и въ поясненіе повторю прежнія мои

слова (см. стран. 17, строк. 13 и д.)
 6) *Астраханская Флора*, изд. Г. Розенмейеромъ, красовалась болѣе цвѣтами чужихъ климатовъ, или просто, переводами съ нѣмецкаго языка. Все въ этой книжкѣ: и сочиненія и переводы, и стихи и проза, трудовъ самого Издателя. Проза его вообще лучше стиховъ. 7) *Сириусъ*, изд. М. А. Беспужевымъ-Рюминымъ, также заключала въ себѣ сочиненія и переводы, стихи и прозу, и большая часть ихъ принадлежишь самому Издателю. Подъ нѣкопорыми изъ стихотвореній, встрѣчалась имена Гг. Θ. Глинки и Цалчевскаго, и эти стихотворенія были лучшія; подъ прозаическими же спашьями не нашли мы ни одного знакомаго имени, а въ самыхъ спашьяхъ ничего такого, съ чѣмъ бы пріятно было познакомиться.

Нѣкопорыя дѣшскія книжки 1827 года

были изданы въ сродное время и съ дру-
 гими наружными условіями альмана-
 ховъ; и такъ назовемъ ихъ *дѣтскими*
альманахами и дадимъ имъ мѣсто на
 ряду съ пѣмнн, которые назначаются
 для взрослыхъ. Сихъ дѣтскихъ альмана-
 ховъ было три: 1) *Дѣтскій Цветникъ*,
 составленный Г-мъ Б. Федоровымъ,
 заслуживаетъ занять между ними по-
 чешное мѣсто, какъ по разнообразію,
 выбору и слогу¹, такъ и по красо-
 сти изданія. 2) *Подарокъ дѣтямъ*,
 состоитъ весь изъ повѣстей пере-
 водныхъ, но удачно примененныхъ къ
 Рускимъ нравамъ; слогъ могъ бы быть
 лучше; изданіе и картинки довольно
 хороши; и 3) *Незабудка*, изд. С.
 Глинкою. Слогъ вообще хорошъ; но
 въ выборѣ стиховъ иногда повторя-
 лось старое, знакомое намъ изъ Рус-
 каго Вѣстника. Стихи не отличные.
 Впрочемъ, напоминая дѣтямъ славные

подвиги предковъ нашихъ и лучшія чершы изъ исторіи, Г. Издапель конечно заслуживаетъ благодарность.

Многіе думаютъ, основываясь на свидѣтельствахъ исторіи, что въ произведеніяхъ ума поэзія предшествовала прозѣ; и даже однажды сказано было, что поэзія *естественна*, а проза *поддѣльна*. (*) Принимая за правило то, что утверждено *мнѣніемъ* и *давностію*, даю поэзіи старшинство надъ сеспрою ея прозою.

Поэзія наша, въ прошломъ году, богата произведеніями Пушкина. Кроме тѣхъ, которыя были разсыяны въ двухъ или трехъ альманахахъ и въ разныхъ книжкахъ Московскаго Вѣстника, напечатаны особо его поэмы: *Цыганы* и *Братья разбойники*, и *третья*

(*) La poésie est naturelle, et la prose est factice. »

глава поэтического романа: *Евгеній Онгвинъ*. Разсказъ первой поэмы состоишь изъ отдѣльныхъ картинъ или какъ бы изъ отрывковъ: поэтъ, изображая небогатую приключеніями жизнь кочеваго, полудикаго племени Цыгановъ, боялся однообразія и повтореній, и съ опличнымъ искусствомъ избѣжалъ ихъ. Промежутки времени, между главными событіями поэмы, мелькали предъ его глазами и слились въ одно прекрасное цѣлое. И какая во всемъ полноша, какая свѣжестъ картинъ и положеній! Движеніе, быстрота, смѣлые переходы, живая игра страстей — все это въ такомъ согласіи съ предметомъ, что можно сказать, чинапель, перенесенный потомъ въ шумный шаторъ, не успѣваетъ опомниться и сравнить цыганскій бытъ съ жизнью образованныхъ горожанъ. — Та же живость картинъ, та

**

же бысропа повѣспованія въ другой небольшой поэмѣ Пушкина: *Братья разбойники*: разсказь у него кипишь, какъ буйныя спраси въ сердцахъ опшашнувшійся опъ законовъ вольницы. Напротивъ того, въ прешей главѣ *Онѣгина* спраси уже заключены въ узы приличій. Тамьяна пишешъ къ Онѣгину, но чувствуешъ и знаешъ, что она уклоняешся опъ принятыхъ правилъ. Борьба сихъ правилъ, сихъ приличій съ самовластною спрасью, въ душѣ молодой дѣвушки — изображена превосходно. Въ *Онѣгинѣ* поэтъ вводитъ насъ въ кругъ людей, стоящихъ на извѣстной степени образованія и слегка осмѣиваешъ странности, подмѣченныя имъ въ свѣтскомъ быту. Прочитавъ сряду всѣ сии три произведенія Пушкина, кто не подивится гибкости его дарованій, вѣрности соображеній и мѣш-

коспи, съ какою онъ ловить природу въ разныхъ ея видахъ?

Шуваловъ и Ломоносовъ, лирико-драматическое стихотвореніе Г. Мерзлякова, изображаетъ, въ счастливыхъ иногда стихахъ, основаніе разсадника нашихъ музъ, Московскаго Университета. *Опыты въ антологическомъ родѣ*, Г. Иллчевскаго, подъ скромнымъ названіемъ опытовъ представляетъ часно въ разныхъ родахъ мѣлкой поэзіи шакиа стихотворенія, кои могутъ имѣть свободный пропускъ въ собранія лучшихъ нашихъ эпиграмматическихъ произведеній. Скажутъ, что большая часть изъ нихъ — подражанія иностраннымъ; но не всеми ли признано, что въ поэзіи удачное подражаніе имѣетъ достоинство сочиненія? — Маленькая поэма: *Дивъ и Пери*, Г. Подлинскаго, показываетъ въ семь молодомъ поэтѣ отличныя способности:

легкость и пріятность стихосложенія, воображеніе живое и шворящее. Съ такими вѣрными залогами, и съ внимательностію къ совѣтамъ благонамѣренной критики, сочинитель сей поэмы конечно можетъ оправдать самыя лестныя надежды, зародившіяся съ появленіемъ перваго опыта его дарованій. *Таврида*, поэма Г. А. Муравьева, слаба по вымыслу, но въ нѣкоторыхъ ея стихахъ мелькають искры дарованія. Приложенныя къ ней другія стихотворенія Г. Муравьева, богаче и воображеніемъ и хорошими стихами. Впрочемъ и сіи первые опыты ручаються намъ, что съ выполненіемъ условія, предложеннаго выше, и съ меньшею довѣрчивостію къ самому себѣ, Г. Муравьевъ можетъ занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ молодыхъ нашихъ поэтовъ. *Элегія и другія стихотворенія Д. Глѣбова*, заключають

въ себѣ собственныя его произведенія и подражанія древнимъ и новымъ чужеземнымъ поэтамъ, въ разныхъ родахъ стихотворства: въ лирическомъ, дидактическомъ, повѣствовательномъ, описательномъ и проч. Достоинства ихъ также не одинаково: между хорошими стихотвореніями есть посредственныя, есть и слабыя по созданію и по отдѣлкѣ. Стихи довольно плавны; но рѣча часто слишкомъ насильственно предъявляла права свои. Въ *Апологическихъ стихотвореніяхъ* Г. Осполопова есть до десяти небольшихъ басень истинно хорошихъ; жаль, что вмѣстѣ съ ними Г. Сочинитель помѣшилъ нѣсколько шакихъ, кои гораздо ниже ихъ достоинства. Еще болѣе жаль, что онъ присовокупилъ къ нимъ свою поэму: *Привидѣніе*. Вообще пародія тогда только нравится, когда она бываетъ мѣшка въ сво-

ихъ примѣненіяхъ и забавна въ изложеніи : но сіи условія не выдержаны въ поэмѣ Г. Осолопова. Всего лучше и всего правдивѣе въ ней — эпилогъ. — Графъ Д. И. Хвостовъ издалъ *пятый томъ* своихъ *Стихотвореній*, въ которомъ есть и оды, и припчи, и мѣлія стихотворенія и пр. Мое мнѣніе конечно не прибавишь вѣсу сочиненіямъ Графа; и пошому я удерживаюсь опть всякихъ сужденій на счетъ оныхъ. Скажу только, что сей пятый томъ не успунишь чешыремъ прежнимъ ни наружною приманкою изданія, ни внутреннимъ своимъ достоинствомъ. *Пятиколосный колось, согненіе Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Графа Дмитрія Ивановича Хвостова, и пр. и пр.* По случаю сего стихотворенія, въ одномъ журналѣ изъявлено было желаніе: «чтобы благодарная природа наградила почтен-

наго пѣвца своими дарами, и за каждый прекрасный стихъ его сочиненій, подарила его вошчину пшениколоснымъ колосомъ.» Желаніе искреннее и полезное, къ которому безъ сомнѣнія, всякой присовокупившъ и свое, въ той же силѣ,

Послѣ сего изчисленія, нужно ли говорить о *Новыхъ басняхъ и разныхъ стихотвореніяхъ Г. Ржевскаго*, о поэмахъ: *Александридѣ*, *Г. Свѣчина*, *Димитріи Донскомъ*, *Г. Орлова* и *Греганкѣ*, неизвѣстнаго и пр. и пр.? Если скажутъ, что все написанное съ рѣемами и въ извѣстныхъ стихотворныхъ размѣрахъ, принадлежитъ поэзіи, то конечно, должно вспомнить и о сихъ и о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, которыя почитилъ я фигурую умолчанія; но только вспомнить — и больше ни слова.

Изъ сборниковъ, появившихся въ прошломъ году, особенно вниманія заслуживаютъ: *Малороссійскія пѣсни*, издан. Г. Максимовичемъ, въ Москвѣ; трудъ похвальный и хорошо исполненный. Послѣ Князя Цершелева, издавшаго такъ называемыя пѣсни *бандурныя* (*), никто еще не прогаль богатаго запаса Малороссійскихъ пѣсень, которыя какъ по слогу, такъ и по прелестной своей музыкѣ, должны занять первое мѣсто между народными пѣснями славянскихъ племенъ, населяющихъ Россію. Изданный Г. Максимовичемъ малороссійскій пѣ-

(*) *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень*, С. П. Бургъ, 1819. — *Бандурныя* малороссійскія пѣсни суть тѣ, кои заключаютъ въ себѣ преданія объ украинской старинѣ. Пѣсни сіи сложены вольными стихами, безъ особеннаго, опредѣленнаго метра и разпѣваются речитативомъ, съ аккомпанированіемъ бандуры.

сенникъ конечно еще не полонъ: многихъ изъ лучшихъ пѣсень мы въ немъ не находимъ: но для составленія полнаго пѣсенника, должно бѣ было не только путешествовать, а жить въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и Украины, и на это требовалось бы посвятивъ нѣсколько лѣтъ жизни; чего, при другихъ занятіяхъ и обязанностяхъ, сдѣлать невозможно. Будемъ благодарны Г. Собирашелю и за сей первый опытъ, который, должно надѣяться, откроетъ поле и другимъ литераторамъ къ составленію подобныхъ сборниковъ. Скажемъ также мимоходомъ, что баллады: *Твардовскій*, могъ бы онъ и не помещать въ своемъ собраніи малороссійскихъ пѣсень, потому, что она не принадлежитъ къ народнымъ пѣснямъ. Это слабое подражаніе балладъ Г. Мицкевича, съ копорою, относительно къ слогу и

поэзии, она разнишя, какъ черное съ бѣлымъ. Въ Москвѣ издано также *Собраніе романсовъ и пѣсень для прекраснаго пола*, въ 2 частяхъ. Это собраніе не отличаетя сирогимъ выборомъ; здѣсь всему было мѣсто: и хорошему, и посредственному, и слабому, и все это перемѣшано съ самою назидательною терпимостью. Въ Москвѣ же вышло, и также въ 2 частяхъ: *Собраніе шарадъ*, въ пользу и употребленіе любителей гранд-пасьянса и другихъ такого рода невинныхъ занятій.

Къ числу стихотворныхъ нашихъ приобретений за прошлый годъ, должно присовокупить нѣсколько сочиненій драматическихъ. Начнемъ съ трагедій. Въ февраль мѣсяцъ была представлена и напечатана трагедія Г. Капеллина: *Андромаха*. Многие думали, что это новый переводъ Андромахи

Расиновой, и обманулись. Трагедія Г. Кашенина есть собственное его сочиненіе, а не переводъ или подражаніе. Завязка, ходъ ея, время и мѣсто дѣйствія совершенно новы: Сочинитель основалъ всю занимательность трагедіи на материнской любви Андромахи къ сыну ея Аспіанаксу и приковалъ соучастіе зрителей къ судьбѣ сего послѣдняго. Въ положеніи дѣйствующихъ лицъ и въ игрѣ страстей много истины; но слабая спорна сей трагедіи — есть стихосложеніе. — *Баязеть, трагедія Расина*, пер. Г. Олина. Что сказать объ этомъ переводѣ? Вопервыхъ то, что онъ не былъ представлень на театрѣ; во вторыхъ, что въ смѣси Рускаго Инвалида помѣщено было Баязету Г. Олина похвальное (и, кажется, надгробное) слово; а послѣ переводъ сей былъ опублѣвъ въ другихъ журналахъ и по-

хоронень въ книжныхъ лавкахъ. *Федра*, трагедія Расина, пер. Г. Чеславскаго. Послѣ перевода Г. Лобанова, сія Федра можетъ занять первое мѣсто между своими соимяницами, которыхъ, если не ошибаюсь, у насъ *одинадцать* на рускомъ языкѣ, печатныхъ и рукописныхъ. Къ слову пришлось сказать вообще о переводахъ трагедій Расиновыхъ: славному французскому трагику не совсѣмъ посчастливилось на нашемъ языкѣ; ни одинъ изъ извѣстныхъ у насъ переводовъ его трагедій не удовлетворяетъ вполнѣ тѣмъ условіямъ, которыхъ почиатели Расина вправѣ требовать отъ его переводчиковъ (*). *Аннибалъ на развалинахъ Карфагена*, такъ названная драмати-

(*) Между этими переводами много такихъ, къ которымъ не грѣшно примѣнить французскій каламбуръ иѣкопорого оспрослова, сказанный объ одномъ изъ нихъ: *c'est Racine déraciné.*

теская поэма Г-на Д. Спруйскаго. Здѣсь иногда дѣйствующія лица разглагольствуютъ сами съ собою или съ другими дѣйствующими лицами, иногда же авторъ за нихъ рассказываетъ спихами, что они дѣлають и думаютъ и чувствуютъ. Монологи длинны и скучны: въ нихъ безпрестанно одно и то же; вставки повѣствовательныя также не шевелятъ ни сердца, ни воображенія. Изъ комедій, игранныхъ на здѣшнемъ театрѣ и напечатанныхъ, упомянемъ о переводѣ комедіи Мариво: *Les fausses confidences*, съ довольно страннѣмъ заглавіемъ: *Обманъ въ пользу любви*. Тонкости свѣтскаго нарѣчія, нѣкогда употребительныя въ лучшихъ парижскихъ обществахъ, въ этомъ переводѣ Г. Капенинымъ хорошо переданы на рускомъ языкѣ. *Женатый философъ*, ком. Дешуша и *Двое за четырехъ*, другая комедія француз-

скаго же театра, переведены въ стихахъ Г. Каратыгинымъ. Если Г. Каратыгинъ обратитъ выборъ свой на лучшія и ближайшія къ нашимъ или по крайней мѣрѣ къ общимъ правамъ французскія комедіи; если при томъ будетъ обрабатывать свой слогъ и получитъ болѣе навыка въ механизмѣ стиховъ; то безъ сомнѣнія сокупишь въ себѣ, съ отличнымъ трагическимъ актёромъ, и хорошаго комическаго писателя. Это было бы весьма пріятное явленіе въ нашей словесности. Первые опыты Г. Каратыгина, какъ писателя, обѣщаютъ уже много. Въ Москвѣ напечатана оригинальная комедія въ стихахъ: *Писатели между собою*, соч. Г. Головина. Судя по долготѣ ея, можно заключить, что сочинителю ея стихи достаются легко; но легко ли оны ихъ достается читателю? это другой вопросъ, кошо-

рый пояснится, когда скажемъ, что комедія не занимательна по содержанію и что скучная завязка не выкупается въ ней ни комическою солью, ни веселостью, ни хорошими стихами. Два водевиля, передѣланные съ французскихъ: *Гусарь-невѣста*, Г-мъ М. Яковлевымъ, и *Встрѣча въ гавани*, Г-мъ А. Рѣдкинымъ, повершаютъ небогатый печальный запасъ драматической нашей литературы за прошлый годъ. Последній изъ стихъ водевилей лучше перваго и по выбору предмета, и по оцѣнкѣ стиховъ.

Проза наша въ прошломъ году была и того скуднѣе произведеніями собственнo-литературными. Кажется, всѣ они мѣстились въ альманахахъ и журналахъ. Кромѣ переводовъ, остальное за пѣтъ число едва ли составляетъ полный десятокъ заглавій; и того заслуживающихъ вниманія книгъ

еще меньше. Послѣ сего нельзя не подивиться безмолвію, съ какимъ Московскіе журналы, допустившіе въ со-
снравъ свой библиографію и криптику, встрѣтили *Созиненія Г. Булгарина*.
Писатель, нѣсколько лѣтъ извѣст-
ный въ нашей словесности, охот-
но читаемый публикою, издатель трехъ
журналовъ, заслуживалъ, что бь о *ге-
тырехъ гасняхъ* его сочиненій помѣ-
щено было покрайней мѣрѣ библио-
графическое извѣстіе, если не хотѣли
ихъ удоспонть полнаго разбора. Мол-
чаніе въ такомъ случаѣ, по моему мнѣ-
нію, не есть обида сочинителю, а
нѣкоторымъ образомъ неуспойка въ
словъ передъ публикою, которой Гг.
Издатели общающія давалъ отчет-
ны обо всѣхъ печатныхъ новостяхъ;
тѣмъ болѣе, что въ *Созиненіяхъ Г. Бул-
гарина* помѣщено нѣсколько статей
новыхъ, нигдѣ дополъ не напечатан-

ныхъ. Уже нѣсколько лѣтъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ замѣтно странное явленіе: ими овладѣлъ духъ личности, вовсе неупѣшительный для публики, и болѣе опшучивающій ее опшченія, нежели заманивающій къ оному. Въ журнальныхъ нашихъ войнахъ повворяется сцена Трисопина и Вадіуса: сперва взаимныя вѣжливости, послѣ легкія замѣчанія, потомъ колкости; и наконецъ прошивники-журналы не оспавляютъ уже слова на мирь. И хорошо бь было, когда бы все это обрушивалось на однихъ журналахъ, ш. е. на олицетворенныхъ мнѣніяхъ, а не касалось самихъ лицъ. Часпо не одни журналисты, но ихъ пріятели и даже знакомые литераторы подвергаются преслѣдованіямъ, намекамъ и привязкамъ прошивной спороны. Безпристрастіе рѣдко бываетъ девизомъ въ этой войнѣ: ищутъ придирокъ, а не

* *

истины, заботятся о томъ, чтобы
 подмѣнить слабую сторону, а не о
 томъ, что бы показать дѣло съ на-
 стоящей точки зрѣнія. Посему - то
 сочиненія, не заслуживающія никакого
 упрека, бывають разкорены въ одномъ
 журналѣ только за то, что прежде
 были похвалены въ другомъ. Словомъ,
 всеъ равно достаешся, и правому и
 виноватому. Такъ, въ родовыхъ ссорахъ
 нѣкоторыхъ полу-дикихъ племенъ, не
 бываешъ пощады даже самымъ даль-
 нимъ родственникамъ и друзьямъ враж-
 дующихъ. Скучная наша полемика за-
 ключается въ антикрипикахъ, рекри-
 пикахъ, и ре-антикрипикахъ, кошо-
 рыя нерѣдко тащантъ за собою длинную,
 непрерывную цѣпь новыхъ *ре* и *ре-анти-*
крипикъ. Даже иногда просторное по-
 ле журналовъ становишся пѣсно для
 ихъ чернильныхъ добоищъ: бойцы-
 словесники, не довольствуясь шяже-

лымъ оружіемъ полновѣсныхъ своихъ журнальныхъ спашей, перебрасывающіяся рукометными книжонками, копорья почти никогда не попадають мѣшко въ прошивника и улешають изъ виду у чипашелей не вверхъ, а подъ споль. Чшо же въ эшихъ перепалкахъ? доказана ли ими хоть одна истина? — Нѣтъ. Обѣ противныя спороны горячатся, отбиваются отъ цѣли и вдаются въ личность и пристрастіе; а чипашели, люди вовсе поспоронніе въ незанимательной пляжбѣ лицъ, а не мѣній, досадуютъ, чшо вмѣсто дѣльныхъ спашей, ихъ угощаютъ прищупленными оспропами и часто непоняшными намеками. Отъ липературныхъ журналовъ чипашущая публика прѣбуешь разнообразія; гдѣ жь оно, когда въ нѣсколькихъ книжкахъ сряду твердится одно и то же? Мнѣ кажется, кришикъ, печатаа раз-

Борь какого-либо сочиненія, выска-
заль уже о немъ свое мнѣніе: по-
втореній ни сколько не нужно, оп-
вѣповъ на бранчивыя ашикриптики и
того меньше. Напрасно къ этому слу-
чаю примѣняютъ поговорку: *кто мол-
читъ, тотъ соглашается*; здѣсь мол-
чаніе должно толковаться такимъ об-
разомъ, что криптикъ оспяется при
своемъ прежнемъ мнѣніи и всѣ даль-
нѣйшія *амплификаціи* словъ да на-
кѣтъ считаетъ излишними. Что ка-
сается до колкости, и п. п., то—если
уже самолюбие авпорское не можетъ
ихъ снести безопвѣтно, — съ ними
можно бѣ было развѣдываться самою
короткою шуткою, оспрою и припомъ
неоскорбительною для образованнаго
вкуса.

Довольно объ этомъ. Можетъ быть,
за сіе чистосердечное изъясненіе мо-
его образа мыслей, и мнѣ не избѣг-

нупь кришки; жду ея смѣло. А между тѣмъ., возвращаюсь къ прежнему своему предмету.

Кромѣ *Сочиненій Г. Булгарина*, въ литературной прозѣ 1827 года съ удовольствіемъ можно упомянуть о *Сочиненіяхъ Е. Б. Фукса*, которыя, если не вовсе безпогрѣшны въ слогѣ, то въ замѣнѣ онаго имѣють другое, неопъемлемое достоинство для нашихъ соотечественниковъ, по воспоминаніямъ о рускомъ героѣ Суворовѣ. Сочинитель похвальнаго слова знаменитому рускому Исторіографу, Г. Иванчичъ-Писаревъ, издалъ въ 2 часняхъ выборъ изъ его твореній, подъ заглавіемъ: *Духъ Карамзина*. Книга сія имѣеть для русскихъ также достоинство воспоминаній; въ другихъ отношеніяхъ, она не можетъ замѣнить собою полныхъ сочиненій славнаго нашего писателя, тѣмъ болѣе, что

выборъ дѣланъ былъ безъ строгой разборчивости и не всегда удачно. *Письма о Восточной Сибири*, Г. А. Мартоса, заключающъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о семь отдаленномъ краѣ Россіи. Жаль, что изъ описаній Г. Мартоса, нельзя себѣ составить полной картины Сибири; жаль также, что слогъ сочинителя мѣстами неправиленъ и тяжелъ для слога письменнаго. *Малороссійская деревня*, Г. Кулжинскаго, описана, кажется, съ тѣмъ, чтобы представить Малороссіянъ въ такомъ видѣ, какъ испанскіе и французскіе паспухи Флоріановы; но имѣя честь быть землякомъ Г. Кулжинскаго, замѣчу ему, что нашъ опчестливый вѣкъ пребуешъ въ описаніяхъ существенности, а не мечтательности, въ картинахъ вѣрности красокъ, а не изысканности, и въ эпиграмахъ точности, а не на-

шяжки. Впрочемъ, съ Малороссією эшимъ еще не кончилось: нѣкто другой сочинитель, Г. Ив. Т... въ, напечаталъ въ Москвѣ романъ: *Госницкій, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запорожцевъ* — сказано въ заглавіи, хопя и невидно на дѣлѣ. Романъ сей похожъ на шѣ рукописи, въ копорыхъ чаще всего встрѣчающя пропуски и недописки. *Двѣ повѣсти: Коринна и Эмма*, соч. Г-жи Любови Кричевской, заслуживающъ вниманія по своему содержанію и слогу; еще болѣе пошому, что сочинительница, чуждал авторскаго самолюбія, издала ихъ въ пользу матери своей. — *Алексій и Ольга, руская повѣсть* Г. Бушмакина, не заключаешъ въ себѣ ничего новаго и напоминаетъ много стараго. Какой-то благомыслящій писатель издалъ въ Петербургѣ: *Подарокъ человеку, или лекарство отъ поедин-*

ковъ. Цѣль конечно полезная и хорошая; но дай Богъ, чтобъ она увѣнчалась успѣхомъ и чтобъ лекарство сіе было дѣйствительно. Застарѣлые предрасудки гораздо труднѣе излечивать, нежели застарѣлая болѣзнь.

Изъ книгъ историческихъ въ прошедшемъ году явилось двѣ, относящіяся къ жизни въ Божь почивающаго Императора Александра. Одна изъ нихъ: *Последніе дни жизни Незабвеннаго Монарха, Государя Императора Александра I*, (изданная книгопродавцемъ Занкинымъ), какъ по предмету своему, такъ и по содержащимся въ ней подробностямъ, основаннымъ на письмахъ и словесныхъ показаніяхъ очевидцевъ, весьма заслуживаетъ вниманія. Другая, издан. въ Москвѣ: *Жизнь, знаменитыя дѣянія и достопамятныя изреченія Императора Александра I*, есть на скорую

руку составленная компиляция, безъ плана, полноты и порядка. Исторія двадцати-пяти лѣтняго царствованія Императора Александра, богатая событіями необыкновенными, требуетъ отъ писателя дарованій, искусства и опытности, которыя достаются въ удѣлъ немногимъ. *О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*, Г. Зиновьева, есть опытъ, конечно не совершенный и не изъятый отъ ошибокъ, но заслуживающій вниманія по важности своего предмета и по спаранію Сочинителя представить оный сколько можно въ ясномъ свѣтѣ. *Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи*, и *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, два сочиненія Г. Кеппена, весьма полезныя для настоящихъ и будущихъ историковъ.

и археологовъ. Сюда же можно отнести: *Разсужденіе о произхожденіи купецкаго состоянія въ Россіи*, соч. В. Болшина. — *Опытъ нагертанія исторіи царства Армянскаго*, соч. Г-дъ Я. и Д. Арзановыхъ, заключающъ въ себѣ много любопытныхъ сказаній о древности происхожденія армянскаго народа и проч. Напрасно однакожь Гг. Сочинители не попытались положить граничную черту между баснословными преданіями и существенною исторіею своихъ предковъ. Первый шагъ къ отдѣленію достоверности отъ сего хаоса, былъ бы уже важною услугою для всеобщей исторіи народовъ. Не должно также позабыть о вышедшихъ въ 1827 году новыхъ изданіяхъ, исправленныхъ и дополненныхъ, трехъ весьма важныхъ историческихъ твореній: *Руководства къ познанію всеобщей политической Исторіи*, Г. Кайданова, *Краткаго на-*

вертанія всеобщей Исторіи, его же, и *Словаря Историческаго о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго гна*, соч. Пресвященнаго Евгенія, Митрополипа Кіевскаго и Галицкаго.—*Жизнь и нѣкоторыя сочиненія, оставшіяся послѣ смерти Г. Академика Шуберта*, изд. Г. Навроцкимъ, хотя послѣднею своею половиною и принадлежитъ болѣе къ разряду книгъ математическихъ; но здѣсь помѣщается, какъ біографія знаменитаго нашего академика.

По другимъ опраслямъ наукъ и познаній, напечатано въ прошломъ году также нѣсколько весьма замѣчательныхъ сочиненій и переводовъ. Число ихъ, сравнительно съ прежними годами, подаетъ оправданную надежду на будущее, надежду, что разпространеніе полезныхъ знаній водворитъ наконецъ у насъ просвѣщеніе существенное и основательное, а не сбивчивое

и поверхностное. Изчислимъ ученые наши приобрѣшенія въ книгахъ, изданныхъ за 1827 годъ. По части Богословія, философіи, нравоученія, воспитанія и проч. *Очевидность Божественнаго произхожденія Христіанской религіи*, соч. Женингса, пер. Г. Владиславлева; *Логика*, составляющая і часть *Курса философіи*, соч. Г. Додаева-Магарскаго; *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты догери своей*, соч. на польскомъ языкѣ Г-жи Тапъской. Книга сія, заключающая въ себѣ хорошо начертанный курсъ нравственнаго воспитанія молодыхъ дѣвицъ, занимательная по изложенію, предлагаемымъ въ ней примѣрамъ и слогу, весьма хорошо переведена одною изъ нашихъ соотечественницъ (*).

(*) Для первоначальнаго образованія дѣшей, издавна также весьма хорошая книжка: *Постепенное текіе для дѣтей*, въ 4 частяхъ. Это подражаніе извѣстному англійскому сочиненію миссисъ Барбо.

По части законовѣдѣнія, упомянемъ сперва, какъ о твореніи, связующемъ теорію нравственнаго философіи съ примѣненіемъ оной въ порядкѣ гражданскихъ обществъ, и. е. *съ правами*, о *Платоновыхъ разговорахъ о законахъ*, отлично хорошо переведенныхъ съ Греческаго языка Г. Оболенскимъ. Изъ книгъ, относящихся къ собственно-россійскимъ законамъ и правамъ, изда ны: изъ *Собранія російскихъ законовъ*, составляемаго Гг. Хавскими, *Уголовное уложеніе; Фемида, или наертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи*, составл. Г. Илар. Васильевымъ. Не смотря на странность перваго заглавія (*Фемида*), книжка сія имѣетъ свою цѣну: въ ней собрано все, что въ Російскихъ законахъ относится до нашихъ соотечественницъ. Миѣ кажется только, что изъ уваженія къ нимъ, Г. Соста-

випись сей книжки могъ бы умолчать
 о томъ, ошъ чего онъ избавляющся.
Собрание Россійскихъ законовъ о сте-
поводствѣ, или Государственномъ Кон-
тролѣ въ Россіи, составл. Г. Песъто-
 вымъ, и *Конспектъ занятій уѣзднаго*
Суда, соч. Г. Радугнымъ, — принад-
 лежатъ также къ числу хорошихъ книгъ
 для руководства и справокъ. По части
 математичеки и прикосновенныхъ къ
 ней наукъ: *Полный курсъ чистой Ма-*
тематичеки, соч. Франкёра, со 2 изд.
 переведенный Гг. Офицерами Глав-
 наго Шпаба: Христіани, Крюковымъ
 и Болоповымъ (ч. I); *Русская матема-*
тическая Энциклопедія, Г. Profes-
 сора Московскаго Университета Д.
 Перевощикова (4 книги); *Курсъ военно-*
строительнаго искусства, соч. Г. Ин-
 женеръ-Генераль-Маіоромъ Барономъ
 Эльснеромъ и переведенный Г. Инже-
 неръ-Капишаномъ Ломновскимъ; *Тео-*

рія и практика измѣренія горь барометромъ, соч. Г. опспавнаго Полковника Терлецкаго; и Таблицы для вычисленія процентовъ на денежныя капиталы, Г. Усова. По мореплаванію: XII томъ Записокъ, издаваемыхъ Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ. По химіи: Начальныя основанія Химіи, Г-на А. Ювскаго, второе изданіе, совершенно вновь переработанное; и О важности химическихъ изслѣдованій въ кругу наукъ и искусствъ, его же. По врачебнымъ наукамъ: Фармакографія, или химико-врачебное предписаніе приготовленія и употребленія новѣйшихъ лекарствъ, Г. Профессора Нелюбина; и Наставленіе о приготовленіи и употребленіи нѣкоторыхъ сильнодѣйствующихъ лекарствъ, соч. Мажанди, пер. Гг. Реслера и С. Спасскаго. По естественной исторіи: Краткое начертаніе Естественной

Исторіи животныхъ, Г. Профессора Ловецкаго. По стаписшикъ, сельскому хозяйству и шехнологіи: здѣсь, прежде всего, должно упомянуть о весьма важной и полезной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Государственная внѣшняя торговля, 1826 года, въ разныхъ ея видахъ*. Превосходный порядокъ въ изложеніи предметовъ и въ составленіи таблицъ, весьма облегчили труды стаписшиковъ, которые найдутъ въ этой книгѣ полные запасы для свѣдѣній о русской торговлѣ. *Описаніе Тульскаго оружейнаго завода, въ историческомъ и техническомъ отношеніи*, соч. Г. Доктора Гамеля, знакомитъ насъ въ подробностяхъ съ симъ образцовымъ заведеніемъ. *Записки о побѣдѣ на Нижегородскую ярмарку*, Н. Тярина, показываютъ наблюдательный взглядъ сего молодаго человѣка, воспитаннаго въ Московской Коммер-

ческой Академіи. *Рѣчь о пользѣ и необходимости водвореніа и разпространеніа плодоперемѣннаго или усовершенствованнаго земледѣліа и вообще сельскаго хозяйства въ Россіи*, Г. Шелехова, открываетъ многіе полезные виды по сей важной отрасли народнаго богатства. Жаль только, что тяжелый, запутанный слогъ и безконечные періоды, вредятъ иногда ясности мыслей, предлагаемыхъ въ сей рѣчи. *О шерсти и овцахъ, соч. Гг. Перольта Жотама, Фабри и Жирода, съ примѣчаніями Таера*, перев. Г-на С. Маслова, также весьма полезная книга для сельскихъ хозяевъ и заводчиковъ. Г. Масловъ, сверхъ ясности изложенія, оказалъ еще ту услугу своимъ соотечественникамъ, что всѣ въспрѣшившіяся ему по сей части иностранныя техническія названія весьма удачно замѣнилъ рускими. — По части ар-

хеологiи и библіографіи замѣчательны двѣ книги: *Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи*, сост. Г. Кеппеномъ, и *Второе прибавленіе къ описанію Славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстова*, изд. Г. Спроевымъ. По части языкознанія, въ русской словесности за 1827 замѣчательны два весьма пріятныя явленія: это *Пространная руская Грамматика* Г. Греча и *Практическая руская Грамматика*, его же. Первой донинѣ вышла одна *первая часть*; и какъ сочиненіе сего рода и важности пребуешь, чшобъ его разсматривали въ полномъ его объемѣ, то, оставляя сіе до будущаго времени, скажу нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о Грамматикѣ практической. Она раздѣляется на пять частей: *Этимологію общую; Этимологію частную, Синтаксисъ или*

словосотиненіе, Орѳозпію или произношеніе словъ и Орѳографію или правописаніе. Въ эѳимологіи часпной, спашьи обь именахъ и глаголахъ обдуманы и обрабопаны весьма хорошо. Доселъ наши граммашики говорили намъ о *двухъ спряженіяхъ* рускихъ глаголовъ; Г. Гречъ своими наблюденіями дозналъ *три* спряженія глаголовъ правильныхъ. Кажешся, самому зоркому крипику шрудно будешъ опыскашь, чшобъ какое-либо правило или изключеніе было упущено сочинишелемъ въ эшой часпи граммашики. То же можно сказашь и о послѣдующей часпи, ш. е. о словосочиненіи: оно изложено въ правильной и опчешливой системѣ и опличаетъя полношю и ясношю, какихъ, смѣло можно сказашь, небывало еще въ рускихъ граммашикахъ. Въ орѳозпіи или произношеніи словъ, сочинишель собралъ почпи всѣ ру-

скія слова, сходныя въ письмѣ и различныя по ударенію и значенію (*омографы*). Съ нѣкоторыми изъ правилъ правописанія, предлагаемыхъ въ 5-й части, мы не совсѣмъ согласны: особливо въ употребленіи прописныхъ буквъ, можно и должно быть бережливѣе, нежели какъ думаетъ сочинитель. Кромѣ того, что онѣ слишкомъ пестрятъ нашу печать и опнимающъ у нея ровность и спройность, сполько нравящіяся въ книгахъ англійскихъ и французскихъ, предспавляется еще одно неудобство: не всѣ, слѣдуя сему правилу, будутъ удачно употреблять прописныя буквы въ указанныхъ сочинителемъ именахъ нарицательныхъ, какъ напр. *природа*, *востокъ*, и п. п.; и это подвергнетъ правописаніе наше большей сбивчивости. Желаетъ вмѣстѣ съ сочинителемъ, чтобы наши филологи-крипики

разсмотрѣли и оцѣнили сіе сочиненіе; но вмѣстѣ же съ нимъ, желаемъ кришкики дѣльной, а не кривошолковъ и придирокъ къ опечаткамъ: такая псевдо-критика давно уже всѣмъ наскучила. Между тѣмъ, ждемъ 2-й части *Пространной Грамматики*, и въ свое время поведемъ о нихъ слово. *Россійско-Румынская грамматика* Г. Марцеллы, указываетъ филологамъ новое поле: доселѣ языкъ румынскій, которымъ говорятъ жители Молдавіи, Валахія и Бессарабіи, не былъ еще намъ знакомъ грамматически, хотя частъ жипелей тамошнихъ находится нынѣ подъ одною съ нами Державою, всѣ они наши единовѣрцы и уже издавна приняли славянскую азбуку, копорою печатаются церковныя ихъ книги. Касательно изящныхъ искусствъ, Г. Лангеръ подарилъ насъ весьма хорошимъ переводомъ (съ ита-

ліянскаго языка) книги Г. Милиціи : *Объ искусствѣ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса.* Многія мысли Г. Милиціи объ изящныхъ искусствахъ, могутъ сообщить молодымъ художникамъ свѣдѣнія и заставляють ихъ смотрѣть на изящныя произведенія съ новой точки зрѣнія. Г. переводчикъ передалъ ихъ на нашемъ языкѣ съ ясностію и точностію, какихъ только можно ожидать отъ художника-лишерашора.

Есть книги, которыя, по странному своему заглавію, содержанію и слогу, не могутъ итти ни въ какое отдѣленіе словесности или учености: для нихъ должно назначить особливую складку, подъ заглавіемъ *смѣсь*. Сюда, изъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ, по праву могутъ поступить : *Словарь физическаго и нрав-*

ственной воспитанія, составленный Князем П. Енгальчевымъ, и наполненный опчасти анекдотами и замѣчаніями, вовсе не назидательными для молодыхъ людей; и *Три подарка критику*, Г. Толмачева. Сими подарками Г. Сочинитель книги: Военное Краснорѣчіе, осыпалъ своего кришика и одного изъ издашелей С. О. Никто конечно не попеняетъ имъ за то, что они не рѣшились опдаривать *на всѣхъ*. Забавнѣе всего признаніе Г. Сочинителя *Подарковъ*, что онъ старался быть забавнымъ.

Коснувшись переводовъ при обзорѣ книгъ, относящихся къ наукамъ и ш. п. я, долженъ, для полноты сей спашьи, упомянуть и о переводахъ собственно-литературныхъ. Сначала скажу о новомъ, прекрасномъ изданіи *Переводовъ въ прозѣ В. А. Жуков-*

скаго (*), образцовыхъ по искусству, съ какимъ Жуковскій умѣлъ передать мысли и самый слогъ иностранныхъ писателей. Изъ Греческихъ классиковъ, переводимыхъ И. И. Мартыновымъ, изданъ имъ въ прошломъ году (кромѣ продолженія *Иродотовой исторіи*) *Пиндаръ*. Г. Де Шапельъ напечаталъ продолженіе своего перевода сочиненій Г. Жуи о французскихъ нравахъ, подъ заглавіемъ: *Гиліомъ Чистосердегный* (Guillaume le franc-parleur). *Пустынникъ Сен-Жерменскаго* предметія, Г. Кольне, весьма хорошо перевед. Г. Очкинымъ, также принадлежишь 1827 году впрочемъ своею частію. Двѣ арабскія поэмы: *Моаллака Лебиды* и *Темимянка Абуль-Олы*, хорошо переведены молодымъ ориенталистомъ

(*) Въ 3 т. въ больш. 8-ю д. Сіе изданіе переводовъ Г. Жуковскаго издано въ томъ же форматѣ и такъ же красиво, какъ 4 т. его *Сочиненій въ стихахъ и прозѣ* (послед. изданія).

Г. Бопьяновымъ. Наконецъ и у насъ принялись переводить Валпера Скопша; но часто, на зло славы сего писателя, переводить въ двойномъ смыслѣ. Изчислимъ вышедшія въ прошломъ году на рускомъ языкѣ его сочиненія, не по порядку ихъ относительнаго достоинства, а попому порядку, въ какомъ должно разпредѣлить слогъ и умънне Гг. переводчиковъ. Романы: *Веверлей* (Waverley); *Невѣста Ламермурская*; два перевода *Писемъ Павла о Франціи* (изъ нихъ, лучшей по слогу и вѣрности перевода, лучше и изданъ; 2 ш. въ 8), *Кентень Дурвардъ* (Quentin Durward), *Талисманъ или Ризардъ въ Палестинѣ*. Поэмы: *Владѣтель острововъ* (the Lord of Isles) и *Битва при Ватерлоо*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ его же *Балладъ*. Сему же знаменишому писателю приписана, не знаю къмъ и въ какую силу, пущая и

дурно по руски разсказанная повѣсть: *Награда супружеской вѣрности*. Если бы эгошь и прежніе подарки на его имя, опть лица переводчиковъ или книгопродавцевъ московскихъ, дошли до него, то онъ вѣрно бы не порадовался имъ. Въ Москвѣ же напечатаны: *Невидимые*, соч. А. Лафоншена, копорые лучше бь оспались для насъ *невидимыми*, и *Дамскій разсказикъ*, о котормъ шакже не много можно разсказать хорошаго.

Вошь, по возможности, достапочное обозрѣніе всего, что появилось у насъ въ печати за *десять мѣсяцевъ* 1827 года. Безъ сомнѣнія здѣсь естъ пропуски (*): но я уже выше объя-

(*) Изъ сихъ пропусковъ, почитаю обязанноспію исправить два, вовсе неумышленные. Въ изчисленіи С. П. бургскихъ журналовъ, я позабылъ сказать о весьма хорошихъ и полезныхъ періодическихъ изданіяхъ: *Военномѣ журналѣ*, коего доньшѣ (по 1 Ноября) вышло пять книжекъ; и

вилъ, что не пишу полного каталога книгъ, вышедшихъ за прошъ годъ. Изъ сего обзорнiя однако же можно видѣшь, что, сравнительно, журналовъ и книгъ, касающихся до наукъ, познанiй и воспитанiя, появилось въ 1827 году болѣе, нежели собственно литературныхъ; а между сими послѣдними (кромѣ журналовъ, альманаховъ и книгъ переведенныхъ), произведенiй поэзи было несравненно болѣе прозы. Это и не удивительно: у насъ легче сдѣлалось писать стихами, нежели прозою. Въ короткое время европейской нашей образованности, т. е. съ шѣхъ поръ, какъ мы почувствовали нужду въ наслажденiяхъ ума и воображенiя,

Дѣтскоиъ Собесѣдникѣ, издав. Гг. Гречемъ и Буляринымъ при другихъ ихъ журналахъ. Въ немъ, кромѣ занимательныхъ повѣстей и статей о разныхъ наукахъ, приспособленныхъ къ дѣтскимъ понятiямъ, особенно замѣчательны *Разговоры о русской грамматикѣ и правописанiи*, составляемые Г. Гречемъ.

у насъ было гораздо болѣе отличныхъ поэшовъ, нежели прозаиковъ; сама поэзія привлекательнѣе и обольстительнѣе прозы для воображенія юнаго и пылкаго, успѣхи ея быстрѣе и блистательнѣе. Посему весьма естественно, что молодые наши литераторы, прельщаясь и возпламеняясь чужими успѣхами, охотиѣ всего принимающа за стихи. Прибавимъ, что наша руская проза представляеть болѣе трудностей, и что трудности сии важнѣе шѣхъ, кои зависятъ отъ стихотворной мѣры, рѣмы, благозвучія и проч. Главнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что проза требуетъ у насъ обширнѣйшаго и основательнѣйшаго знанія языка, большей точности, большей отчепливости въ выраженіяхъ, которыя писатель долженъ почти безпрестанно творить самъ, потому что образцами, изъ

коихъ бы можно было заимствовать, мы еще весьма не богаты. Для стиховъ у насъ уже составился какой-то языкъ условный, въ которомъ придуманы обороты и даже подобраны многія выраженія, принятыя или не принятыя здоровымъ вкусомъ. Какъ бы то ни было, молодые, малоизвѣстные и вовсе неизвѣстные наши стихотворцы ловящъ ихъ на лету и списываютъ у старшихъ и извѣстнѣйшихъ, и изъ всего этого составляется какъ бы ходячій словарь запасныхъ словъ, оборотовъ и проч.; а изъ готоваго запаса легче брать, нежели прискидывать и придумывать самому. То же можно примѣнить и къ выбору предметовъ: и здѣсь также есть свои данныя. Сіе явленіе въ литературномъ нашемъ мѣрѣ легче объяснися чрезъ сравненіе съ тѣмъ, что мы ежедневно видимъ въ нашемъ

же свѣтскомъ быту. Многіе изъ нашихъ единоплеменцевъ, даже изъ людей разсудительныхъ и, положимъ, въ равной мѣрѣ знающихъ руской и французской языки, охотнѣе и свободнѣе говорятъ и пишутъ по-французски, нежели по-русски, потому только, что во французскомъ языкѣ все придумано, все готово: и привѣтствія, и фразы, и обороты рѣчи; ни надъ чѣмъ не нужно самому ломать голову. Это средство изъясняйся свободно, пріятно и безъ дальняго труда для ума, правится лѣни и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже льститъ самолюбію.

Въ произведеніяхъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ почти всегда можно замѣтить способъ выраженія, отдѣлку стиховъ, даже приспращіе къ нѣкоторымъ словамъ и ризмамъ того или тѣхъ поэтовъ, которыхъ они болѣе начинались. Подражательность дѣлается

для нихъ второю природою; за то большая часть ихъ элегій, посланій, съ *томленіями жизни*, съ *тоскою по лучшемъ* и ш. п., навѣяны повѣшрїемъ скуки. Подражатель никогда не достигаетъ совершенствъ своего образца: онъ всегда будетъ слѣдовать за нимъ издали, скользитъ и падаетъ, или пресмыкается. Жуи сказала однажды, что *подражаніе всегда криво и хромо*, и это сущая правда: оно не видишь въ оба глаза своего образца, и когда хочешь итти за нимъ по пятамъ, то безпрестанно спотыкаешься. «Опъ чего» — прибавляетъ Жуи — «такое припворное однообразіе въ «нынѣшней нашей словесности? Опъ «шого, что всѣ подражаютъ, а ни- «кто не шворитъ; опъ шого, что «каждый хочеть быть *другимъ*, а не «самимъ собою... Наши словесники, «поддѣлывая безпрестанно свой умъ

« подь чужой , спали похожи на пѣхъ
 « дикарей , кошорые сдавливають го-
 « ловы у новорожденныхъ дѣшей своихъ ,
 « чшобы дашь имь *условную форму* ,
 « и не забопяшся о шомъ , не сдви-
 « нушь ли съ мѣста и не списнушь ли
 « мозгъ у ребенка . » — Не по ли самое
 можно сказаць и о нашихъ рускихъ
 подражателяхъ ? Дѣши ихъ воображенія ,
 спихи ихъ , носять на себѣ оппечапокъ
 скучнаго однообразія : опъ шого , что ихъ
 писнушь въ чужую форму и обсъкають
 по чужому росту , они вялы , безцвѣш-
 ны и безжизненны . Поэзія должна под-
 ражать шолько природѣ , вѣчно юной и
 разнообразной : она должна бышь всег-
 да жива , всегда измѣнчива , никогда не
 повшорять себя , но безпрестанно ще-
 кошать воображеніе новою прелеешью ,
 новымъ очарованіемъ . Безъ шого , во-
 ображеніе утомляешся и засыпаешъ .

О. Сомаъ.

ПАДЕНІЕ ВЕНДЕНА.

Историческая повѣсть.

(Дѣйствіе въ XVI-мъ вѣкѣ.)

(*Посвящено М. А. Лон....вой.*)

Грозенъ былъ видъ высокихъ башень и стѣнъ Вендена, для покоренныхъ шугемцевъ Ливоніи. Подобно исполнену возвышался замокъ надъ городомъ и холмистыми окрестностями, ограждая власть гермейстеровъ ордена Меченосцевъ. Уже сокрушилось могущество ордена, Ливонія перемѣнила владѣтелиновъ. Но унылый попомокъ вольнаго нѣкогда племени, въ уничиженіи еще дивился силѣ, воздвигнувшей сіи громады сросшихся опть времени камней, копорые презирали и буйство стихій и вражду человѣческую. Непрístupная, древняя пвердыня, поросшая мохомъ, возбуждала къ себѣ ува-

* *

женіе, подобно сѣдинамъ спарца, свидѣтелямъ исчезнувшихъ поколѣній. Теперь, въ раздорѣ шрехъ державъ за обладаніе Ливонією, укрывался здѣсь безпомѣстный Король Ливонскій, Магнусъ, ошъ гнѣва Рускаго Царя, ошъ спрашнаго гнѣва Іоанна Грознаго.

Ночь была мрачная: осеннія облака закрывали луну. Печально опсвѣчивались сѣрыя стѣны зѣмка при блескѣ огней рускаго стана. Огненная полоса, изливаясь змѣєю по берегамъ рѣки Аа, по холмамъ и долинамъ, опоясывала гѣродь и зѣмокъ, указывая во мракѣ мѣста, занимаемыя безчисленнымъ рускимъ воинствомъ. Глухой гулъ ошъ смѣшанныхъ голосовъ, подобно шелесту лишьевъ въ бурю, раздавался вдали. Но въ зѣмкѣ и въ гѣродѣ царшвовала могильная тишина. Въ безмолвномъ ужасѣ смошрѣли спражи съ башень на несмѣшную рашь рускую, которая уже

прошекла половину Ливоніи, заливая пожары кровію жителей. — Іоанна почитали въ Ливоніи исполнителемъ Божескаго правосудія, предвѣспникомъ спрашнаго суда.

Въ грустной думѣ сидѣлъ Магнусъ, передъ каминемъ въ уединенной комнатѣ замка. Надежда оплелъа изъ сердца и страхъ обуревалъ слабую его душу. Внезапный трескъ пылающаго дерева прерывалъ его размышленія, заставляя содрогаться, и собственная тѣнь устрашала больное его воображеніе. Съ нетерпѣніемъ поглядывалъ онъ на двери и прислушивался. Все было тихо. Наконецъ послышался шумъ въ коридорѣ: онъ вспалъ, закутался въ свой красный плащъ, надвинулъ на глаза круглую шляпу, украшенную бѣлымъ спроусовымъ перомъ, и оборотился къ входу. — Дверь отворилась и вошелъ рыцарь въ чер-

номъ полукафтанъ, съ бѣлымъ чрезъ плечо шарфомъ, на кошоромъ висѣла мечъ. Короткая черная мантія съ бѣлымъ крешомъ на лѣвой сторонѣ, небрежно закинута была на спину. Рыцарь ввелъ за руку челоуѣка небольшого роста и немолодыхъ лѣтъ, на кошораго Магнусъ обратилъ все свое вниманіе. Рыжіе, включенные волосы, какъ пламя свѣпились, низпадая по плечамъ. Небольшая и рѣдковолосяя борода не закрывала блѣдныхъ щекъ, а сѣрые глаза ярко сверкали въ полумракѣ. Онъ былъ въ буромъ кафтанѣ, опоясанномъ кожаными кушакомъ съ мѣдными дощечками. Невыдѣланная кожа соспавляла его обувь, по обычаю эспонскихъ поселянъ. — Чрезъ плечо, на ремнѣ висѣла сума изъ волчьей шкуры, шерстью вверхъ. При входѣ въ комнашу, онъ снялъ рысю шапку и низко поклонился Магнусу. —

« Фонь Дольспь, — сказала Магнусъ рыцарю, — знаешь ли онъ по-нѣмецки? » — « Знаешь. » — « И такъ мы съ тобою будемъ говорить по-лашныи. » Рыцарь склонилъ голову въ знакъ повиненія. Магнусъ возвратился къ камину, сѣлъ на прежнее мѣсто, облокотился на маленькой столикъ и позвалъ къ себѣ рыцаря и незнакомца. « Благодарю тебя, » — сказала Магнусъ, « за доставленіе мнѣ письма отъ друга моего, Герцога Курляндскаго, но я хочу переговорить съ тобою о другомъ. Меня увѣрили, что ты читаешь въ сердцѣ человѣческомъ, знаешь всѣ тайныя помышленія и предсказываешь будущее. Правда ли? » — « Испытай, Государь, » отвѣчалъ незнакомецъ, « и тогда узнаешь, должно ли мнѣ вѣришь. » — « Что ты думаешь, Фонь Дольспь? » спросилъ Магнусъ у рыцаря. « Государь! » отвѣчалъ рыцарь,

« мнѣ извѣстно, что онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ Эспляндіи, что не только поселяне, но даже рыцари и духовные прибѣгають къ нему въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и что всѣ его страшатся и уважають: болѣе я ничего не знаю.» —

« Какъ же ты узнаешь будущее: посредствомъ духовъ или по печенію звѣздъ? » спросилъ Магнусъ у вѣщуна: « знай, примолвилъ онъ въ полголоса, « что я не вѣрю духамъ. » Въ это время вѣщерь попрясь окно, и Магнусъ вздрогнулъ. Вѣщунъ коварно улыбнулся, и эта улыбка не укрылась отъ вниманія рыцаря. — « Осмѣлюсь повторить тебѣ, Государь! » сказалъ вѣщунъ, « испытай и тогда узнаешь меня. О моихъ средствахъ я не могу и не долженъ говорить. » — « Фонъ Дольспъ, » сказалъ Магнусъ, « не обманщикъ ли онъ? » Рыцарь пожалъ плечами. —

« Оставь насъ однихъ, любезный Дольсть, » — примолвилъ Магнусъ, « и подожди въ круглой залѣ. » Рыцарь вышелъ, и Магнусъ, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ: « Не для испытанія, но изъ любопытства, хотѣлъ бы я слышать, знаешь ли ты мое настоящее положеніе, мои намѣренія и тайныя думы? » — « Государь, » отвѣчалъ вѣщунъ, « не зная прошедшаго и настоящаго, нельзя узнать будущаго. Чтобы видѣть то, что находится за горою, надобно прежде взлѣзть на гору, и знать спезію, по которой должно взбираться. Если угодно, я тебѣ въ немногихъ словахъ расскажу твою исторію, съ тѣмъ однако жъ, что бѣ ты, Государь, не прерывалъ меня и слушалъ терпѣливо, безъ гнѣва, ибо въ нашемъ ремеслѣ должно говорить правду безъ прикрасъ. » — « Говори. » — « Прошу позволенія пристѣсть, »

сказаль вѣщунъ: «ноги мои подгибающ- ся отъ старости и трудовъ.» Онъ, не ожидая отвѣта, придвинуль стуль къ сполуку, сѣль, вынулъ изъ своей сумы двѣнадцать деревянныхъ жезловъ, изчерченныхъ знаками зодіака и спранными фигурами, выбраль одинъ жезль и повершывая его передъ своими глазами, началъ говорить: «Государь! судьба даровала брату швоему Фридрику престоль Дашскій, а тебѣ бѣдный островъ Эзель, знаменимый одною храбростію своихъ жителей. Неравенство доль ты думаль вознаградишь предложенною тебѣ отъ московскаго Царя короною новаго ливонскаго царства, и рѣшился не шолько поклонишься грозному владыкѣ, но женишься на его племянницѣ.» — «Все эшо такъ,» прерваль Магнусъ, нахмуря брови, «но ты пропустиль, что цѣль моя въ семь дѣль состояла въ

помь, чшобъ ушвердитъ благо Хри-
 сніянства союзомъ съ Россією, и при-
 влечь Іоанна въ общую войну, за-
 мышляемую всѣми Государями проши-
 ву Мусульмань.» — «Знаю, Государь,
 что эшо былъ явный предлогъ, но я
 не касаюсь дѣль всѣмъ извѣстныхъ,
 а говоря съ побою на единѣ, упоми-
 наю только о тайныхъ помышленіяхъ.»
 Въщунь, сказавъ сіе, снова началъ повер-
 пывашъ жезль въ рукахъ своихъ и про-
 должалъ: « Оставивъ шихій свой Эзель,
 пы въ замѣнь нашель у московскаго
 Царя громкія обѣщанія и малыя коры-
 спи. Онъ жениль тебя на молодой своей
 племянницѣ, обѣщаль царство, вой-
 ско и пять бочекъ золота въ прида-
 ное.» — «И ничего не далъ, кромѣ жены,
 за кошорою и долженъ ухаживашъ, какъ
 за ребенкомъ, » возразиль Магнусъ
 вспльчиво. — « Нѣтъ, Государь, онъ
 далъ тебѣ войско, и почно для завое-

ванія Ливоніи, но только для себя, а не для себя.» — « Совершенная правда! » воскликнул Магнусъ. Вѣщунъ продолжалъ: « Ливонцы радовались прекращенію вѣчныхъ браней съ Россією, и принимали новое войско въ свои города. Но крупной правъ шведого покровителя, его медленность въ исполненіи обѣщаній и опасеніе лишиться плода полныхъ прудовъ и пожертвованій, внушили тебѣ мысль, Государь.».... Въ это время Магнусъ, слушавшій вѣщуна съ поникшею головою, быспро взглянулъ на него; вѣщунъ продолжалъ: « Внушили тебѣ мысль опложиться опъ Грознаго Царя и прибѣгнуть къ покровительству польскаго Короля.» Магнусъ вскочилъ съ кресель. « Ужасный человекъ! » воскликнулъ онъ, « уже ли ты.... Но нѣтъ, ты не можешь знать тайныхъ мыслей! » — « Государь, » сказалъ вѣщунъ,

не прогаясь съ мѣста, « не было бы для тебя опасности, если бы я одинъ зналъ твою тайну: но ее знаетъ Царь московскій. ».... « Неужели!.... Но какія онъ имѣетъ доказательства? » сказала Магнусъ шоропливо. « У Грознаго Царя подозрѣвать, значитъ участить въ преступленіи.— Онъ уже наказалъ безчестно твоихъ посланныхъ, осыпалъ милостями врага твоего, польскаго пана Полубинскаго и кипитъ гнѣвомъ, что ты не явился къ нему съ повинною головою. » Магнусъ опворопился, потомъ вспалъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ въ задумчивости. Онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто и сказалъ: « Можешь ли ты предсказать, чѣмъ все это кончится? » — « Попытаюсь, » отвѣчалъ вѣщунъ, вынулъ изъ сумы другую связку изчерченныхъ жезловъ и далъ Магнусу выбрать одинъ изъ нихъ. Трепещущею рукою прико-

снулся онъ къ волшебнымъ знакамъ и поспѣшилъ опдашь въщуну его орудіе. Онъ повершывалъ жезль предъ глазами, смотрѣлъ и молчалъ. — «Можно ли поправить это дѣло?» спросилъ Магнусъ. — «Смирениемъ, или лучше сказашь, уничиженіемъ предъ Царемъ московскимъ.» — «Но не уже ли ты думаешь, что онъ рѣшился умершвить меня, сына царскаго, владѣтельнаго Князя эзельскаго, супруга своей племянницы?» — «Государь, повшоряю, одна покорность можешь спасти шебя.» — «Но что станешся съ несчастнымъ царствомъ ливонскимъ?» — Магнусъ при семъ вопросѣ закрылъ плащемъ лице свое, чшобы скрыть невольное смущеніе. Въщунъ молчалъ. — Магнусъ обрашилъ на него взоры и увидѣлъ, что магическій жезль пылалъ въ его рукахъ синимъ огнемъ; вдругъ огонь погасъ и онъ задымилъ.

ся. — «Суеша суешь,» сказалъ въ-
щунъ, «шакъ проходишь слава зем-
ная, шакъ исчезаюшь великія намѣ-
ренія!» Онъ уложилъ въ свою суму
магическія орудія, вспалъ со спула и
низко поклонился Магнусу, примол-
вивъ: «Государь! болѣе я не могу оп-
крышь шебѣ въ одинъ разъ: если хо-
чешь спасти жизнь свою, явись въ
спанѣ московскомъ и пади къ ногамъ
Юанна. Теперь прошу шебя, вели меня
выпустишь изъ ворошь зѣмка: меня
ожидаюшь въ другомъ мѣспѣ.» — «Не
знаю шебя, но удивляюшь шебѣ,»
сказалъ Магнусъ: «вижу, что шы зна-
ешь прошедшее и насоящее и по-
тому хочу слѣдовашь твоимъ совѣ-
тамъ. Языкъ швой и высокій умъ сви-
дѣтельспвуюшь, что шы не рож-
денъ въ сословіи поселянь эспонскихъ,
хотя носишь ихъ одежду. Скажи мнѣ,
кшо шы таковъ? бышь можешь, я

могу оказашь тебѣ помощь и услугу, современемъ, если Богу угодно будешь сохранить голову мою для вѣнца.» — «Благодарю тебя, Государь, за участіе,» сказалъ вѣщунъ, «но сила человѣческая не въ состояніи помочь мнѣ и свалишь камень съ сердца: что же касается до моего произхожденія, то оно знаменито одними бѣдствіями. — Одежда моя знаменуетъ мое произхожденіе.» — «Чѣмъ же я награжу тебя за твой перешнѣнный трудъ?» — «Золопомъ,» сказалъ вѣщунъ, улыбаясь. — «Неужели золото имѣешь цѣну въ глазахъ человѣка, чинающаго въ прошедшемъ и будущемъ?» возразилъ Магнусъ. — «Именно знаніе будущаго указало мнѣ нужду въ золотѣ, и привело за нимъ къ тебѣ.» — «Не понимаю тебя, необыкновенный человѣкъ,» — сказалъ Магнусъ, вручилъ ему кошелекъ съ деньгами и позвалъ

Дольста, который неперпѣливо дожидался окончанія этого свиданія.

« Дольстъ, вели выпустишь этого человека изъ замка: я узналъ все, что мнѣ знать нужно, если только по справедливости сказаннаго имъ о прошедшемъ и настоящемъ, должно заключишь о истинѣ въ будущемъ.

Вели всѣмъ моимъ рошмистрамъ собраться завтра, на разсвѣтъ, въ жилище моего вѣрнаго друга, пастора Шреффера, для общаго совѣта. Прости, любезный Дольстъ, добрая ночь; прощай, предсказатель!» Призвавъ вѣрнаго своего слугу, Магнусъ велѣлъ запереть двери и легъ въ постелю. — Сонъ оковалъ успалые члены его, но страшныя мечты волновали его кровь.

Не одинъ Магнусъ помился мрачными думами и совѣщался до глубокой полночи; не одни спражи бодрствовали въ замкѣ. — Прелестная Элеоно-

ра, дочь пастора Шреффера, любимца Магнусова, боязливими шагами пробиралась возлѣ стѣны, по узкой пропинкѣ, къ сѣверной башнѣ, часто оступаясь во мракѣ. — Одна полько вѣрная служанка сопровождала ее. — Пришедъ къ башнѣ, Элеонора успремила взоры свои на высокое окно, окованное желзною рѣшешкою и въ полголоса сказала: «Владимірь, Владимірь, здѣсь ли ты еще?»

Въ тѣсной темницѣ заключенъ былъ болгарскій сынъ, Владимірь Славскій, доблесный воинъ, краса московскихъ юношей. Онъ посланъ былъ отъ русскаго воеводы Богдана Бѣльскаго къ Магнусу, съ извѣстіемъ о взятіи Вольмара силами Царя русскаго, и съ требованіемъ сдачи Вендена. Магнусъ, въ отчаяніи и въ гнѣвѣ за незаконное убійство своего ропмистра Вильке, начальствоваващаго въ Вольмарѣ, удер-

жалъ Владиміра заложникомъ за другихъ своихъ слугъ, и по обычаю тогдашняго времени, заперъ его въ башнѣ.

Элеонора воспитывалась въ Москвѣ у дяди своего, богатаго купца, и Владиміръ, будучи въ юныхъ лѣтахъ владѣльцемъ многихъ помѣстій, полюбилъ прекрасную иноплеменицу. — Любовь побѣдила суевѣріе и предразсудки. Элеонора клятвою обѣщала или умереть въ дѣвическомъ сословіи, или быть женою Владиміра. Обеспощельства смущали ихъ счастье, но не погасили надежды. — Отецъ Элеоноры, прибывъ въ Москву съ Магнусомъ, увезъ дочь свою въ Ливонію, назначенную въ удѣлъ его благодѣтелю. Владиміръ въ то время посыланъ былъ Царемъ въ украинскіе города. Возвратившись въ Москву, онъ не заспалъ уже своей возлюбленной, и весьма обрадовался, когда его послали

* *

къ воинству, назначенному для покоренія Ливоніи. — Онъ надѣлся свидѣться съ Элеонорою, подвигами своими приобрѣсть уваженіе Іоанна и Магнуса и получишь руку дочери любимца Короля ливонскаго, въ награду за свою службу. Судьба опредѣлила иначе; онъ прославился храбростію, но ко вреду Магнусова счастья, и въ тяжкой неволѣ, сквозь рѣшетки пемницы, увидѣлъ подругу своего сердца. — Уже цѣлую недѣлю помился онъ въ хладныхъ снѣгахъ Венденской башни, и каждую ночь Элеонора приходила улаждать его горе, разговаривать съ нимъ чрезъ окно, увѣрять въ неизмѣнной своей любви и оживлять надежду. — Владиміръ забывалъ цѣлый міръ въ эти сладоспныя минушы и почиталъ себя счастливымъ.

Сонъ не смыкалъ глазъ его; онъ съ неперпнїемъ ожидалъ милой своей

госпѣи и привѣщъ ея любви раздавался въ его сердце, какъ голосъ спасенія въ минушу гибели. «Я здѣсь, Элеонора,» отвѣчала онъ, приблизившись къ рѣшешкѣ, — «и думаю только о тебѣ и объ опечесствѣ. Но скажи мнѣ, что значить эшошь отблескъ свѣта на пропиволежащихъ стѣнахъ замка? Не пожаръ ли опустошаетъ окрестные лѣса или села?» — «Эшо огни твоихъ земляковъ,» отвѣчала Элеонора: «Иоаннъ съ воинствомъ пришелъ вчера къ стѣнамъ Вендена.» — «Благодарю Бога за успѣхъ рускаго оружія,» воскликнулъ Владиміръ. — «Но ты знаешь Грознаго,» возразила Элеонора: «намъ угрожаетъ смерть или плѣнь, жалость недоступна его душѣ, и если Венденъ долженъ пастъ, то и всѣ его жители погибнуть. Я пришла просишься съ побою, мой возлюбленный: не знаю, что завтра будетъ:

но хорошаго не предвижу. Я не переживу посыднаго плѣна, не спану дождаться, чѣмъ меня продали люшымъ Гапарамъ, какъ жишелей Зе-свегена. Если мнѣ должно умереть, то я разрѣшаю себя отъ данной мнѣ клятвы и умоляю выкупить родныхъ моихъ изъ плѣна и отослать ихъ въ страну дальнюю, гдѣ бы они не слышали о бѣдспвіяхъ своего опечества. Эшо мое завѣщаніе.» — «Тебѣ умереть!» воскликнулъ Владиміръ: «Нѣтъ, въ цѣломъ воинствѣ рускомъ не найдется изверга, который бы дерзнулъ поднять убійственнѣйшій мечъ на ангела красоты и невинности. Въ рускомъ войскѣ ты найдешь людей жалостныхъ и великодушныхъ, которые будутъ сострадать объ участи прекрасной плѣнницы. Успокойся, Эленора, не предавайся отчаянію. Совѣсть возпрещишь Магнусу умерш-

вишь меня, безвиннаго заложника; и если я буду свободенъ, тогда,»..... «Но отецъ мой!» воскликнула Элеонора: «Юаннъ кипишь гнѣвомъ прошиву него, и если родителъ мой погибнетъ опъ Рускихъ, никогда брачный вѣнецъ не украсишь безпріютной головы, никогда рука моя не будетъ принадлежать Рускому. Гробъ будешь женихомъ моимъ. Я люблю тебя, Владиміръ, болѣе моей жизни; но для любви я никогда не измѣню ни моему долгу, ни моей чести.» Слезы оросили лице прелестной дѣвицы: горестъ Владиміра заглушала въ немъ всѣ другія чувствованія. — Онъ не могъ проливать слезъ, не могъ произнести утѣшительныхъ словъ, будучи самъ перзаемъ опчаяніемъ. Въ безмолвіи онъ бросалъ блуждающіе взоры то на небо, то на Элеонору и къ умноженію горя не могъ видѣть

лица ея; въ бѣлой одеждѣ, она казалась ему таинственной гостью изъ за предѣловъ гроба. Въ его воображеніи уже свершилась ужасная мечь Іоаннова; онъ уже мечталъ о своемъ одиночествѣ, и жаждалъ смерти, какъ изцѣленія отъ тяжкаго недуга. — «Прости, Владиміръ!» сказала Элеонора, съ тяжкимъ вздохомъ. — Эти слова вывели его изъ его умственной оцѣпенѣнія. «Элеонора!» воскликнулъ онъ, «какою ужасною вѣщью ты смущила мою душу! зачѣмъ я дожилъ до этой горькой минутой! зачѣмъ вражеская пуля не пресѣкла моей жизни, свѣплой надеждою на любовь твою и будущее счастье! Что я могу начать въ заключеніи, какъ пособишь тебѣ?» — «Поручимъ Богу нашу участь,» сказала Элеонора. — «Господь не оставитъ безъ возмездія ни своей доброты, ни своей твердости,» —

сказалъ Владиміръ. — «Если жь намъ не суждено быть счастливыми на землѣ, Элеонора, мы свидимся съ тобою, шамъ, гдѣ ни воля Іоаннова, ни суевѣрные предрасудки не сильны разлучить насъ. Прости!»

Элеонора удалилась поспѣшно: она думала смягчить горесть Владиміра своимъ опсущствіемъ. Нѣсколько разъ она озиралась на башню, и устремляла взоры на окно, которое чертилось на сѣрой стѣнѣ, какъ могильная яма. Она не промолвила ни одного слова съ вѣрною своею спутницею, и пришедъ въ уединенную свою комнату, бросилась на колѣни и облегчила сердце теплою молитвою. Любовники, раздѣленные непроницаемыми стѣнами, душою были вмѣстѣ: они мечтали другъ о другѣ.

Вѣщунъ вышелъ за воропа замка, свернулъ съ дороги, ведущей въ городъ

и пошелъ полемь къ рускому спану. Подходя къ холму, возвышающемуся на берегу рѣки и пороспшему кустарниками, онъ былъ остановленъ окликомъ спражи: «Кшо идешь!» — «Пріяшель,» отвѣчалъ вѣщунъ. — «Руской или иноплеменникъ?» спросилъ спражь. — «Слуга Царскій,» сказалъ вѣщунъ и смѣло пошелъ къ толпѣ воиновъ, копорые сидѣли на землѣ въ кругу, безъ огня. «Кшо ты таковъ?» спросилъ его начальникъ спражи — «Я сказалъ уже, что слуга Царскій: ведите меня къ Государю.» Съ любопытствомъ осматривали воины вѣщуна, его чудской нарядъ, и удивлялись, что онъ говоритъ по-руски. «Не землякъ ли ты нашъ, заблудшій въ иноземщинѣ?» спросилъ одинъ изъ воиновъ. — «Всѣ мы дѣти одной матери, сырой земли,» отвѣчалъ вѣщунъ; «но время дорого, отправьше меня къ Царю.» — «Те-

перъ не пора: Царь почиваетъ, »
 сказалъ начальникъ стражи, « подо-
 жди съ нами до ушра. » — « Не возможно :
 слово и дѣло; я хочу говорить съ
 Государемъ! » — « Слово и дѣло! » по-
 впорилъ начальникъ стражи, пони-
 зивъ голосъ: « ребята, свяжите его поя-
 сами, опведите въ спорожевой полкъ
 и опдайте на руки воеводѣ Солпы-
 кову. » Вѣщуну связали за спину руки,
 и при война съ обнаженными меча-
 ми повели его въ спань.

Въ спорожевомъ полку только по-
 ловина воиновъ покоилась въ шала-
 шахъ: прочіе бодрствовали вокругъ
 огней, сокращая время разказами о
 битвахъ и объ опечествѣ. Съ любо-
 пышствомъ поглядывали они на свя-
 заннаго вѣщуна, думая, что это пой-
 маннй лазупчикъ. Шутки и угрозы
 сыпались со всѣхъ споронъ, ни мало
 не смущая мнимаго плѣнника. Прово-

жашые остановились у спавки воево-
ды Солпыкова, кошорый немедленно
вышелъ къ нимъ, узнавъ, что плѣн-
никъ желаетъ объявить Государю слово
и дѣло. Съ вѣщуномъ никто не смѣлъ
говорить, и воевода, велѣвъ его свя-
завъ на ново, отправилъ его подъ
спражею въ большой полкъ, сказавъ
десятнику: «Отведи этого челоуѣка
къ боярину Бѣльскому.»

Одно это имя, свойственника гу-
бителя Малюпы Скурапова, при-
водило въ ужасъ неустрашимѣйшихъ
воиновъ. Спражи, не зная плѣнника
и не смѣя его разспрашивать, почи-
тали его или жертвою или срудіемъ
какого нибудь злодѣйства. Онъ бодро
шелъ посреди ихъ, храня молчаніе. —
Въ большомъ полку господствовали
спокойствіе и безопасность. Воины
лежали вокругъ огней и въ шалашахъ,
погруженные въ глубокомъ снѣ; поль-

ко одни стражи бодрствовали, оберегая сложенные передъ каждою сошней ружья, копья и бердыши. Конница разположена была позади пѣшей рати, въ нѣкоторомъ отдаленіи; тамъ при свѣтѣ огней видно было болѣе движенія. Воины, заботясь о своихъ коняхъ, привязанныхъ по десяткамъ къ кольямъ, прерывали собственное спокойствіе для надзора за вѣрными своими спутниками въ битвахъ и опасностяхъ. На самой срединѣ полка, въ пылѣ за пѣшею ратью, возвышался насыпной курганъ. На немъ блестѣла разноцвѣтная палатка Царская съ золотыми главами, огороженная частоколомъ. Противу каждаго угла палатки стояло по одной огромной пушкѣ; вокругъ кургана въ шѣсныхъ рядахъ разположены были воины, въ одинакихъ одеждахъ, вооруженные мушкетами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сей

живой стѣны разкинуто было нѣсколько палашокъ, также окруженныхъ спражею: здѣсь находились царедворцы, любимцы Царскіе и его прислуга. Глубокая тишина наблюдаема была вокругъ, на далекое разстояніе. Недремлющая спража паложила бы вѣчное молчаніе на дерзновеннаго, который осмѣлился бы нарушить покой Грознаго Царя.

Бѣльскому дали знать о приходѣ иноплеменника, желающаго говорить съ Царемъ. — Ближній бояринъ, переговоривъ съ нимъ, велѣлъ подождать до утра. — Вѣщуна развязали; онъ легъ на сырой землѣ у ногъ воиновъ и спокойно заснулъ.

Мракъ началъ рѣдѣть и солнце показалось изъ-за чернаго облака. Въ безмолвіи воины убирали коней и смѣнялись на спражѣ. Толпы придворныхъ слугъ съ нешерпѣніемъ ожидали нача-

тія своей службы; думные дьяки съ бумагами сидѣли уже въ приказной палаткѣ, и перешепывались между собою о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. Царь еще покоился.

Вдругъ раздались въ палаткѣ Царской звуки ударовъ въ ладоши. Это былъ призывный знакъ: бояринъ Давыдъ Бѣльскій и первый дворецкій и оруженосецъ Царскій, Борисъ Годуновъ, поспѣшили опростѣю въ палатку. Остановясь у входа, они поклонились въ полъ и сказали: «Здравія и многолѣтія желаемъ великому Государю, Царю нашему, владыкѣ милосердому.» — Иоаннъ лежалъ на одрѣ, покрытомъ медвѣжьими шкурами. Онъ былъ въ шелковомъ халатѣ съ золотыми узорами, опушенномъ соболями. — «Здравствуйте, мои вѣрные слуги!» промолвилъ Государь: «Борисъ, подними ращ!» Годуновъ вы-

шелъ и далъ знакъ пушкарямъ, дождавшимся повелѣнiя съ зажженными фишиями. Раздался звукъ вѣсповой пушки, и во всѣхъ тысячахъ и ополченiяхъ ударили въ бубны. Въ одно время наспалъ шумъ и говоръ въ спанѣ, подобно жужжанiю пчель вокругъ улья. — «Государь,» сказалъ Бѣльскiй, «сегодня ночью явился въ спанѣ шоптъ самый человекъ изъ Чуди, который сослужилъ тебѣ вѣрную службу, бывъ въ прошлую войну проводникомъ нашего войска отъ Нарвы до Колывани. Онъ мудръ и многоязыченъ, отъ него было много пользы. Теперь онъ хочетъ говорить съ тобою однимъ, Государь, и прошелъ чрезъ спражу, объявляя слово и дѣло!» — «Помню, это вѣщунъ Марко;» сказалъ Государь. «Позови его.» — Бѣльскiй обыскалъ вѣщуна и увѣрившись, что при немъ нѣтъ никакого оружiя, повелъ къ

Иоанну. Вошедъ къ двери палашки, въщунъ упалъ на колѣни и воскликнулъ: « Слава Господу на небеси, и великому Государю на земли! » — « Здорово, спарый знакомецъ, » сказалъ Иоаннъ; « съ чѣмъ пожаловаль: съ добромъ или худомъ? говори смѣло. » — « Государь, » опвѣчалъ Марко, « всякое благо подобаешь тебѣ. Я нижайшій рабъ швой, пришелъ извѣспить тебя, что швой слуга Магнусъ, Король ливонскій, гошовъ пасъ къ ногамъ швоимъ, великаго Государя, и съ повинною головою принесъ ключи опъ зѣмка и города. » — « Достойный посланникъ измѣнника! » сказалъ Иоаннъ, громко захохошавъ. « Надобно бы начашъ разправу съ тебѣ и повѣситъ передъ городскими спѣнами. » — « Государь милоспивый, » сказалъ Марко, « Магнусъ не посылаъ меня къ тебѣ, но я самъ пришелъ съ вѣстью изъ одного усердія,

вывѣдавъ шайну его сердца. » — «Такъ спало бытъ Магнусъ сдѣлалъ худо, что не повѣсилъ вывѣдывапеля своихъ шайныхъ думъ. Какъ же ты узналъ это? — «Государь, ты знаешь мое ремесло.» — «Твое ремесло, измѣна и плутовство,» сказалъ Іоаннъ, смѣясь. — «Я не измѣнялъ тебѣ, великому Государю, по служилъ вѣрно и скрытыми путями велъ швое войско чрезъ лѣсную и болотную землю Чудскую.» — «Правда! за это я заплашилъ тебѣ золотомъ, и мы не должны другъ другу. — Но помни, что кровь избіенныхъ дворянъ пѣмецкихъ лежишь на швоей головѣ: я уываю руки. Ты наводилъ удалцовъ моихъ на дворы господскіе, когда Нѣмцы, не зная о нашемъ приходѣ, праздновали свѣтки въ пирахъ и весельи: указывалъ въ лѣсахъ сокрытыя ихъ сокровища и спада. Марко, ты привелъ меня къ Вишпен-

шпейну, взятому на копье, гдѣ положила голову вѣрный другъ мой, Малуша Скурашовъ.» При сихъ словахъ Іоаннъ нахмурилъ брови и закусилъ свою губу: это былъ знакъ его гнѣва; холодный потъ выступилъ на челѣ вѣщуна; онъ невольно задрепеталъ. Но вдругъ Іоаннъ засмѣялся. «Марко, не на своихъ ли палочкахъ вычипалъ ты намѣренія Магнуса?» — «Государь могучій и милосердый, ты самъ изволилъ приказывать мнѣ чипать передъ собою на магическихъ жезлахъ моихъ, и былъ доволенъ мною!» — «Когда жъ хотѣлъ быть ко мнѣ мой сахарный зятекъ?» спросилъ Іоаннъ, развеселившись. — «Онъ радъ бы летѣть къ тебѣ, да вѣрно Нѣмцы его не пускаютъ. Погрози имъ, Государь, и они падутъ все передъ тобой.» Вдругъ, кто-то заглянулъ въ двери. — А, это ты, Васька Грязной!» сказалъ

* *

Царь. «По шерсти кличка. Поди сюда. Ты шупь, а товарищемъ тебѣ будешь плушь. Возьми эшого колдуна въ свою палатку, корми, пой до сыта и береги какъ змѣю за пазухой. Ты опвѣчаешь за него своею головою.» — «Государь,» опвѣчалъ шупникъ, «если онъ уйдешь, то я опвѣчаю буду языкомъ. Вошь, если бѣ ты даль мнѣ на сбереженье широгы, да романею, то бы голова моя шашка была на плечахъ; а съ Чухною что мнѣ дѣлать? разлѣ повѣсишь до швоего спроса, какъ окорокъ до розговѣнья.» — «Ты храбрь при мнѣ, Васька,» сказалъ Царь, «а за глаза спрусись колдуна. Умилоспиви его и возвеличь; онъ пришелъ къ намъ посланникомъ: поклонись ему по-нѣмецки.» Грязной разшаркался передъ вѣщуномъ и чваномо поднявъ голову и раздувъ щеки, подошелъ къ нему, обнялъ и вмѣсто

поцѣлуя спукнулъ лбомъ въ его голову. — Іоаннъ смѣялся. «Васька, спупай и не опходи опъ него ни на шагъ, вамъ не будетъ скучно. До свиданія, Марко! Борисъ,» сказала Іоаннъ Годунову: «пошли къ Солпыкову въ передовой полкъ приказъ, чптобъ онъ выпроилъ дружины свои въ боевой порядокъ. Рынду моего Квашнина пошли съ десяткомъ рейшаровъ и трубачами къ ворошамъ зѣмка, чптобъ онъ велѣлъ голдовнику моему Магнусу явиться ко мнѣ немедленно, сдать мнѣ городъ и зѣмокъ. Въ прошивномъ случаѣ *кара Вендена* превзойдетъ все, чпто понынѣ слышали и видѣли въ Ливоніи!» Лице Іоанна приняло грозный видъ. «Вели сказать,» примолвилъ онъ, «чпто для ослушниковъ у меня нѣтъ пощады. — Ты, Бѣльскій, будь готовъ съ большимъ полкомъ, а между тѣмъ призови ко мнѣ моихъ думныхъ

дьяковъ съ бумагами. Я головою здѣсь, а душою на Руси православной: дѣла моего государства не должны оспариваться ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Измѣнники: Сильвестръ, Адашевъ и Курбскій съ клеветниками хотѣли ослабить душу мою, но Богъ укрѣпилъ меня, и рука моя высока надъ моими врагами!»

Съ возхожденіемъ солнца ропшистры, по повелѣнію Магнуса, собрались въ жилище пастора Шреффера. Не было согласія въ совѣтъ. — «Государь,» сказалъ неустрашимый и великодушный рыцарь Генрихъ Бойсманъ, комендантъ замка: «ты получилъ Королевское званіе отъ Іоанна, ты можешь повиноваться ему по своему произволу. Но мы добровольно признали тебя Королемъ Ливоніи, въ надеждѣ, что наше опечество безопасно будешь отъ нашествія силь-

ныхъ враговъ нашихъ, Москвитянъ, и что ты доблестію своею изцѣлишь язвы Ливоніи. Что же вышло? Іоаннь шолько словомъ опдалъ тебѣ Ливонію, чтобы именемъ Короля и надеждою самостоятельности народа вовлечь насъ въ сѣти. Царь жестоко наказываетъ тѣхъ, которые вѣрятъ искренности его обѣщаній и предасть смерти жипелей и воиновъ, покоряющихся и покоряющихъ земли и города своему имени. Въ Вольмарѣ и другихъ мѣстахъ казнили рыцарей за то, что они служатъ вѣрно тебѣ. Чего же намъ ожидать? Если мы такъ несчастны, что нынѣ не можемъ сами собою опразить врага, нѣкогда смиряемаго войскомъ Меченоснаго ордена, намъ подають руку помощи Польша и Швеція; будемъ лучше шведскими или польскими подданными, но не рабами Іоанна. Намъ памятна участь Новаго-

рода, испребленнаго до конца за мнимую вину своего Пастыря. Придешь эпо и на Ливонію. Государь, если тебѣ угодно иппи къ Іоанну, мы объявляемъ себя независимыми, и признаемъ того нашимъ власшелиномъ, кто защититъ насъ опъ Іоанна. Не почишай насъ измѣнниками, Государь! Не мы тебя оставляемъ, ты хочешь насъ покинуть.» — «Благородные воины, и ты мой вѣрный Бойсманъ,» опвѣчалъ Магнусъ: «нѣшь, никогда я не назову васъ измѣнниками, ибо тысячи разъ былъ свидѣтелемъ и вашего мужества и вашего прямодушія. Не пребую опъ васъ, чшобъ вы шли вмѣстѣ со мною и покорились Іоанну. Я нахожусь въ другомъ положеніи: я зяшь его, вассаль по данной мною присягѣ, и долженъ быть покорнымъ ему, не имѣя силы поддержать правъ своихъ на корону Ливонскую. Но можете ли

вы, въ числѣ прехъ сошь человекъ, защищайся прошиву 80,000 воиновъ мужественныхъ и послушныхъ своему Царю? Бойсманъ, обдумай хорошенько. Эти крѣпкія стѣны не защитятъ васъ: онѣ разсыплюся опъ грома рускихъ пушекъ — и тогда что станешя съ вами?» — «Тогда умремь!» возкликнули рыцари.» — «Безполезною смерщью,» возразилъ Магнусъ. «Жизнь ваша нужна для славы и блага вашего опечества; она драгоценна мнѣ, умбующему цѣнить ваши доблести. Послушайте моего совѣща: отдайте городъ и замокъ Іоанну, съ тѣмъ условіемъ, чщобъ онѣ позволилъ вамъ удалитъя свободно въ Ригу. Если же вы тамъ не найдете убѣжища: мой Эзель—вашъ удѣль. — Братъ мой Фридерикъ не оставитъ васъ: вопъ вамъ опъ меня грамота къ нему, а у Іоанна я буду вашимъ ходатаемъ.» — «Мы благодаримъ

себя, Государь, за добрый швой со-
 вѣшь и за добрыя швой желанія,» ска-
 заль Бойсманъ; «но не слишкомъ ли
 рано сдавать крѣпчайшій замокъ Ли-
 воніи? Пока мужество и сила рускихъ
 будущъ сокрушаться о швердыя наши
 сѣсны, польскій Король можетъ по-
 доспѣшь къ намъ на помощь. Вчера
 вѣщунъ Марко вручилъ мнѣ окружную
 грамоту ко всеъмъ Ливонцамъ, подпи-
 санную Княземъ Курбскимъ. Вотъ она.»
 Бойсманъ вынулъ письмо и прочель.
 «Храбрые Ливонцы! вѣрьте мнѣ, вои-
 ну посѣдѣлому въ браняхъ, истощив-
 шему здравіе на службѣ Царя москов-
 скаго и исцывавшему всю его не-
 благодарность, за мою вѣрность и
 преданность. Никогда Іоаннъ не воз-
 спаовишь вашей народной незави-
 симости, никогда Герцогъ Магнусъ
 не будетъ Королемъ ливонскимъ! Васъ
 ждешъ учасъ царсшва Казанскаго,

участъ Новагорода! вы будете его подданными и будете раздѣлять съ другими бѣдствія отъ буйныхъ порывовъ его гнѣва. Мужайтесь и держитесь крѣпко въ вашихъ замкахъ: Стефанъ Баторій, Король польскій, сжался надъ вашею участію и уже собралъ силы, чтобы освободить васъ отъ припѣснителя. Онъ предоспашилъ вамъ на волю или служилъ Магнусу, котораго онъ чинилъ, или на старинныхъ своихъ правахъ соединился съ Польшею. Какъ Рускій, я желалъ бы, чтобы вы принадлежали Россіи, но какъ челоуѣкъ, не желаю, чтобы это было во время Іоанна. Я слишкомъ хорошо знаю его. *Князь Курбскій, воевода польскихъ Королевскихъ войскъ.*»
 Всѣ молчали, и наконецъ Магнусъ сказалъ: «Еще Баторій собираетъ войско, а Іоаннъ уже подъ спѣнами замка. Для васъ и для себя я рѣшилъ»

ся ипши къ нему»... Вдругъ раздались звуки трубы за воропами замка.. Съ поспѣшностію вошелъ въ совѣтъ воинъ, и сказалъ: «Посланный Царя московскаго желаетъ говорить съ Королемъ и дожидается у подъемнаго моста.» — «Мы пойдемъ къ нему на встрѣчу,» сказалъ Магнусъ. — «Господа, пожалуйста за мною.» Ропмистры послѣдовали за Магнусомъ, вышли за ворота и остановились на берегу рва. Руской посланецъ сказалъ: «Юаннъ Царь, Самодержецъ Россійскій, и всѣхъ сѣверныхъ странъ повелитель, Государь законный Ливоніи, подвласный Единому Богу, повелѣваетъ голдовнику своему Магнусу, немедленно явиться въ станъ рускій со всѣми своими воинами и сдать крѣпость и городъ. Милость и прощенье покорнымъ, кара ослушникамъ!» Магнусъ хотѣлъ говорить, но ру-

скій воинъ не дожидаясь отвѣта, повернулъ лошадь и поскакалъ въ спань.

Тихими шагами и въ задумчивости возвратился Магнусъ въ замокъ. Осѣдланые кони уже сползи среди двора, и голштинская дружина его, состоявшая изъ двадцати пяти нѣмецкихъ дворянъ, подъ начальствомъ Дольста, въ блестящемъ вооруженіи, ожидала приказаній своего повелителя. Голштинцы рѣшились соуправлявать браму своего Короля и раздѣлишь съ нимъ его участь. «Бойсманъ,» сказала Магнусъ, «и вы благородные рыцари, скажите мнѣ, на что вы рѣшились: сдать замокъ или защищаться въ немъ, полагаясь на слова Курбскаго?» — «Не вѣрю словамъ измѣнника,» сказала престарѣлый рыцарь Горнъ. Бойсманъ и другіе рыцари молчали и наконецъ комендантъ сказалъ: «Опдадимъ замокъ, если Іоаннъ опуститъ

насъ свободно, съ оружіемъ, не повелѣвая являться въ своемъ станѣ.» —

«И такъ простите, вѣрные мои друзья, сказалъ Магнусъ и обнялъ по очереди всѣхъ рошмистровъ. «Никогда не забуду вашего усердія къ моей службѣ. Слезы текли изъ глазъ Магнуса. —

«А ты, другъ и духовный отецъ мой,» — примолвилъ онъ, обращаясь къ пастору Шрефферу: «вѣрь, что я упопроблю всѣ мои старанія, что бы примирить тебя съ Іоанномъ. Бойсманъ не опущите ли со мною рускаго заложника?» — «Нѣтъ, Государь,» отвѣчала комедантъ; «пусть онъ останется у насъ: судьба его должна зависѣть отъ поступковъ его Государя съ побою: мы еще не плѣнники.» —

«И такъ простите!» сказалъ Магнусъ со вздохомъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ за ворота. Рыцари печально провожали его до подъемнаго моста и про-

ливая слезы, простились съ бывшимъ своимъ Королемъ.

Лишь только въ рускомъ лагерьъ завидѣли пыль со стороны замка, все войско пришло въ движеніе: полки выпроились на своихъ мѣспахъ. Явился предъ войскомъ Іоаннь въ златой одеждѣ, въ златоверхой остроконечной шапкѣ, унизанной драгоценными камнями: на груди его висѣла алмазная цѣпь съ двуглавымъ орломъ, искусно вылитымъ изъ золота, съ знаменіемъ водворителя Христіанства въ Россіи, первозваннаго Апостола Андрея. Царь въ правой рукѣ держалъ скипетръ Россіи, лѣвою управлялъ воронымъ конемъ, который гордо сгибалъ выю и билъ сильно копытами въ землю. Конскій приборъ и чапракъ унизаны были жемчугомъ и яхонтами; сѣдло оковано червоннымъ золотомъ и украшено изумрудами. За нимъ слѣдо-

вала полпа оруженосцевъ, рындъ, боярь и царедворцевъ, въ блестящихъ доспѣхахъ и въ златошканныхъ одеждахъ; сто конныхъ стрѣльцовъ слѣдовали за нимъ въ пѣсныхъ рядахъ. — Царь, въ блескъ величія, казался какимъ-то высшимъ существомъ: тысячи съ раболѣпствомъ взирали на него и ожидали одного его мановенія, чшобъ принеспи ему въ жертву жизнь свою. — Съ появленемъ Царя раздались радостные клики въ войскѣ, заиграли на трубахъ, ударили въ бубны. Иоаннъ проѣхалъ по рядамъ большаго полка, привѣщивовалъ воинство и остановился по срединѣ. Все войско спояло въ боевомъ порядкѣ: на необъянномъ пространствѣ кругомъ города расположены были конныя и пѣшія дружины; между лѣсомъ копей и бердышей блестяли на солнцѣ доспѣхи начальниковъ: приспавы скакали на коняхъ,

передавая полкамъ повелѣнiя. — Жише-
ли города и защитники замка въ без-
молвii стояли на стѣнахъ, взирая съ
ужасомъ на сiе величественное зрѣ-
лище и ожидая разрѣшенiя своей уча-
сти.

Медленно ѣхалъ Магнусъ, и вѣрные
его рыцари слѣдовали за нимъ печаль-
но, опустивъ копыя, какъ на погре-
бальномъ шествiи. Увидѣвъ Иоанна,
Магнусъ сошелъ съ коня и велѣлъ дру-
жинѣ своей спѣшиться; приблизился
къ Царю съ популленною головою и
палъ передъ нимъ на колѣни. «Госу-
дарь могущественный, отецъ мой ми-
лосливый!» воскликнулъ Магнусъ, про-
стерши руку къ Иоанну. «Внемли тво-
ему вассалу и помилуй сына царска-
го! Безъ вины виноватъ передъ то-
бою. Ты мнѣ далъ Королевство и я
думалъ, что исполняю волю твою,
забирая города и земли на мое коро-

левское имя. Слуги мои не вездѣ меня понимали; часто ослушивались и прошивились швоимъ воеводамъ. Но вопшь я самъ у ногъ швоихъ, и склоняю въ прахъ повинную голову. Городъ и замокъ гошovy опдашься тебѣ: только пѣмецкіе дворяне просяшь швоей милоспи, чшобъ ты оппустишь ихъ съ оружіемъ на волю.»— Вельможи съ любопышшвомъ смотрѣли на Іоанна. — Онъ не нахмурилъ бровей, не гнѣвался и взглянувъ съ презрѣніемъ на Магнуса, сказалъ: «Глупецъ! ты мечшалъ похипишь Королевство происками и обманомъ, забывъ объ опцѣ своемъ и благодѣшелѣ. Ты пришелъ ко мнѣ нищій: я принялъ тебя въ мое семейство, одѣлъ, обулъ, женилъ на моей племянницѣ, надѣлилъ казноу и городами; а ты за мое добро измѣнилъ мнѣ. Все опкрылось: ты хотѣлъ бышь слугоу польскимъ, но Господь Мило-

сердый сохраниль меня и предаеть шебя въ мои руки. Да совершися надъ шобою судъ Божій и наше Царское правосудіе. Я возьму свое, а шебя оставлю пресмыкашся въ ничшожеспвѣ. Съ швоими Нѣмцами не имѣю нужды входишь въ условія: они должны паспѣ къ ногамъ моимъ, и ожидашь, что мнѣ заблагоразсудишь сдѣлашь съ ними. Теперь скажи, знаешь ли ты эптого человекъ?»— Магнусъ подняль глаза и вѣщунъ Марко спояль передъ нимъ.— «Я шолько сегодня ночью узналь его,» ошвѣчалъ Магнусъ, «онъ явился въ замокъ съ письмами ко мнѣ опъ Герцога Курляндскаго, а къ рыцарямъ принесь окружную грамошу опъ измѣнника швоего князя Курбскаго, кошорый обѣщаль имъ польскую помощь и увѣщеваль защищашся прошиву шебя. Что я былъ прошивнаго мнѣнія, доказывашся шѣмъ, что я не съ мечемъ

* *

прошиву шебя, а съ просьбою у ногъ швоихъ!» — «Люблю правду,» сказала Царь, — «ты, Марко,» примолвилъ онъ, «ты нашель, чего искаль: здѣсь будеть конецъ швоимъ кознямъ! Борись, отведи его къ моей палашкѣ; я самъ допрошу его.»

Когда сіе происходило въ полѣ, Клавдіусъ-фонъ-Юргенсбургъ, начальникъ города, знаменимый родомъ и воинскими доблестями, стоялъ на спѣнѣ, окруженный опличнѣйшимъ дворянствомъ. Зрѣлище уничиженія бывшаго Короля ливонскаго и торжество врага Ливоніи, Царя рускаго, воспламенили гордую душу его гнѣвомъ и мещью. Въ порывѣ буйства, онъ выхватилъ зажженный фипиль изъ рукъ пушкаря, приложилъ голову къ дулу орудія и увидѣвъ, что оно направлено на самое мѣсто унизительнаго явленія, приложилъ огонь къ заправкѣ

и выстрѣлилъ, возкликнувъ: «гибните!» Ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Царя и засыпало его землею. — «Измѣна!» сказала Іоаннъ гнѣвно, но безъ изъясненія боязни. «Бѣльскій, обезоружь предашеля и его клевершовъ, и содержи ихъ подъ крѣпкою стражею. Они не спобятъ моего гнѣва. Содшыковъ, ты съ передовымъ полкомъ спунай въ городъ, возьми его на копье и накажи примѣрно царубійцъ. Голицынъ, ты скажи Нѣмцамъ въ замкъ, что я освобождаю ихъ отъ казни, ожидающей городъ, если они безъ всякихъ условій предадутся мнѣ и опдадутъ крѣпость невредимою; если жъ нѣтъ, горе имъ!» Царь съ царедворцами возвратился въ свою палатку и спокойно ожидалъ исполненія своихъ приказаній.

Подобно океану, прервавшему преграду, успремилось русское войско въ

городъ. Мужественно защищали входъ
жищели и малое число воиновъ, но въ
одно мгновеніе вороша были вылома-
ны, пушки взяты, защитники изруб-
лены. Тѣсно было на улицахъ опъ
русскихъ дружинъ: Нѣмцовъ шѣснили
повсюду и догнавъ испребляли до еди-
наго. Не было пощады ни полу, ни
лѣшамъ: воины рускіе ворвались въ
домы и умерщвляли всѣхъ безъ поми-
лованія. Не прогали ихъ ни жалобы
старцевъ, ни вопли слабыхъ женъ,
ни пронзительные крики младенцевъ.
* Рускіе карали въ жищеляхъ Вендена
цареубійць, и голось чловѣчеспва за-
молкъ въ сердцахъ. Крикъ, споны, звукъ
оружія и выспрѣлы пошрясали воз-
духъ. Кровью обрызганы были спѣны
домовъ; по улицамъ съ шрудомъ мож-
но было пробирашьяся по шрупамъ.
Часть жищелей успѣли однакожь спас-
тись чрезъ другія вороша въ замокъ.

Клавдіусъ фонъ-Юргенсбургъ, несчастная причина сего ужаснаго мщенія, погибъ защищая слабыхъ женъ и дѣшей, искавшихъ спасенія въ рапушѣ. Голову его водрузили на копье и выславили на крыльцѣ.— Въ одно время прискакали къ Іоанну приспавы изъ передоваго полка и опъ Князя Голицына. Первый извѣспиль, что кара Вендена исполнилась, и что Солшыковъ ранень. Впорый объявилъ, что Нѣмцы опвергнули предложеніе къ сдачѣ замка, и сѣли въ немъ на смерть. «Поздравь Солшыкова съ моею милоспью,» сказала Іоаннъ приспаву передоваго полка. Посланному Голицына Царь сказала: «Вели, чпобъ Князь подвель всѣ пороха, розвозможилъ замокъ до основанія и караль упорныхъ.» Іоаннъ велѣлъ между шѣмъ привестъ къ себѣ Марка. «Уличенный измѣнникъ, ты однимъ чиспосердечнымъ разкаяніемъ

можешь смягчить заслуженную казнь,» сказала Царь. «Отвѣчай по испинѣ, какъ передъ Богомъ.» Марко положилъ руку на сердце, низко поклонился и молчалъ. «Изъ какого ты рода и племени,» спросилъ Іоаннъ: «по какому случаю научился многимъ языкамъ и принялся за ремесло вѣщуна? Я хочу знать это.» — «Я произхожу отъ первосвященника древняго Чудскаго бога Юмалы,» сказалъ Марко. «Когда Нѣмцы покорили сипрану нашу и ввели вѣру Христіанскую, предки мои, подобно всѣмъ княжескимъ родамъ нашего племени, сдѣлались рабами пришельцевъ, вмѣстѣ съ просполоудинами. Въ нашемъ родѣ сохранилась тайна жрецовъ читашъ письма руническія, и по печенію звѣздъ предсказывать будущее. Всѣ мои предки до меня слыли волхвами въ народѣ и я, послѣдній и безпотошный въ нашемъ родѣ, слѣдо-

валъ ихъ примѣру. Селеніе близь Коло-
ни, въ кошоромъ я родился, принад-
ло барону Штейнгерцу. Тяжела
рука его надъ подданными. Выѣ-
охоту, онъ заспавлялъ насъ въ
собакъ сгоняшь дичь; съ утра до не-
въ будни и праздники шягошилъ ра-
бошою и обходился съ нами, какъ съ
презрѣнными живошными. Я болѣе дру-
гихъ испыталъ его жестокость. — Въ
изспупленіи гнѣва онъ прокололъ копь-
емъ опца моего: хворую мать мою
выгналъ изъ селенія по міру, какъ не-
способную къ работѣ, а у меня оп-
нялъ невѣсшу и закабалилъ меня на
работу инземнымъ кораблестроителе-
лямъ въ Колывани. Я бѣжалъ въ Гам-
бургъ, служилъ честно у купца 20
лѣтъ и былъ его прикащикомъ въ Мо-
сквѣ: научился нѣмецкому и рускому
языку, какъ своему природному, жилъ
въ довольствѣ, но не былъ счаст-

.. Несчастье моего рода и отца тяглошило мою душу. По смерти отца, моего благодѣшеля, я возся на родину, гдѣ забыли обо мнѣ, поселился на городской землѣ и вилъ себя вѣщуномъ, что бы имѣть до всюду входъ и довѣренность. Цѣль моей жизни и всѣ мои дѣла и намѣренія — мщеніе. Собирая золото, я распочалъ его, что бы возбуждашь мяшежи прошиву припѣснителей моей родины, и служилъ всѣмъ, кто только вступалъ въ Ливонію вооруженною рукою. Я привелъ войско свое въ землю Чудскую на погибель рыцарей; я внушилъ Магнусу чрезъ обманушаго мною Шреффера, его любимца, мысль возпрошивишься тебѣ, зная, что симъ подвергну цѣлую страну своему мщенію. Я возбудилъ Курбскаго ободряшь рыцарей въ дерзкомъ ихъ намѣреніи. Теперь я сыщъ: я довольно жилъ

для мщенія, и не боюсь смерти пшель-
имью нужды лгать передъ п' слуга
ибо знаю, что ложью не спасу съди-
— Марко,» сказалаъ Иоаннь, «ты че-
скій духъ, а не человекъ; но ты об-
манщикъ, а не предсказатель будуща-
го. Ты думаешь, что жизнь пшоя дол-
жна кончиться опъ праведнаго моего
гнѣва за измѣну пшою — но ты ошиб-
ся. — Живи: ты еще нуженъ мнѣ,
какъ ядъ и желѣзо для изцѣленія неду-
говъ. Наложите на него цѣпи и оп-
ведите его съ глазъ моихъ.»

Спрашно загремѣли орудія, усшрем-
ленные на древнія стѣны Венденска-
го замка. Опъ каждаго выспрѣла раз-
сыпались камни и сокрушались баш-
ни. Защитники замка сильны были
мужеспвомъ, но слабы средствами:
едва нѣсколько орудій опвѣспшвовали
съ бойницъ, на ужасный ревъ съ поля,
попрысавшій воздухъ и землю. Участь

ей города погасила въ сердцахъ
 ѣй надежду на пощаду.—Бойсманъ
 ѣ вънесъ бочки съ порохоми въ
 ѣ и, собравъ въ большую залу всѣхъ
 рыцарей и всѣхъ жителей Вендена, у-
 крывшихся въ замкъ, и сказалъ: «все
 совершилось, намъ ничего не оспа-
 ся, кромѣ выбора смерти. Спѣны на-
 ши сокрушились, воинство русское
 немедленно вломился въ замокъ. —
 Должно или умереть опъ мечей русскихъ,
 или славною смертию оставить по
 себѣ память. Я рѣшился дожидаться
 здѣсь приступа, подорвать порохоми
 эшу часть замка и погибнуть, нанеся
 гибель врагамъ нашимъ. Кто хочетъ
 умереть со мною, топъ оспавайся
 здѣсь: кто надѣется спастись, не
 удерживаю!» — «Мы всѣ умремъ съ по-
 бою!» возкликнули со всѣхъ сторонъ.
 Опцы и матери благословляли сво-
 ихъ дѣтей, держа ихъ въ своихъ объ-

яспіяхъ; друзья и знакомые умилишель-
 но прощались. Вдругъ явился слуга
 церкви, Пастырь, украшенный съди-
 нами, въ полномъ облаченіи, со знаме-
 ніемъ Спасителя. Всѣ присушествовав-
 шіе упали на колѣна: Пастырь прочель
 громогласно молитву и началъ гово-
 рити проповѣдь о ничтожествѣ жизни
 земной, о непреложности будущей. Слу-
 шатели внимали ему съ умиленіемъ.
 Въ это время раздались воинскіе клики,
 и уже рускіе воины были на проломѣ.
 Быстро устремились они черезъ дворъ
 къ главному зданію, гдѣ видѣли людей
 въ окнахъ, и въ это ужасное мгно-
 веніе, Бойсманъ взялъ горящій свѣ-
 щильникъ, приблизился твердыми ша-
 гами къ окну и зажегъ фитиль, про-
 веденный къ нижнему жилью, гдѣ сло-
 женъ былъ порохъ. Благочестивый Па-
 стырь прочиталъ молитву по успѣ-
 шихъ и едва успѣлъ промолвить: « Оп-

че! въ руку швою отдаю духъ мой,» — вдругъ зданіе потряслось, земля спустилась, стѣны лопнули и обломки съ ужаснымъ громомъ и прескомъ взлетѣли на воздухъ въ дымъ и прахъ, съ грудями изувѣченныхъ тѣлъ. Полки рускіе остановились въ изумленіи, выстрѣлы умолкли — вопли прекратились.

Элеонора слышала рѣчь Бойсмана и поспѣшила къ отцу своему, который, запершись въ своей комнатѣ, собиралъ важныя бумаги Магнусовы. Она не сказала ему объ ужасномъ рѣшеніи опочайнаго коменданша, но бросаясь на колѣни, просила освободить рускаго узника. Въ недоумѣннн о своей участи, Владиміръ слышалъ стрѣльбу, внималъ воплямъ побѣдителей и погибающихъ, и ждалъ конца, помышляя единственно о своей возлюбленной и о славу Россіи. Вдругъ дверь его

темницы отворилась и Элеонора бросилась въ его объятія. — «Отецъ мой,» — сказала она, «вошь мой возлюбленный, шощъ, кошорому я опдала мое сердце. Я молчала передъ побою, ибо не знала, увижусь ли съ пимь: шеперь судьба соединила насъ на краю гроба.» — «Руской,» сказалъ Шрефферъ, — «шы дорогъ миѣ любовью моей дочери и своимъ постоянствомъ. — Возьми эшо мечъ и спупай къ своимъ: они уже приближающа къ стѣнамъ. Оставъ насъ: мы обречены на смерть.» — «Нтытъ, я не оставлю васъ,» — сказалъ Владиміръ, «и если не защищу, то умру вмѣстѣ съ вами.» Въ эшо мгновение башня потряслась на основаніи, воздухъ помрачился и страшный громъ оглушилъ Владиміра и опца Элеоноры. Она упала на колѣни и пламенно молилась. Съ удивленіемъ и ужа-

сомъ услышалъ Владимірь и несчастный старецъ разсказъ Элеоноры о подвигѣ Бойсмана, и Владимірь вмѣстѣ съ ними почтилъ память героевъ слезами состраданія.» «Попомство, всегда благодарное и правосудное,» сказалъ Владимірь, «вознаградить славою великое дѣло и почтить память храбрыхъ благословеніемъ.»

Между тѣмъ рускіе воины, ворвавшіеся въ замокъ, пришли въ себя отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго взрывомъ и геройствомъ осажденныхъ. Князь Голицынъ велѣлъ щадить оставшихся, но разъяренные воины умерщвляли упорныхъ, которые скрылись въ подземельяхъ и мужественно защищались. Толпа свирѣлыхъ Ташаръ, бывшихъ въ войскѣ Іоанна, вломилась въ башню, гдѣ находился Владимірь: дикари неистово бросились въ двери, увидѣвъ прекра-

сную дѣвицу. Голось Владиміра остановиль ихъ, а мечь удержаль опъ дерзкихъ покушеній. — Онъ велѣль провоститъ себя къ князю Голицыну.

Смерть пощадила Бойсмана: измозженный лежалъ онъ на муравѣ и съ опчаяніемъ въ душѣ взираль на развалины, копорья опринули его изъ своего лона, во власць врагамъ. Голицынь съ уваженіемъ велѣль подияшь героя, и на носилкахъ изъ копей опправиль къ Іоанну, вмѣспѣ съ другими плѣнниками, поручивъ Владиміру начальство надъ спражею.

Іоаннь видѣль съ возвышенія грозное явленіе, но не зналь причины. Думаля, что Марко учаспвоваль въ шайнахъ защитниковъ замка, онъ велѣль его привести къ себѣ. — Но онъ уже пересталь жить. Скоропоспижная смерть разлучила его со свѣтомъ. Лекаръ объявилъ, что на лицѣ умер-

шаго замѣшилъ признаки сильнаго яда. Несчастный самъ наказалъ себя за свои злодѣянія. Іоаннь велѣлъ бросить въ рѣку безобразное его тѣло.

Царь любилъ Владиміра, какъ храбраго воина и родственника любимца своего Бориса Годунова: онъ обрадовался его избавленію изъ плѣна. — Владиміръ разсказалъ Царю о геройскомъ подвигѣ защитниковъ замка, указалъ на Бойсмана, ихъ начальника и упавъ къ ногамъ Царскимъ, молилъ его о помилованіи Шреффера и его дочери. «Да будетъ такъ,» — сказалъ Іоаннь тихимъ голосомъ, — «въ сей день довольно пролило крови и дерзкіе враги мои съ ужасомъ услышатъ о карѣ Вендена!» — Царь хотѣлъ видѣть Бойсмана: воины принесли его окровавленнаго и положили у ногъ Іоанна. Долго, смотрѣлъ онъ на обезображенныя черты героя,

и наконецъ сказала: «Дорого бы я дала, чтобъ имѣть побольше пакихъ слугъ: но ты безумно поступилъ, Бойсманъ, предпочишая смерть покорности Царю рускому. Не на себя держали вы замокъ, и чѣмъ пресмыкашься у ногъ Шведовъ или Поляковъ, лучше бы вамъ просить у меня возстановленія правъ своихъ. Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ.» — Я служилъ вѣрно Королю ливонскому,» — сказала Бойсманъ слабымъ голосомъ, — «но ни предъ кѣмъ не пресмыкался: я рыцарь, и только израненный, лишенный силъ, могу валяясь въ ногахъ чужеземнаго Государя. — Великодушіе твое въ Венденѣ мы видѣли съ башенъ замка, и рѣшилесь смертию избавишься стыда и мщенія. Суди меня и карай: но помни, что есть Высшій Судія, который наблюдаетъ и дѣла сильнаго и страданія слабого.».. — «Описаніе

* * *

его къ другимъ плѣнникамъ, сказала
 Иоаннь : печаль омрачила лице его. —
 Бойсманъ умеръ на рукахъ русскихъ
 воиновъ. Послѣднія слова его были :
 Богъ!... Ливонія !

Царь возненавидѣлъ прибываніе въ
 Венденъ: кровопролитіе утомило гроз-
 ную его душу. Угостивъ великолѣпнымъ
 пирушествомъ воеводъ русскихъ и знап-
 ныхъ липовскихъ плѣнниковъ, онъ
 отпустилъ ихъ домой, поручилъ вой-
 ско воеводамъ князю Тверскому Си-
 меону, князьямъ Ивану Шуйскому и
 Василью Сицкому, и съ торжествомъ
 отправился въ Юрьевъ, окруженный
 боярами, царедворцами и тѣлохра-
 ницелями. Магнуса везли за Царскими
 обозами, какъ плѣнника, а знапныхъ
 его дворянъ гнали какъ стадо. Въ чи-
 слѣ плѣнныхъ была Элеонора съ ош-
 цемъ своимъ; о нихъ имѣлъ попече-
 ніе Владиміръ, сопровождавшій Царя

въ званіи вшораго оруженосца. Никто не могъ проникнуть шайной думы Іоанна, и многіе мыслили, что онъ казнишь Магнуса за измѣну и ослушаніе. Въ Юрьевѣ рѣшилась его учаспѣ. Іоаннъ, въ присутствіи всѣхъ вельможъ своего двора и всѣхъ знапныхъ Ливонцевъ, покорныхъ русской власти, вельѣ призвать къ себѣ Магнуса, который явился къ нему, какъ жершва. — «Забываю все,» — сказала Іоаннъ къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, — «дарую тебѣ и швоимъ людямъ жизнь и свободу: тебѣ назначаю Оберпаленъ съ городами въ удѣль, пока оружіе рѣшишь споръ нашъ съ Шведами и Поляками за обладаніе Ливоніей. Но помни, Магнусъ, что дѣло мастера боится, и что я могу шакже легко сокрушить, какъ и сотворить. Сиди смирно и не слушай никого: мои приказанія да бу-

душъ твоими совѣтниками. Иди съ миромъ.» — Магнусъ преклонилъ колѣна и со слезами благодарилъ Іоанна, который, будучи всегда грознымъ, умѣлъ иногда быть и великодушнымъ. «Я вижу твою поску, юноша,» сказала Іоаннъ Владиміру, — «Царское слово излечить недугъ сердца: за вѣрную твою службу награждаю тебя прекрасною женою, и властью моею разрешаю бракъ съ иновѣркою. — Опець ея провинился предо мною, но сей день, есть день милости и прощенія. Онъ не будетъ болѣе при Магнусъ, что бы не смущалъ его совѣтами ложными. — Въ Москвѣ я устрою судьбу его: онъ будетъ полезенъ мнѣ въ дѣлахъ съ чужеземцами. Спупай въ Москву, съ новою твоею семьею: такъ я хочу!»

Ө. Булгаринъ.

Д В Ъ С Е С Т Р Ы,

или: которой отдать преимущество?

Я знаю двухъ сестеръ.... Какъ это слабо выражаетъ мои отношенія къ двумъ милымъ, прекраснымъ существамъ! — Я люблю, люблю пламенно двухъ обворожительныхъ сестеръ и сія любовь не знала бы предѣла, если бы это прекрасное, высокое чувство могло быть рѣшительнѣе, безъ колебанія, безъ двойственности. Но я чувствую, что оно не можетъ быть полнымъ, единственнымъ, отъ непрерывнаго уклоненія то къ старшей, то къ младшей сестрѣ. Обѣ прелестны, но каждая имѣетъ свои особенныя прелести; обѣ привлекатель-

ны, но влеченіе къ нимъ не одинаково. Одна сіяетъ, въ полночь своей красоты, какъ ясный, погодный день, обнаруживающій всю живопись окрестностей, всю роскошь природы. Душа погружается въ нѣкое упоеніе, увидя сліянiе горъ съ поднебесностію, небесъ съ стекловидностію моря; луга, подстилающіеся подъ рожи; большія дороги, лежащія какъ развернутыя свитки и сады, какъ картины, окруженныя рамами своихъ оградъ. Но очарованіе, такъ сказать, рѣдѣя, изтощается, когда душа, упоенная красотою великими, но единообразными, не находитъ новой пищи для новаго возхищенія. Напротивъ, *другая* мила, заманчива, привлекательна, какъ лунный вечеръ позднихъ дней лѣта. Я люблю такіе вечера! Бѣлые туманы, то зашопляя, то выказывая закругленные холмы, чернѣ-

ющієся лѣса и развалины замка на острів скалы, волнується, застилають бѣлыя скашерпи, или накидываютъ прелещущую дымку, копорая, ничего не закрыває, ничего и не выказываетъ. Душа любишь погружашься въ сіє смѣшеніє блѣднѣющаго свѣта, синевы небесной и сизаго сумрака; любишь ловишь предметы среди зыбучнихъ тумановъ и спранствоватъ за разнообразными пѣнями, копорая, какъ будто живыя, слѣдомъ за луною перемѣщаюшя изъ долины въ долину, опъ холма къ холму. Такова *вторая сестра*, неимѣющая ничего блестящаго, но полная очарованія. Какъ прекрасна старшая! Вообразите станъ и поступъ Минервы. — Чшо-шо греческое въ лицѣ свѣтломъ, чшо-шо римское въ осанкѣ величественной. Разумъ и пишина сіяють въ большихъ, голубыхъ очахъ ея, ненарушимое спокойствіє въ чер-

пахъ лица, въ чертахъ, кошорыхъ согласіе есть согласіе превосходной музыки. — Все въ ней правильность, во всеи опчешность. Каждое движеніе — мысль; каждое слово — разумъ. Высокое краснорѣчіе льется изъ полныхъ, румяныхъ устъ. Формы ея роскошно округлены и въ самыхъ складкахъ одежды — обдуманная искусственность, умъ и приличіе. — Важность сопустшествуетъ ей, ослабленіе устъ соопвѣспвуетъ мысли, сіяющей на возвышенномъ челѣ. — Все въ ней открыто, все ясно. По виду — Юнона; мудростію — Минерва, осанкою — царица! Большая златоспрунная лира, украшенная драгоценнѣйшею опдѣлкою, въ высокои древнемъ вкусѣ, часто обращается въ красивыхъ, полныхъ рукахъ и звѣнитъ подъ бѣлыми, округленными перстами ея. — Чшо скажу о пѣсняхъ,

которыя она поеть о Царяхъ , о народахъ, о великомъ, о божественномъ?... Величественны и безсмертны , какъ возвышенная поэзія , онѣ важны , усладительны и согласны , какъ гармонія вселенной , какъ бесѣда вѣковъ , кося внимають поколѣнія мимошекуція . Сіи пѣснопѣнія дѣйствують прямо на разумъ , утоляютъ спраспи , возвышаютъ душу . — Такова сестра старшая .

Какъ прелестна младшая сестра ! Уловите кистью красоту радуги , лентою проспилающейся между слоистыхъ шучь ; опредѣлите музыкальными нотами переливы звуковъ , склоненіе перекашовъ колѣнчатой пѣсни соловья ! Изобразите на холстѣ быстро-переменчатая оппѣнки на лазоревой шеѣ ппицы Юнониной и тогда развѣ постигнете всю прелестъ , всю миловидность младшей сестры ! — Но она не прекрасна , не величе-

ственна, въ ней ничего нѣтъ важнаго, почти ничего правильнаго. Легкость — ея примѣта; чрезвычайно-спройный спань — черта ея красоты; какая-то дѣшскость, просподушіе, сердечность: вотъ абрисъ ея правственной фізіономіи. Ея одежда, почти небрежная, всегда у ней къ лицу. — Я не могу списать ея лица: оно не уловимо и для самаго искуснаго карандаша. — Я знаю только, что локоны каштановыхъ волосъ ея, случайно разбросанные по плечамъ, прелестны; что миловидность лица возхитительна и что въ глазахъ ея есть нѣчто околдовательное. — Часо я засматриваюсь въ поэзію сихъ глазъ и прочитываю въ нихъ болѣе, нежели въ огромныхъ фоліаншахъ холодной прозы. Она, — (я продолжаю говорить о младшей сестрѣ,) такъ же имѣетъ свое музыкаль-

ное орудіе. — Часто гибкіе перспы ея пробѣгають по клавишамъ гармоники. Какіе звуки! Всѣ нервы приходятъ въ движеніе, подгрудіе наливается шоскою, фанпазія ошкликается, какъ будто на знакомый зовъ, воображеніе пылаетъ и весь я внѣ себя отъ шоски, отъ упоенія, отъ непостижимой превози чувствъ, отъ сладостнаго смѣшенія ощущеній. Эта младшая сестра имѣетъ свои милыя причуды, свои пѣнишья прихоти. Ея уединенныя прогулки разнообразны, какъ и все въ ней разнообразно. Разъ я видѣлъ ее, высоко отъ земли, на самомъ острѣ скалы. Тамъ, подъ навѣсомъ пихаго неба, на которомъ жаркая позолоша заката мѣшалась съ свѣплымъ румянцемъ вечерней зари и съ серебристымъ сіяніемъ выступающаго мѣсяца, въ бѣлой одеждѣ, подъ голубымъ покрываломъ, она спояла въ живопис-

ной неподвижности, какъ геній, извланный рукою великаго художника, какъ легкое видѣніе, внушающее сладкія, привѣшливыя ощущенія. Но она любитъ скишаться и подъ воємъ осеннихъ бурь и всмаприваться въ страшныя картины неба, на которомъ тучи громоздящся, какъ густыя ополченія сражающихся человѣковъ. Въ запусѣлыхъ башняхъ ставитъ она Эолу арфу и долго, долго подслушиваетъ, какъ будто желая зашверднть и послѣ кому нибудь пересказать тѣ прерываемыя, дикіе звуки, тѣ переходы заунывные, тѣ опголоски, похожіе по на плачь, по на шоскливое сѣшваніе, напоминающіе все бывое, все минувшее, по чудное смѣшеніе воплей и пѣнія, которое рождается опъ мимолетнаго прикосновенія пустыннаго вѣтра къ звонкимъ, упругимъ струнамъ. Она любитъ странствовать по

развалинамъ рыцарскихъ замковъ, опустылыхъ храмовъ, упраздненныхъ монастырскихъ обителей, посещать хранилища древняго оружія, гробницы, украшенныя гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, копорыхъ уже не спало! Какъ волшебница Тесалійская, она умѣетъ возбуждать мертвыхъ на кладбищахъ! по гласу ея они восстають въ бѣлыхъ саванахъ и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказываютъ ей были минувшаго времени. Несравненно болѣе прихотливая, она менѣе разборчива, чѣмъ старшая сестра, въ выборъ предметовъ для пѣнія. Съ добродушною охотливостію она рассказываетъ сказки и повѣсти, напѣваетъ элгии и баллады, и пѣняя, увлекаетъ васъ опть сухой, безцвѣтной существенности въ какую-то невѣдомую страну очарованія, гдѣ челоуѣку, бо-

лѣзущему душею, такъ весело забываться и обманываться. Не одни чертоги Царей, не одни великія явленія міра бывають содержаніемъ ея пѣсней.

Она передасть событія, случившіяся въ хижинѣ поселянина, въ шалащѣ пастыря, въ кибиткѣ степнаго жителя, въ аулѣ Черкеса и въ тѣмѣ Лопаря.— Младшая сестра любитъ города древніе, гдѣ все говоритъ воображенію и чувству, гдѣ, на обломкахъ зданій, глубоко запечатлѣны слѣды вѣковъ. Прямыя улицы, красивыя площади, зданія великолѣпныя, хощя и единообразныя, порядокъ и правильность правятся старшей. Превозходно ея краснорѣчіе! Сама прекрасная, какъ поэма, она внушаетъ возпорги высокіе, рождаетъ думы величественныя, вводитъ душу въ сферу благороднѣйшихъ наслажденій, знакомитъ ее съ высокими идеалами. Въ ея разсказѣ единство, гар-

монія, истина. Заманчивы, пльни-пельны повѣспованія младшей сестры! При ней пробуждаюшя мечты, освѣжаюшя надежды, воскресають воспоминанія и все семейство спрашей, соприродныхъ челоѣку, приходишь въ движеніе. Что есть жизньъ безъ бурей и случайностей? спросилъ я однажды у младшей сестры. Въместо отвѣта, она указала на пространное озеро, медленно, какъ челоѣкъ, изпавляющій отъ смертоноснаго недуга, замирающее въ заглохлыхъ берегахъ, исчезнувшее подъ густымъ наплывомъ пины, покрышой зеленью, мхами и папоротниками. Я понялъ смыслъ сего указанія. Такъ душа, опорванная отъ сообщества существъ, ее понимающихъ, неосвѣжаемая обмѣномъ ощущеній и мыслей, ни огненнымъ вѣяніемъ вдохновенія, ни порывами восторговъ, ни бурею жизни, увядшая,

стѣсненная пресмыкающимися нуждами, лишается пѣщической жизни своей и, въ холодномъ безсрашнѣи, въ гробовомъ спокойствіи ненарушимаго единообразія, предается дремотѣ, самозабвенію, чѣтобъ наконецъ въ глубокомъ усыпленіи прійти въ оцѣпененіе, — не пылать, не волноваться; существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густыя тучи, набѣжавъ, поглопили звѣзды. Половина луны, какъ будто отсѣченная мечемъ, долго бѣгала въ разпревоженныхъ облакахъ. Наконецъ она исчезла. Заблиспали изломчатыя молніи, и живописно браздили черное, безсвѣтпальное небо. Валы свинцоваго цвѣта, въ вѣнкахъ изъ бѣлой, кружащейся пѣны, ходили, какъ привидѣнія, по озерамъ. Въ воздухъ было душно, въ лѣсахъ темно; только молніи озаряли высоты золотымъ огнемъ, а фосфорическія

гнили, разсыпанные по мокрой землѣ, сіяли серебрянымъ блескомъ и холодные лучи земнаго встрѣчались съ пламеннымъ сверканіемъ неба. Въ это время, въ этомъ мѣстѣ нашель я младшую сестру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурую деревѣ. Слухъ ея, казалось, ловилъ переливы свисающихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвеніе, — локоны длинныхъ власовъ, какъ и всегда, спрунулись; крупныя капли, при свѣтѣ молніи, сверкали на нихъ, какъ уборъ изъ перловъ и яхонтовъ. Она не замѣчала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мнѣ сдавалось, хотѣла постигнуть всю тайну бури, запомнишь всѣ переходы грозы, можешь быть для того, что бы послѣ все пересказашь своимъ любимцамъ,

* * *

умѣющимъ понимаешь ея спранный языкъ, таинственную красоту бесѣды ея. Не гроза ночная исчезла вмѣстѣ съ ночью. Великолѣпно было утро освѣщенной природы.—На зеленомъ скампѣ, у подножія котораго лежалъ, какъ голубое стекло, зеркало-видный заливъ моря, среди зданій, увѣнчанныхъ красивыми куполами и милovidными иосканскими столбами, въ свѣшломъ приморскомъ домикѣ, живо напоминающемъ приморскій Плиніевъ домъ, нашель я старшую сестру. Великіе поэты Греціи и Рима окружали ея въ швореніяхъ своихъ. Въ рукахъ младшей я видѣлъ Данта, Аріоста; недавно перечитывала она Гёшева Фауста. Старшая жила только среди ваяній и піисического вѣка древнихъ. Спранны! я по какому-то прихотливому, безопчетному чувству влекусь къ младшей сестрѣ; но старшая при-

влекать меня къ себѣ. Любовь ко второй заставляетъ заниматься только ею; но любовь, соединенная съ уваженіемъ къ первой, сильно колеблетъ привязанность ко второй. Опъ сего мысли мои часто шапаются и я, колеблемый нерѣшимостію, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся то къ той, то къ другой сторонѣ.... Которой же отдать преимущество?—Я не смѣю рѣшить споръ. Можетъ быть, этотъ споръ занимаетъ теперь умы всего современнаго человѣчества. Молчу, что бы говоря болѣе и яснѣе, не подаю повода подумать, что въ семь иносказательномъ описаніи подразумеваю я поэзи: *Классическую и Романтическую.*

Θ. Глинка.

Б Е Д У И Н К А.

Восточная повесть.

Моавія, сынъ Сейфановъ, повели-
тель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды
въ кругу своихъ царедворцевъ въ ве-
ликолѣпномъ увеселительномъ зданіи,
построенномъ при большой дорогѣ,
ведущей въ Дамаскъ. Изъ оконъ сего
зданія во все стороны видъ былъ воз-
хитительный: роскошные сады Гушы,
необъятныя взору равнины Бекай,
рѣчки и пруды, осыенныя оливковы-
ми деревьями, холмы, красующіеся
виноградомъ и позади ихъ чернѣющій-
ся покапъ Анпиливана, составляли
вмѣстѣ прелестнѣйшую въ природѣ
картину. Водометы, брызжа изъ мра-

морныхъ купелей, разливали по всему зданію пріятную прохладу; но внѣ зданія, удушливый зной захватывалъ дыханіе: жгущій вѣтеръ, налепавшій съ жаркихъ песковъ Неджда, выхаль плетворнымъ пламенемъ. Халифъ увидѣлъ вдали человѣка, въ широкой бедуйнской епанчѣ съ бѣлыми и черными полосами, шедшаго по большой дорогѣ. Былъ полдень; солнце пекло со всею своею силой, и пунникъ, шедшій босыми ногами, томясь усталостію и истощеніемъ, не могъ сносить жара разкаленной земли, по кошорой ступаль, и ускорялъ свой ходъ. Видъ сего человѣка наполнилъ сердце Халифова горестію. «Алла сотворилъ ли когда человѣка,» воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, — «несчастіе того, какъ сей Арабъ, принужденный влачиться по большимъ дорогамъ въ па-

кой жарь, какъ нынѣшній, и въ эту пору дня?» — «Повелишель правовѣрныхъ!» отвѣчалъ одинъ изъ царедворцевъ: по чему знашь? можешь быть человекъ сей ищеть себя, хочешь прибѣгнушь къ твоей помощи или защишь? Можешь быть думаешь онъ, что великодушіе твое будетъ для него тучею весеннею, прохлаждающею зной дневный и уполяющею жажду, которою, какъ видно, онъ иномится?» — «О, если меня онъ ищеть,» вѣщаль Халифъ, «что я буду для него тучею весеннею, оживляющею поля, пожигаемая *харуромъ* (*), я буду ему росею благодатною, питающею листья лавра, поблеклыя отъ зноя! Сюда, опрокъ: спупай къ дверямъ моего чершoga, и если сей Арабъ бу-

(*) Жгущій вѣтръ, дующій въ степи Сирійской.

деть обо мнѣ спрашивать, то мигомъ приведи его предъ лице мое.»

Опрокъ сошелъ къ дверямъ чертога и спросилъ у Бедуина: куда онъ идешь въ такую пору и кого ищешь? —

«Я иду въ Дамаскъ,» отвѣчалъ Бедуинъ, «а ищуща повелишеля правовѣрныхъ: онъ правосуденъ и великодушенъ; онъ извлечетъ изъ моего сердца жало насилія, которымъ оно разшерзано, и вырветъ изъ земли мусульманской плевелы свосвольства.» —

«Если такъ, то иди за мною,» сказала опрокъ: «повелишеля правовѣрныхъ ждетъ тебя въ эпомъ чертогѣ.» — Бедуинъ повиновался опроку, который ввелъ его предъ очи Халифовы. Представъ предъ своего влашителя, Бедуинъ опдалъ поклоне- ние, и, бывъ изпощенъ успалостію, съ прудомъ произнесъ нѣсколько едва вняшныхъ словъ, коими желалъ ему

долгаго царствованія и всѣхъ возможныхъ благъ. «Откуда ты, другъ Арабъ?» спросилъ его Халифъ. — «Я изъ Еми-
ма,» отвѣчалъ онъ. — «Кого же ищешь въ такую тяжкую пору? что заставляешь себя подвергаться въ эти часы насилію ужаснаго вѣтра, жгущаго листья оливы и удушающаго пшницъ на полѣхъ?» — «Несправедливость посланнаго собою въ градоначальники намъ Мервана, причиною труднаго моего путешествія; ищу я своего правосудія. О Моавія!» продолжалъ онъ: «вселенная чтитъ свое могущество, мудрость и просвѣщеніе, народы благословляютъ свое правдолюбіе, прямодушіе и благость. У тебя ищу я убъжища, когда весь міръ меня отвергаетъ. Не измѣни моей надеждѣ и правосудіемъ своимъ отмсти за обиды, которыми гнетешь меня шопъ, кого ты посла-

вилъ покровишелемъ невинности и карашелемъ злодѣевъ. Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, тяжчайшее самой смерти. Изъ судиіи моего, содѣлался онъ непримиримымъ врагомъ моимъ: онъ у меня опнялъ мою Соаду, гналъ меня, заключалъ въ пемницу, вооружилъ на меня родныхъ моихъ, презрѣлъ и законъ Бога и праведный гнѣвъ швой. — Моавія, видя, что Бедуинъ пылалъ огнемъ негодованія, превожимъ былъ волненіемъ духа и измученъ успалостію, повелѣлъ ему сѣсть, успокоилъ свои чувства и пошомъ разска-зашъ ему свою повѣсть. Бедуинъ, послѣ крапкихъ минушъ опдыха, снова началъ говоришъ шакъ: «Повелишель правотѣрныхъ! я сынъ степи и веду родъ мой опъ благороднѣйшей и чистѣйшей крови Арабовъ, кошорая никогда не смѣшивалась съ кровью чуждою, никогда не сливалась съ кровью жишелей горо-

довъ или сель. Изъ рода нашего произошли сто вишязей, коихъ подвиги славяшя по всемъ степямъ и сто поэшовъ, коихъ стихи пвердяшя во всехъ шатрахъ. Я былъ богатъ наслѣдїемъ отца моего: у меня было лучшее стадо верблюдовъ и двѣнадцать самыхъ породистыхъ коней Неджескихъ. Ни одинъ странникъ не проходилъ мимо моего шатра, не испытавъ моего гостепріимства; ни одинъ ушѣсенный не испрашивалъ вооще помощи копыя моего. Я взялъ себѣ въ жены Соаду, дочь Шенха моего племени. Она была прекраснѣйшая и благороднѣйшая изъ дѣвъ Аравіи; глаза ея подобились свѣплымъ звѣздамъ Орїона, а спань ея гибкому стеблю бана. Мы любили другъ друга и жили счастливо; но одинъ чернѣй годъ рушилъ наше блаженство. Я лишился попеременно и стада моихъ, и всего моего иму-

щества. Тогда всё меня покинули. Я спалъ несносенъ тѣмъ людямъ, которые прежде искали моей дружбы; я долженъ былъ сносить надменіе низкихъ душъ, которыя незадолго предъ тѣмъ испрашивали моихъ милостей. Къ горшему моему бѣдствію, шесть мой успѣлъ, коварствомъ и вѣроломствомъ, похищилъ у меня жену мою, и не хотѣлъ уже возвратить ее мнѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ принялъ меня съ жестокими упреками, осыпалъ меня оскорбленіями и запретилъ мнѣ ходить къ нему. Племя наше кочевало тогда подъ сѣнами Басоры. Я прибѣгнулъ къ защитѣ Мервана, правителя той области. Онъ призывалъ моего пестя и спросилъ его, за что онъ такъ несправедливо со мною поступалъ? Но Шейхъ, съ безсмысленствомъ, какому не было еще примѣра, отвѣчалъ, что не знаетъ

меня и что я просто обманщикъ. Я требоваль, что бы для поясненія дѣла, швой градоначальникъ призываль Соаду и положилса на ея показаніе. Мерванъ согласилса на то и приказаль Шейху привести свою дочь. Но кто могъ эшо предвидѣшь! поступокъ, въ которомъ я полагаль вѣрный залогъ моего спасенія, содѣлалса испочникомъ всѣхъ моихъ спраданій и бѣдъ! Едва Мерванъ увидѣль Соаду, шопчасъ въ нее влюбилса, запрешиль мнѣ входить въ судилище, терзаль меня и наконецъ ввергнуль въ шюрму. Я спалъ несчастнѣе дѣпища лани; которе видѣвъ, какъ псы звѣроловцевы разшерзали мать его въ долину, шрепешно бродить по кремнистымъ ушесамъ Веджры. Мерванъ въ шо время предложиль моему шестю — избавить его, опъ такого зяпя, какъ я, если онъ согласилса дашь ему въ жены

Соаду, за которую обещался заплатить десять тысяч драхмъ. Корыстолюбивый спарикъ охотно принялъ предложеніе градоправителя, и сей, потребовавъ меня къ себѣ, повелѣлъ мнѣ развестись съ моею женою. Я отказалъ ему. Тогда прислужники его схватили меня, безжалостно бросили въ мрачное, зловонное подземелье и ревностно каждый день выдумывали новыя для меня муки, чтобы вырвать изъ меня согласіе на разводъ съ женою. Видя, что я твердо рѣшился не преклоняться предъ его неправдою, Мерванъ вздумалъ играть законами. Подкупленные, безсовѣстные судьи приговорили развести меня съ женою, на которой тогда же Мерванъ женился. Меня все еще держалъ онъ въ заключеніи, откуда я ушелъ чуднымъ случаемъ. Рука Аллы извела меня отъ полъ, не смотря на неусыпность моей

спражи, и я прибѣгаю подь кровь
твоего правосудія. Моавія! (бойся Бо-
га, } вручившаго тебѣ счастье и без-
опасность правовѣрныхъ! слезы при-
шѣсенной невинности будутъ тяж-
чайшимъ обвиненіемъ, каковое Тво-
рецъ поставилъ въ день спрашнаго
суда, прошивъ шѣхъ, на кого возло-
жилъ Онъ заботу — править людьми
въ здѣшней жизни. » — Бедуинъ, мало
по малу одушевляясь въ своей рѣчи,
въ концѣ ея, по быспрому вдохнове-
нію, сказалъ сіи стихи:

Въ сердцѣ моемъ еще шрепещеть неправды
стрѣла,

Очи мои изпочаюшъ кровавыя слезы.

• Моавія! ты никогда не сносишь при-
шѣсеній

И пришѣсенныхъ бѣды не вовсе понятны
тебѣ.

При сихъ словахъ, силы его оста-
вили: онъ упалъ безъ чувствъ. Халифъ

велѣлъ подашь ему нужную помощь, а себѣ принести бумаги, и своею рукою написалъ къ Мервану письмо, въ которомъ дѣлалъ ему сстрогіе упреки, угрожалъ своимъ гнѣвомъ и повелѣвалъ ему поспѣше часъ развестись съ Соадою и немедленно прислать ее въ Дамаскъ.

Правитель повиновался своему Государю и отправилъ Соаду въ Дамаскъ съ тѣми же посланными, которые принесли ему повелѣніе Халифа. Тогда же написалъ онъ и письмо къ Халифу, извиняясь любовью своею къ сей Бедуинкѣ и упорствомъ ея мужа, не хотѣвшаго съ нею развестись; что все сіе подспрекнуло его къ такимъ насильственнымъ поступкамъ, которыхъ бы онъ никакъ не сдѣлалъ во всякомъ другомъ случаѣ; что онъ готовъ всѣми способами вознаградишь сего челоука за прешерпѣнное имъ, и наконецъ, что онъ

съ покорностію преклоняешъ повинную свою голову подъ мечъ правосудія Халифова, испрашивая его милосердія и великодушія.

Когда Соада прибыла въ Дамаскъ, ее представили Халифу. Онъ удивился ея красотѣ, съ которою прелести всѣхъ женъ его гарема не могли сравниться. Возвышенная, какъ палма береговъ Нила, въ поступи своей она стройно склонялась, подобно раповищу копья степнаго наѣздника, сдѣланному изъ Багдадской яроссти. Тѣло ея имѣло прелестный цвѣтъ серебра, съ легкою примѣсью золота, а блестящіе искрами глаза ея выражали шу возхитительную пріятность любви и нѣжности, которая столь чудно свѣпшился въ глазахъ молодой лани, когда она, своропивъ на сторону гибкую свою шею, сморпши съ любовью машери на двухъ

маленькихъ оленятъ , прильнувшихъ къ сосцамъ ея. Легкая , какъ серна горы Тудыхъ , она была и величава , какъ луна , протекающая звѣздный сводъ въ четырнадцатую ночь свою. Моавія вступилъ съ нею въ разговоръ и нашель , что она умнѣе и образованнѣе Зарки , копорой славнѣйшіе выпязи степей посвятили жизнь и богатства свои. Въ минушу Халифъ спросилъ въ нее влюбился , и вмѣсто того , что бы строго наказаль Мервана , какъ онъ намѣревался , нашель въ собственномъ сердцѣ ему извиненіе. Онъ приказаль помѣстивъ Соаду въ великолѣпныхъ чертогахъ , окружилъ ее шлопою невольницъ и забавъ , вслѣлъ твердиль ей о любви своей , и доставляль ей всѣ почести и увеселенія , могущія возпламениль воображеніе женщины и заставиль ее полюбить такую пріятную жизнь.

* *

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Халифъ призывалъ къ себѣ Бедуина и сказалъ ему: «Другъ мой, не можешь ли ты утѣшишься безъ Соады? Я посылю тебѣ богатствами и позволяю тебѣ выбрать въ жены изъ моего гарема такую красавицу, которая тебѣ болѣе другихъ понравится, съ досташочнымъ числомъ прекраснѣйшихъ невольницъ для услуги.» — Бедуинъ слушалъ слова своего Государя съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; попомъ ручки слезъ смочили глаза его, онъ зарыдалъ, упалъ на землю и вдался въ жесточайшее опчаяніе. Халифъ дивился тому; и самъ почти смутился; онъ спросилъ у Бедуина о причинѣ такой горести и старался его утѣшить. «Могу ли не предаваться опчаянію?» вскричалъ Бедуинъ: «когда я страдалъ отъ приѣсеній своего градоначальника, тогда жилъ надеждою на свое пра-

восудіе ; но если ты споль же неправедень , какъ и онъ , — къ кому я пойду съ жалобой ? Ты въ заговоръ съ моими врагами , что бь опнять у меня мою супругу , которую я люблю больше всего на свѣтѣ . Повелитель правотѣрныхъ ! такое ли употребленіе долженъ ты дѣлать изъ власти , вѣренной тебѣ Богомъ , и изъ законовъ , конхъ ты намъ поставленъ заложникомъ ? » — « Успокойся , Арабъ , » прервалъ Моавія съ важностію ; « ты не можешь пребывать , что бы жена , съ которою ты развелся , снова соединила свою судьбу съ твоею , кѣгда она не согласится на то сама и предпочтетъ даруемую ей опъ Бога жизнь царскую и достойную ея , жалкой участи — погребсти себя заживо съ тобою въ пескахъ пустыни , сносить всякіе недоспашки и жить въ нищестѣ . Хочешь ли : я призову ее сюда ,

чтобъ она сама сдѣлала выборъ между нами? » — Бедуинъ былъ сраженъ симъ предложеніемъ Халифа; долго споялъ онъ недвижимъ и безмолвенъ; наконецъ слезы снова брызнули изъ его глазъ и онъ сказалъ голосомъ умилненнымъ. « Повелитель правовѣрныхъ! признаюсь, что не имѣю болѣе никакого права на Соаду, если только любовь ея не даетъ мнѣ на нее права. Если она предпочитаетъ богатство и пышность, коими окружена нынѣ, ежели она чпипъ себя счастливою въ эшомъ' состояніи; то пусть прійдетъ сюда и объявитъ намъ о томъ: я охотно покорюсь ея выбору, ибо лучшее доказательство любви, когда человекъ жертвуетъ своими чувствованіями счастію той, которую любитъ. » — Халифъ, довольный разсудительными рѣчьми Бедуина, подаль знакъ своему

ошпроку, и въ одно мгновение Соада явилась предъ очи своего Государя и перваго своего мужа, котораго съ шрудомъ узнала: шакъ горестъ и спраданія измѣнили его! Моавія объяснилъ ей, съ какою цѣлью призывалъ ее и требовалъ, чшобъ она объявила, кого выбираешъ, его или Бедуина? Соада, въ смяшеніи, ошвѣчала прогающимъ душу голосомъ: «Повелишель правовѣрныхъ! ни одна женщина изъ нашего племени никогда не измѣняла своему долгу. При бѣдности, недостаткахъ и самомъ голодѣ, сей человекъ всегда будетъ мнѣ милѣ всякаго владыки земнаго, хощя бы шопть былъ еще могущешвеннѣ, славнѣ родомъ и великодушнѣ шебя. Съ мужемъ, которому я клялась въ вѣчной вѣрности, полстѣ бедуинскаго шапра, горстѣ пшена и немного верблюжьяго молока, если можно его досташъ, — будущъ для

меня пріятнѣе вѣнца Халифова, обилія и роскоши двора его и почестей, копорыя воздавалъ бы мнѣ народъ, разпросершый у ногъ моихъ. Нѣкогда мы обязаны были другъ другу нашимъ взаимнымъ благополучіемъ; и какъ я любила его тогда, когда онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ вѣяземъ нашего племени, то справедливость пребуешь, чтобъ я раздѣляла съ нимъ теперь его бѣдствія и своими о немъ попеченіями усладила горести, его тягопящія. Такъ! я хочу снова къ нему возвратиться; ибо женщина тогда только дѣлаешь самое лучшее употребленіе своей воли и всѣхъ своихъ помысловъ, когда жертвуетъ собою совершенно счастью того, кому клялась она въ вѣрности. • Сказавъ сіи слова, она зарыдала, оплела руками шею своего мужа, и упала безъ чувствъ въ его объятія.

Халифъ не могъ выдержать сего зрѣ-
 лица безъ сильныхъ душевныхъ ощу-
 щеній; онъ чувствовалъ, что глаза его
 наполнились слезами, велѣлъ подать
 помощь сей женщинѣ, чтобы привести
 ее въ чувство, и сказалъ: «Бедуинъ!
 я спыжусь, что хотѣлъ бытъ неспра-
 ведливъ съ тобою; я не могу наказать
 Мервана, ибо чувствую себя столь же
 виновнымъ, какъ и онъ; но дарю тебѣ
 все, что готовилъ для Соады, кото-
 рую тебѣ возвращаю; къ сему я при-
 совокупаю еще десять тысячъ золо-
 тыхъ монетъ. Не обвиняй меня предъ
 судомъ Божиимъ, когда мы оба предъ-
 спанемъ на оный. Будьте моими друзь-
 ями, ибо я чувствую теперь, что для
 Государя, самое лучшее употребленіе
 власти его есть то, что бы побѣдить
 собственныя свои страсти и велико-
 душно ими пожертвовать благу сво-
 ихъ подданныхъ.»

Съ Арабск. — Сенковскій.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ КАРАМЗИНА.

Предпринимая сообщить чинашелямъ нѣкоторыя извѣстія о жизни и трудахъ великаго писателя, котораго поперю оплакиваетъ вся образованная Россія, могу я только повторить съ нѣкоторыми пополненіями то, что уже было сказано мною въ первые дни по кончинѣ незабвеннаго. Еще не завяли цвѣты, которыми друзья и чиншели осыпали его священную могилу. Потомство, судья нелицемѣрный и справедливый, еще не началось для него: мы можемъ говорить и судить о немъ, какъ современники, можемъ увлекаться мнѣніями и сужденіями другихъ, неочищенными временемъ ошъ

примѣси личной дружбы или недоброжелательства къ почившему; но если слова наши будутъ опголоскомъ истиннаго нашего убѣжденія, если они будутъ служить хотя легкимъ оппечаткомъ того, что мыслили и чувствовали наши современники при сей незамѣнимой потерѣ, то и они не пропадутъ въ будущемъ. Попомство, сравнивая труды и заслуги писателя съ мнѣніемъ о немъ современниковъ, наблюдая, въ какой мѣрѣ они умѣли понимать и уважать его, получивъ вѣрныя средства къ опредѣленію его достоинства въ отношеніи къ времени и мѣсту его жизни.

Жизнь Карамзина не богата приключеніями: онъ жилъ умомъ, чувствами, воображеніемъ, для удовлетворенія благородному влеченію души своей къ содѣйствію славы и общему благу отечества, а не для снисканія

временныхъ почестей и опличій. Онъ не посѣщаль шумнаго шоржища, на кошоромъ громкій, но скоропреходящій звукъ славы провозглашаетъ имена своихъ поклонниковъ; въ спокойномъ наслажденіи своимъ достоинствомъ и палантами, онъ предвидѣль для себя славу прочнѣйшую. Попомство, а не директоръ пишеть въ послужномъ спискѣ его: *способенъ и достоинъ.*

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Симбирской губерніи 1 Декабря 1766 года (*), воспитывался въ Москвѣ въ домѣ профессора Шадена, а потомъ учился въ тамошнемъ университетѣ. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, и съ 1789 по 1791 годъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Съ того времени жилъ онъ въ Москвѣ, занимаясь лише-

(*). Сіе число вырѣзано на его надгробномъ камнѣ.

рашурою. Въ 1803 году пожалованъ въ Императорскіе Исторіографы; въ слѣдующемъ году награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника; въ 1810 получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степени. Въ 1812 пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, а въ 1816, по поднесеніи имъ Государю Императору Александру Павловичу первыхъ осьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго, награжденъ чиномъ Спашскаго Совѣтника и орденомъ Св. Анны 1 класса. Въ 1824 году пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника. — Съ 1816 года жилъ онъ въ С. Петербургѣ, проводя лѣтніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію опвѣдена ему была квартира въ дворцовомъ флигелѣ. — Здоровье его разстроилось послѣ сильной горячки, претерпѣнной имъ въ 1823 году. Безпрерывные труды раз-

положили его къ изнуришельной ча-
хопкѣ, кошорая ошкрылась просту-
дою въ январѣ 1826 года. Всѣ спаранія
врачей, всѣ попеченія родныхъ и друзей,
великодушное участіе Государя, пла-
менные желанія признашельныхъ со-
опчицей — были щещны. При на-
ступленіи весны (1826) переѣхаль онъ
въ Таврической дворець, гдѣ ошве-
дена ему была кварпира по Высочай-
шему повелѣнію. Чувствуя постепен-
ное изчезаніе силъ своихъ, пожелаль
онъ ошправиться въ щещый климашъ
Италіи, и надѣялся на благословен-
ныхъ берегахъ Арно возсшановишь
свое здоровье. Государь Импера-
торъ, узнавъ о семъ, Всемилоспи-
вѣйше пожаловаль ему на дорогу 50 п.
рублей, и повелѣль, для ошправленія
его, снарядишь фрегатъ. Но Карам-
зинъ не могъ уже симъ воспользовань-
ся: болѣзненные его припадки усили-

вались непрерывно. Полученный имъ въ послѣдніе дни жизни знакъ Монаршей милоспи, успокоившей его въ разсужденіи будущей участи нѣжно любимаго имъ семейства, возбудилъ попухавшую въ немъ искру жизни, но не надолго. Въ четвертокъ, 20 Мая, утромъ, онъ еще говорилъ объ Италіи; но вскорѣ впалъ въ совершенное расслабленіе и безпамятство, и тихо скончался 22 Маія 1826 года, во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей своихъ. — Тѣло его предано землѣ, 25 Мая, въ новой оградѣ кладбища Александро-Невскаго монастыря, по правую сторону отъ воротъ (*). По желанію, изъявленному имъ предъ кончиною, погребеніе происходило безъ всякихъ

(*). Въ старой оградѣ, по лѣвую сторону, лежатъ Ломоносовъ.

церемоній. Почетнѣйшія особы, пребывающія въ здѣшной столицѣ, вельможи, ученые и литераторы, Рускіе и иностранцы, присутствовали на ономъ: искренними слезами и душевнымъ возпоминаніемъ добродѣтелей, талантовъ и заслугъ усопшаго, плащили они справедливую дань праху великаго Россіянина. — Государь Императоръ, принимавшій во все продолженіе болѣзни Карамзина нѣжнѣйшее въ судьбѣ его участіе, почпилъ наканунѣ погребенія послѣднимъ цѣлованіемъ прахъ сего подданнаго, который достоинъ былъ жить и дѣйствовать въ царствованіе Александра и Николая.

Карамзинъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ началъ упражняться въ опечественной Словесности, и все время, которое другіе употребляютъ на пріобрѣтеніе чиновъ или богатства,

посвятилъ благороднымъ занятіямъ науками и литерашурою. Но исключительныя занятія сіи не лишили его наградъ и выгодъ, сопряженныхъ съ дѣйствительною службою. Правосудные и великодушные Государи награждали его пруды и заслуги самымъ опличнымъ образомъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владиміра 3 степени въ чинѣ Надворнаго Совѣтника; онъ *одинъ* въ Россіи имѣлъ орденъ Св. Анны 1 класса въ чинѣ Шашскаго Совѣтника, и получилъ оный вмѣстѣ съ симъ чиномъ. Всѣмъ извѣстна послѣдняя испинно-Царская награда, кою онъ удостоился; извѣстно и то, какую сугубую цѣну получила, въ глазахъ его и всѣхъ благомыслящихъ людей, сія награда, отъ выраженій, коими благолюбивый Монархъ извѣстилъ объ оной самого Карамзина (см. приложение).

Первые переводы Карамзина помещены были въ журналъ: *Дѣтское чтеніе*. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) *Московский журналъ*, 8 томовъ, 1792 и 1793. 2) *Аггласъ*, двѣ книжки, 1794. 3) *Аонида* или собраніе разныхъ стихотвореній при часпи, 1797, 1798 и 1799 г. 4) *Пантеонъ иностранной словесности* 3 книжки, 1798. 5) *Вѣстникъ Европы* Журналъ полиграфическій и литературный, 12 частей, 1802 и 1803 годовъ. — Сочиненія свои, напечатанныя въ *Московскомъ журналѣ*, издалъ онъ особно, въ 1794 году, подъ названіемъ: *Мелодіи*. — Въ 1804 году напечаталъ въ Москвѣ полное собраніе его сочиненій (въ 1815 г. впрочемъ, въ 1820 прешьимъ писаніемъ, въ девяти томахъ). Въ ономъ заключающа: 1) *Стихотворенія*, бѣльшею частію лирическа; 2) *Письма Рускаго путешественника*, 4 тома; 3) *Повѣсти*: *Бѣдна*

*Лиза, Прекрасная Царевна и счастливый карла, Юлія, Дремугій лѣсъ, Наталья болгарская догь, Сиерра-Морена, Островъ Борнгольмъ и Марѳа Посадница. 4) Историческое похвальное слово Екатерины II. 5) Разговоръ о счастіи. 6) О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ. 7) Историческіе отрывки: О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ; Руская старина; Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ. 8) Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, и проч. Сверхъ того напечатаны въ семь собраніи легкія прозаическія спашьи разнаго содержанія, помѣщенные въ издаваемыхъ имъ журналахъ. Изъ переводовъ напечатаны (въ тѣхъ же журналахъ и особо): *Повѣсти Мурмоншеля* (М. 1794 и 1815), *Повѣсти Госпожи Жанлисъ* (М. 1816) и еще*

Повѣсти разныхъ сочинителей (М. 1816). Но важнѣйшее твореніе, коему онъ посвящаль съ 1803 года до кончины своей, въ печеніе 22 лѣтъ, всѣ пруды свои, есть *Исторія Государства Россійскаго*, 8 томовъ, напечатанная въ Санктпешербургѣ 1816—18 годовъ, вторымъ чисненіемъ тамъ же, 1819—1820 годовъ. Девяшый томъ 1821; десяшый и одиннадцашый 1823 года. Карамзинъ занимался, въ печеніе двухъ лѣтъ, сочиненіемъ 12-го тома, который долженъ былъ заключиться возшествіемъ на престоль Царя Михаила Теодоровича. Сей неокончанный томъ вскорѣ будетъ напечатанъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ осщавленъ авторомъ.

Исторія Государства Россійскаго есть одно изъ важнѣйшихъ твореній на рускомъ языкѣ, по предмету, изложенію и слогу. Карамзинъ воздвигъ

онимъ незыблемый памятникъ героямъ и подвигамъ древности русской, и своему трудолюбію, уму и талантамъ. Но если онъ въ званіи историка достоинъ хвалы и благодарности ученаго свѣта, то неменѣе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ славы въ качествѣ лирика и прозаика. Въ Исторіи имѣлъ онъ предшественниками и образцами знаменитыхъ писателей древности и новыхъ временъ: новую же рускую прозу, чистую, легкую, благородную, сотворилъ онъ самъ, силою своего таланта и вкуса. Произведенія его, казавшіяся легкими, потому что нашли многихъ подражателей, и въ томъ числѣ мало удачныхъ, сначала возбудили противорѣчіе въ лирикахъ, привыкшихъ къ прозѣ Ломоносова и его современниковъ; но въ послѣдствіе времени общій голосъ истинно-просвѣщенной

публики призналъ, что слогъ Карамзина не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, а основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ рускаго языка, очищенъ благороднымъ вкусомъ и утверждень на правилахъ всеобщей грамматики. Въ первыхъ его сочиненіяхъ, особенно въ Письмахъ рускаго путешественника, встрѣчались иностранныя слова; но слогъ послѣдовавшихъ его швореній, преимущественно Россійской Исторіи, можетъ назваться образцовымъ. Не смѣемъ утверждать, что Карамзинъ достигъ уже послѣдней степени совершенства: языкъ нашъ еще можетъ обогатиться оборотами, выраженіями и формами, пріобрѣсть бѣольшую правильность, возвыситься надъ нынѣшней своею степенью; но имя Карамзина будетъ сіять въ потомствѣ подлѣ именъ Кантемира и Ломоносова.

Сочиненія Карамзина дѣйствовали примѣрно на его современниковъ: приохотивъ и женскій полъ въ Россіи къ занятіямъ опечеспвенною словесностію, они предуготовили образованіе вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Рѣшишельно можемъ сказать, что легкостію, ясностію и правильностію русской прозы въ нынѣшнее время, обязаны мы трудамъ Карамзина. Нельзя изчислить благодѣтельныхъ послѣдствій, произтекающихъ въ общежитіи и литературѣ отъ трудовъ одного образцоваго писателя. Умъ и вкусъ его проникають повсюду: и въ кабинетъ ученаго, и въ будуаръ модной женщины, и въ палашку воина, и въ палашу судейскую: чистая произведенія хорошаго писателя, иногда внутренно досадуя на непривычную новизну, иногда и явно воссшая на то, чего не было прежде, люди мало по малу при-

выкають къ лучшему, нечувствитель-
но увлекаются силою ума и изящест-
ва, и невольно становящся его по-
слѣдователями и подражателями, сами
того не примѣчая. — Стихотворенія
Карамзина суть выраженіе *мыслей* ум-
наго человѣка, облеченное въ форму
поэзіи нѣжной и привлекающей.

Творенія Карамзина, въ которыхъ
отсвѣчивались необыкновенный умъ,
чистый вкусъ, ясная душа и доброе
сердце, доставили ему множество дру-
зей и читателей во всей русской пуб-
ликѣ. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы,
въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ,
не читали Карамзина, не восхища-
лись его трудами, не любили заочно
автора. Нѣкоторые писатели, из-
дали восхищающіе публику, въ лич-
номъ обхожденіи разочаровываютъ сво-
ихъ читателей; съ Карамзинымъ бы-
ло противное: личное съ нимъ зна-

мство увеличивало и укрепляло по-
 пение и любовь, внушаемая его про-
 веденіями. *Le style est tout l'homme*
 в слогъ заключаеся человекъ), го-
 рить Бюффонъ. Это въ точности
 можно было отнести къ Карамзину.
 сновательность, спокойствіе, яс-
 ность, чистота, правильность, бла-
 разумная бережливость, гармонія
 о слога — видны были въ его дѣ-
 лѣхъ и обращеніи; но качества сіи
 лучали новый блескъ и неопшем-
 емую прелесть отъ нѣжности серд-
 ца, отъ теплоты душевной, крош-
 кой сострадательности и прогашель-
 ого человеколюбія, коими оживля-
 есь всё его помышленія, слова и
 поступки. Онъ былъ вѣрный другъ,
 нный супругъ, чадолюбивый отецъ;
 ходилъ услажденіе въ пособіи и бла-
 швореніи ближнимъ; чувствуя свое
 стоинство, былъ скромень и не-

взыскашелень, не зналь недоброжела-
 шельства, зависти и мщениа; былъ
 благочеспивъ и прибъженъ къ Богу;
 пламенно любилъ Россію и добрыхъ
 своихъ Государей — былъ человекъ
 великій и добродѣтельный во всемъ
 значеніи сихъ словъ!

Приложеніе.

Высочайшій рескриптъ, данный на
 имя Д. Ст. Сов. Карамзина: «Николай
 Михайловичъ! Разспроенное здоровье
 ваше принуждаешъ васъ покинуть на
 время опечесшво и искашъ благопріят-
 нѣйшаго для васъ климата. Почитаю
 за удовольствіе изъяснишь Мое ис-
 креннее желаніе, чшо бъ вы скоро къ
 намъ возвратились съ обновленными
 силами и могли снова дѣйствовашъ
 для пользы и славы опечесшва, какъ
 дѣйшвовали донынь. Въ поже время,

и за покойнаго Государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. — Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Рускій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желаю, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ (*) най-

(*) Въ сей бумагѣ заключался Высочайшій Указъ Министру Финансовъ отъ 13 же мая, коимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Всемилостивѣйше повелѣлъ соизволять, производить Д. Сп. Сов. Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія своего, по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобъ сумма сія, обращаемая ему въ пенсію, была послѣ него про-

деше вы изъявление воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостию, есть для Меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, что бы путешествіе было вамъ полезно, и что бы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пресываю вамъ всегда благо-склонный.»

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою :

НИКОЛАЙ.

Царское село.

13 Мая 1826 года.

изводима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна дѣтямъ, сыновьямъ до вспушленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужства послѣдней изъ нихъ.

ВОЗХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА ВЪ БУР- НОЕ ОСЕННЕЕ УТРО.

(Картина съ натуры.)

Быль 9-й часъ утра. — Синія облака густо висѣли надъ продолговатою горою, копорая рисовалась въ воздухъ, какъ огромная крѣпость; ряды елей спорчали, какъ зубцы башень. — Вдругъ появились золотыя змѣи и улеглись по краямъ облаковъ, копорыхъ синева сдѣлалась еще синѣе. — Но вотъ, все болѣе и болѣе, алѣють золотыя змѣишныя изгибы. Вдругъ — искра... Вдругъ пожаръ... Воспокъ засвѣпль... Разливъ золотого пыланія образовался въ кругъ, кругъ превращается въ шаръ, расшетъ, расшетъ... Какой

огромный шаръ: это солнце! — Буря вѣшетъ, въ воздухѣ пробѣгаетъ рѣзкій свистъ; озера кипятъ; флаги на мачшахъ хлбыщатся; флюгера быстро вершятся, деревья машутъ своими вершинами, облака набѣгаютъ на солнце, но имъ не закрытъ уже возникшаго свѣтила. — Такъ возникаетъ просвѣщеніе во время невѣжества и порядокъ среди мяпущейся гражданственности.

Минуша предъ возхожденіемъ солнца имѣетъ нѣчто торжественное, нѣчто чудесно - успокоительное. — Кажется, вмѣстѣ съ мракомъ ночи, проходить все мрачное. — Не знаю вниманіе ли къ возходящему свѣтилѣ или что другое причиною тому, что душа вся направляется къ чертѣ востока и, какъ будто невѣста, приспально взирающая на дверь, изъ которой долженъ появиться женихъ

ся, радостно упоааеть въ ооще-
нїяхъ безъимянныхъ, въ наслажденїи,
копорого нельзя ни осязашь, ни ку-
пить за все злато перуанскихъ руд-
никовъ, за всѣ алмазы Индіи; въ на-
слажденїи, копорое Милосердый Го-
сподь даромъ предлагаешь всякому,
кого лѣносшь и сонъ не удержашь
въ шемномъ углу, въ часы яснаго по-
явленїя всемірнаго госпя природы,
великолѣпнаго Божьяго солнца. —

Ө. Глинка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМЪЧАНІЯ.

Истинный вкусъ состоить не въ безошечномъ оіпвѣрженіи шакого-то слова, шакого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

Ученый безъ дарованія подобень тому бѣдному Муалѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть можешъ бышь, и глубокомысленнаго.

Жалуюсь на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая пому причиною незнаніе отечественнаго языка: но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Барашынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ итѣ же. Природа, одаривъ ихъ понкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, недосыгая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ изкажаютъ стихи самые естественные, распроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѣму. Вслушивайтесь въ ихъ либерашурныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія.... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

Чѣмъ болѣе мы холодны, разчепливы, осмопришельны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть опвраишельнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо опмѣнно благородумень. Однако естѣ люди, копорые любящѣ себя съ такою нѣжностію, удивляющѣ своему генію съ такимъ воспоргомъ, думающѣ о своемъ благососпояннн съ такимъ умилѣніемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ соспрандіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетѣ всю смѣшную спорону эншузіазма и чувстввишельности.

Никшо болѣе Баратынскаго не имѣешь чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

Примѣры невѣжливости.

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ опъ сна, благодаряшъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магомешъ оспориваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ прославленной своею учтивостію, граммапика шоржественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Спихошворецъ опдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному крипику. Въ рукописи находился спихъ:

Я человекъ и шла путями заблужденій

* *

Крипикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ? Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приносиваясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученые книжки для дамъ, какъ будто для дѣшей, и т. п.

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Пепровичъ шакъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.» — «Какъ же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ, у тебя

болитъ правая щека , а ты держишься за лѣвую.» — « Ахъ , Ваше Высокопревосходительство , вы имѣете резонъ , » ошвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону . Тредьяковскому не разъ случалось быть бипшымъ . Въ дѣлѣ Волинскаго сказано , что сей однажды въ какой-то праздникъ пошребовалъ оду у придворнаго пѣишы Василя Тредьяковскаго ; но ода была не готова и пылкій Спашсь-Секретарь наказалъ просшю оплошнаго стихопворца .

Одинъ изъ нашихъ поэповъ говорилъ гордо : пускай въ стихахъ моихъ найдешся безсмыслица , за то ужъ прозы не найдешся . Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторыя свои стихи . Есть два рода безсмыслицы : одна происходитъ отъ недоспашка чувствъ и мы-

слей, замѣняемаго словами; другая отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

«Все что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ,» сказала Паскаль. И въ слѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпитаграмма лучше плохой трагедіи.... Что это значить? можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tout les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать эшо въ первый разъ; но какъ можно

важно повторашь столь великую истину? Эта шушка Вольтера служить основаньемъ поверхностной кришикъ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствования. Впрочемъ нѣкто замѣнилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: *également bons*.

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка, и еще не изданной, о какомъ-то рускомъ романѣ, прославившемъ авшора, и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего рускаго театра, и еще неизгранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Л., состарѣвшійся волокиша, говоришь: *Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.*

Вдохновеніе есть разположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сія честь, соспоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во

всемъ блескъ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Іоаннъ III, ни неперпѣливый внукъ его, ни шайно злобствующій Годуновъ.

Гордишься славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважаешь оной ешь поспыдное малодушіе. «Государственное правило, » говоритъ Карамзинъ, «ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданина образованному.» Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое, и шѣмъ самимъ уже были достойны своего освобождѣ-

денія... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистию нѣкоторыхъ философовъ, служишь только къ разпространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

Сказано: *Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples.* Но какой же народъ ввѣришь права свои тайнымъ обществамъ и какое правитель-ство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать спрану, копорой не видалъ бы собственными глазами. Однако жъ въ Д. Жуанъ описываетъ онъ Россію; за то примѣны нѣкоторыя погрѣшности прошиву мѣстности. На прим. онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Д. Жуанъ отправляется въ Петербургъ *въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ.* Измаиль взятъ былъ зимою, въ жестокой морозъ. На улицахъ, непріятельскіе шрупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель въхаль по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!»... Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и спрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ

ея новѣйшую исторію. Въ своихъ по-
эмахъ онъ часто говоритъ о Россіи,
о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сардана-
паловъ напоминаетъ извѣстную, по-
лишическую коррикашуру, изданную въ
Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ.
Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Пёт-
ра Великаго. Въ 1813 году, Байронъ
намѣревался черезъ Персію прѣхать
на Кавказъ.

Тонкость не доказываетъ еще ума.
Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ
удивительно тонки. Прибавить мож-
но, что тонкость рѣдко соединяет-
ся съ гениемъ, обыкновенно просто-
душнымъ, и съ великимъ характеромъ,
всегда опкровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный Лордъ Мидасъ,

Съ душой посредственной и низкой, —
 Чпобъ не упасъ дорогой склизкой,
 Подкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
 И сталъ извѣстный господинъ.
 Еще два слова объ Мидасъ:
 Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
 Глубокихъ замысловъ и думъ;
 Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
 Душой не слишкомъ былъ опваженъ;
 За то былъ сухъ, учпивъ и важенъ.
 Лъстецы героя моего,
 Не зная, какъ хвалишь его,
 Провозгласилъ рѣшились тонкимъ, и пр.

Пушкинъ.

Coquette, prude. Слово кокетка об-
 русьло, но prude не переведено и не
 вошло еще въ употребленіе. Слово
 это означаетъ женщину, чрезмѣрно
 щекотливую въ своихъ понятіяхъ о
 чести (женской) — недошрогу. Та-
 ковое свойство предполагаетъ нечи-

споту воображенія , отвращительную въ женщинѣ , особенно молодой. Пожилыя женщины позволяютъ многое знать и многого опасаться , но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ , *продство* или смѣшно или несносно.

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ , ни о бѣдствіяхъ отечества , его исторію знаютъ только со времени кн. Пошепкина , имѣютъ нѣкоторое понятіе о спашисникѣ только той губерніи , въ которой находятся ихъ помѣстья ; со всеѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патриотами , потому что любятъ батвинью и что дѣши ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

Должно стараться имѣть большин-
ство голосовъ на своей сторонѣ: не
оскорбляйте же глупцовъ.

Появленіе Исторіи Государства Рос-
сійскаго (какъ и надлежало быть), на-
дѣлало много шуму и произвело силь-
ное впечатлѣніе. 3000 экз. разош-
лись въ одинъ мѣсяць, чего не ожи-
дали и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе лю-
ди бросились читать исторію свое-
го опечесства. Она была для нихъ
новымъ открытіемъ. Древняя Рос-
сія, казалось, найдена Карамзинымъ,
какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько
времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не
говорили. Признаюсь, ничего нельзя
вообразить глупѣе свѣтскихъ суж-
деній, копорыя удалось мнѣ слышать;
они были въ состояніи опутить хоть
кого, опъ охоты къ славѣ. Одна дама

(впрочемъ очень милая), при миѣ открывъ вшорую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Свяшополка, однако жъ не любилъ его... «Однако! за чѣмъ не *но?* однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — Въ журналахъ его не криковали: у насъ никто не въ состоянн изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К... бросился на предисловіе. Н. молодой человекъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!) М. въ письмѣ къ В. пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего шворенія, не помѣшилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о произхожденіи Славянъ; ш. е. шребовалъ онъ историка, не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Типа-Ливія слогомъ Карамзина; за шо почти никто

не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неупоминимымъ трудамъ. Примѣчанія къ Руской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ шѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою Исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Французская словесность родилась
въ передней и далѣе гостинной не
доходила.

(Извлечено изъ неизданныхъ запи-
сокъ.)

Г А Й Д А М А К Ъ.

(Отрывокъ изъ малороссійской повѣсти.)

Г Л А В А I.

Скажи враже, якъ панъ каже.»

Малороссійская пословица.

Лѣтъ за пятьдесятъ, Малороссія была странною поэтической. Хоть жизнь и занятія мирныхъ ея жителей были самыя прозаическія, какъ вы узнаете, ММ. ГГ., изъ моихъ рассказовъ, если станешь у васъ шерпѣнія; за то въ-ковыя, непроходимыя лѣса, пространныя степи и худо воздѣланныя поля; а въ селахъ полуразвалившіяся хижины и заглохшія соромъ и крапивою

* *

улицы, переносили воображеніе въ вѣки первобытныя, которыя, какъ извѣстно, составляютъ удѣлъ и собственность поэтовъ. Удѣлъ, мимоходомъ сказать, небогатый; и опять того-то мы встречаемъ пинтоцевъ Фебовыхъ въ изношенныхъ и забрызганныхъ чернилами плащяхъ, а ищемъ—на чердакахъ. Но теперь рѣчь не о нихъ, а о жизни и занятіяхъ Малороссіянъ.

Проспой народъ пилъ, ѣлъ и дремалъ въ роскошной лѣни зимою, зарывшись на печи въ просо или овесъ, сушимые для домашняго обихода. Хотя онъ не могъ похвалиться передъ Пшальянцами климатомъ и красотами природы; но не уступалъ имъ ни въ лѣни, ни въ сладкоголосныхъ своихъ пѣняхъ. Лѣтомъ мужчины косакъ обрабатывали свои поля и убирали жатву, охотно ходили *гумаковать*, т. е. съ обозами за рыбой и

и солью; зимою жь, если холодъ не выгонялъ ихъ въ лѣсъ за дровами, которыхъ они никогда не заготовляли на цѣлую зиму, если недостаткомъ другихъ жизненныхъ потребностей не заставлялъ ихъ отвезти на базаръ небольшой свой запасъ хлѣба, или крайняя бѣдность не запирала въ дымной винокурнѣ зажигочнаго заводчика; то они какъ будто держали закладъ съ медвѣдями, кто кого переспитъ. Промежутки между сномъ проводили они въ шинкахъ, гдѣ попчужь другъ друга, за чаркою вина вспоминали старину и свои *тумакованья*. Женщины бѣлили хаты свои къ Рождеству и *Велику-дню* (празднику Пасхи), содержали въ опрятности домъ, варили вкусный *борщъ*, ухаживали за домашнею скотиной, а въ зпнїя вечера при свѣтѣ ночника пряли, рассказывая сосѣдкамъ страшныя были о вѣдь-

махъ, мертвецахъ и Русалкахъ; но вообще въ это время года были онѣ гораздо досужливѣе и полезнѣе мужьямъ своимъ.

Дѣвушки и молодые парни проводили время веселѣе и разнообразнѣе. Зимой они собирались вмѣстѣ на приличные *вечерицы*, и здѣсь-то мало-россійскія красавицы изощляли всѣ пособія сельскаго кокетства, привѣчали и часто обманывали доверчивыхъ молодцовъ. Косы, заплетенныя въ *дрибушки* или перевитыя разноцвѣтными *скиндяжками*, радужная *платта*, штофовый или парчевый корсетъ, едва соспегивающійся подъ грудью *гаплицами*, бѣлый суконный *кунтошь*, по фалдамъ коего, отдѣляющимся отъ стана, разшиты были чернымъ шелкомъ *усы* (1), и сафьянныя *гоботы* — составляли нарядъ щеголеватой мало-россійской дѣвушки. Черный цвѣтъ

волосовъ и бровей и живой румянецъ въ щекахъ, почитались непремѣнными условіями красоты; посему съ помощью зеркала и услужливой пробки, или за недоспадкою ея, накопченной иглы — свѣтлаго цвѣта брови часто превращались въ лоснящіяся черныя, а спаящіяся въ блѣдныхъ щекахъ румянецъ вызывался наружу щипкимъ *надошникомъ* (2), или оспорожно замѣнялся наспоеннымъ въ винѣ сандаломъ. Жупанъ или свѣша на распашку, козачья шапка съ краснымъ суконнымъ верхомъ, красные или желтые чоботы, иногда цвѣшной шелковый плашокъ, небрежно повязанный на шею — шаковъ былъ уборъ молодого Малороссіянина *до танцу*. Музыка была не по найму: одинъ изъ посѣщителей сего сельскаго клуба приносилъ гудокъ или *скрилицу*, балалайку, *сопѣлку* (3) или на чемъ былъ гораздъ; и наигры-

вая дудочки, метелицу, горлицу или козагга (4), вливалъ огонь и быспрошу въ гибкіе члены молодой шолпы.

Панки, или мѣлкопомѣстные дворяне, жили почти такъ же. *Будинки* (5) сельскаго панка были не многочисленны свѣшлицами; иногда песовыя, или чнспо выбѣленные спѣны, съ божницею, съ простою дѣдовскою ушварью, соспавляли все ихъ украшеніе; иногда спѣны пестрѣли и удивляли глаза просподошныхъ госпей шѣми самыми или подобными шѣми изображеніями, какими Копляревскій убралъ палаты Царя Лапина въ IV-й пѣсни своей *Энеиды* (6). Чай не всегда и не вездѣ подносился госпямъ, и часто замѣнялся варенухою (7). Терновка, вишневка, дулевка, рябиновка и другія наливки на домашнемъ хлѣбномъ винѣ, изрѣдка вина сикійское, монаспырійское и волошское,

улаждали неразборчивый вкусъ также, какъ позже вина венгерскія, рейнскія и французскія.

Вошь, въ корошкихъ словахъ, образъ жизни погдашнихъ Малороссіянь. Панки опстали шеперь опъ него: попчуютъ гостей чаемъ и вареньями, а панночки играютъ на форшепіано и шанцуютъ экоссы; но простой народъ все еще держится коренныхъ обычаевъ. Не спанемъ однако жъ выходить изъ описываемой нами эпохи и взглянемъ на частныя каршины.

Воздвиженская ярмарка въ Королевцѣ приходила къ концу; залешные гости, купцы московскіе, Жиды изъ Бердичева и Бѣлой церкви и пр. и пр., опсправились искашь на другихъ ярмаркахъ или невѣрныхъ выгодъ, или нежданыхъ потерь. Королевецъ сталъ пущать, какъ наши поля и болопа во время осенняго перелета птицъ;

только сентябрьская непогода, дожди и грязь основали постоянное свое пребывание в городке и окрестностях его до поздних заморозков. Пань Гриценко в это время праздновала именины своей дочери, прекрасной, милой и доброй Евфросинии, кошорую, по малороссийскому сокращению, все называли Присею. Пань Гриценко был богат, а Прися его единственная наследница: мудро ли, что разпустица не помешала любителям пламенных, черных глазок и охотникам до сытных блюд и вкусных наливок, собраться у зажиточного соседа? Прелестная Прися должна была из своих рук подносить гостям наливки и варенуху, кошорую сама приготовила; с милою, стыдливою улыбкою, с опущенными к полу ресницами и застенчивым поклоном, говорила она каж-

дому обычное привѣтствіе: *на здорье!* Такимъ образомъ, при звукѣ серебряныхъ чарокъ и *филижанокъ*, въ шуму рѣчей и малороссійскихъ пѣсень, время лѣзло и короткій осенній день смѣшался съ хмырымъ и шуманнымъ вечеромъ. Многіе изъ гостей встали и хотѣли уѣхать; панъ Гриценко, по врожденному гостепріимству Малороссіянь, удерживалъ всѣхъ, наливалъ чару за чарой и просилъ посидѣть.

— «Нѣтъ, не погнѣвайшесь! говорилъ толстый подкоморій Кнышь; дорога ко мнѣ идешь по косогору и у самаго лѣса; волки ходяшь теперь спаями, и почему знашь — можешь быть *гайдамакъ...*»

— «Полно, полно!» прервалъ рѣчь его Гриценко: «къ чему пугать любезныхъ моихъ гостей? и какъ сюда жданы гайдамака, и что ему здѣсь

дѣлать? Если кандалы не подкосили ему ноги и колодка не скрючила шею, то онъ вѣрно теперь не ближе отсюда, какъ верста за пятьдесятъ, гдѣ нибудь на Королевской дорогѣ, поджидаетъ богатаго московскаго купчика съ поварами или бѣломорскаго Грека съ винами. Вы знаете, что теперь разѣзжаются съ ярмарки.»

— «А что въ самомъ дѣлѣ, не слышно ли чего о гайдакахъ?» спросилъ одинъ изъ гостей.

— «Какъ?» подхватилъ словоохотный подкоморій, считавшійся въ своемъ кругу пріятнымъ разскащикомъ и живою газетой всѣхъ новостей: «не уже ли вы ничего не слышали о томъ, что случилось въ Королевецѣ? Ну такъ я вамъ разскажу. Племянникъ мой былъ тамъ на ярмаркѣ и привезъ мнѣ самыя точныя и подробныя извѣстія.» При сихъ словахъ, подкоморій посмотрѣлъ

на все собраніе съ самодовольнымъ и опчасти горделивымъ видомъ, какъ человекъ, знающій то, чего другіе не знаютъ.

— «Вошь, милоспивые государи, какъ было дѣло,» продолжалъ подкоморій: «Гайдамакъ вдругъ явился среди бѣла дня на ярмаркѣ, въ полцѣ народа. Никто не смѣлъ его пронуть даже пальцомъ: самые опчаянные смѣльчаки боялись не столько его силы, сколько его бѣсовскаго художества и мороченья. Онъ похаживалъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, спѣсиво раздувъ хохоль и посмапривая на боязливыхъ: куда ни обернешя — толпа народа шакъ и опхлынешъ, какъ дымъ опъ въпра. Тутъ опкуда-то выискался Жидъ, кошорый, какъ и весь ихъ жидовскій родъ, видно зналъ чернокнижіе не хуже Гаркуши. Онъ явился къ повѣшовому судѣ и сказалъ ему на-

единѣ, посмотривши на звѣзды и на воду, гдѣ и какъ можно поймать гайдамака, живымъ и безъ всякаго сопрошивленія, ну словно, какъ мы ловимъ зайца пенешами. Въ полночь, Жидокъ съ рассыльщиками и поняпыми напалъ на гайдамака врасплохъ, когда шопъ спалъ подъ чистымъ небомъ, въ какомъ-то глухомъ мѣстѣ, опговорилъ начерченный имъ около себя волшебный кругъ, усмалъ за тридевять земель сторожившаго надъ нимъ нечистаго духа и выдалъ Гаркушу рассыльнымъ козакамъ, которые попчасть его скрупили и повезли въ Гл....овъ. Только не надолго его взяли: при переправѣ черезъ Клевень, на поромѣ, онъ вдругъ околдовалъ своихъ конвойныхъ: всѣ они, человѣкъ сорокъ, не могли пронуться ни руками, ни ногами, хопя слышали, какъ вдругъ разплеснулась вода въ Клевени, видѣ-

ли, какъ опшуда выскочилъ на поромъ черный конь съ огненными глазами, какъ Гаркуша сълъ на него, взвился надъ рѣкою и берегомъ — и поминай какъ звали! Все это рассказывали они уже спустя шесть часовъ послѣ этого случая, а до тѣхъ поръ оставались окаменѣлыми на поромѣ, и они и ихъ лошади. Съ Жидомъ было и того хуже: онъ вдругъ исчезъ, такъ что не замѣтили, въ воду ли кануль или въ дымъ соплѣлъ. Нечистая сила видно покарала своего прислужника за то, что онъ выдалъ ся любимца.»

— « Да, гайдамакъ ужасный черно-книжникъ: дунешь на воду — и вода загорится, махнешъ рукою на лѣсъ — и лѣсъ приляжешъ; » сказала одна до-родная госпя, и конча рѣчь, какъ замѣрно было, шептала молитву.

— « И лихой удалецъ » — примолвилъ опшавный хорунжій Черемша: —

« съ дюжиною своей вольницы набъ-
жишь на цѣлый обозъ, подводъ во сто
и болѣе; не побоишься ни ружей, ни
рогашинъ, свиснешь, гаркнешь: *лицъ
головами* (8)! и всѣ прилягушь, пока
онъ не очистишь возы обо всего,
что получше да подороже.

« Охоша вамъ, господа! » еще разъ
перерваль хозяйинъ, « рассказывать та-
кія незабавныя новости? Вы и шакъ
уже напугали мою именинницу: смоп-
рише, она сидишь въ углу и чуть не
плачешь. »

И въ самомъ дѣлѣ Прися, въ про-
межущкахъ попчиванья гостей своихъ,
сидѣла въ углу, одна, вдали отъ всѣхъ,
съ поникшею головою. Лице ея было
печально, частые вздохи волновали
высокую грудь ея; въ кругленькихъ,
полненькихъ щечкахъ, то вспыхивалъ
яркій румянецъ, то вдругъ сбѣгаль съ
нихъ и уступалъ мѣсто блѣдности.

Не опъ ужасныхъ разказовъ поско-
 вала милая дѣвушка: нѣтъ! они ее
 не занимали, она ихъ не слушала. Годъ
 назадъ, она провела эшошь день съ
 другомъ своего сердца, Демьяномъ
 Квѣшчинскимъ, молодымъ, пригожимъ
 и ловкимъ офицеромъ одного гусар-
 скаго полка. Квѣшчинскій былъ сынъ
 одного сосѣдняго дворянина; отецъ
 его былъ бѣденъ, но Демьяна воспи-
 талъ въ Кіевѣ и за четыре года предъ
 шѣмъ, изъ послѣдняго снарядилъ его
 на службу Царскую. Демьянъ служилъ
 съ опличіемъ, скоро произведенъ былъ
 въ офицеры и за годъ до описываема-
 го здѣсь времени, пріѣзжалъ въ оп-
 пускъ къ опцу своему. Тутъ познако-
 мился онъ съ домомъ пана Гриценка,
 увидѣлъ Присю, влюбился въ нее спра-
 сшно, изъяснился ей въ любви и по-
 лучилъ взаимное признаніе робкой дѣ-
 вушки. Ободренный ея любовью, лич-

ными своими достоинствами и благословеніемъ отца своего, послалъ онъ сваховъ къ пану Гриценку; но получилъ оскорбительный отказъ, сопровождаемый насмѣшкою, вѣрнымъ изъясненіемъ спѣси богатаго и стариннаго малороссійскаго пана. Отецъ Приси отвѣчалъ, что не отдастъ дочери своей за бѣдняка, который сверхъ того не можетъ насчитаться и прехъ поколѣній въ дворянской своей родословной. Ни слезы, ни увѣренія Приси, что кромѣ Демьяна Квѣпчинскаго она не будетъ ни чьею женою — не сильны были разжалобить упрямаго шарика. Съ тѣхъ поръ, влюбленные видѣлись только однажды, и по мелькомъ; поклялись другъ другу: она — что разплешетъ дѣвичью свою косу развѣ только подъ клобукъ монахини, а онъ — что сосватается развѣ только съ пулею непріятельской. Демьянъ

уѣхалъ въ армію, и уже болѣе десяти мѣсяцевъ не было о немъ ни слуху, ни духу. Прися шосковала, плакала какъ дитя; но грусть ея, какъ и грусть дитяши, не была глубока, не иссушила ея сердца и не измѣнила юной ея красоты и свѣжести. Только въ день своихъ именинъ, оживляя въ душѣ своей память прошедшаго, она была грустнѣе обыкновеннаго; и хотя стыдилась плакать при гостяхъ, что бы злые языки не вывели изъ того какихъ либо предосудительныхъ для нея заключеній; однако жъ безпрестанно задумывалась, вздыхала и измѣнялась въ лицѣ, какъ мы видѣли выше. Отецъ ея первый это замѣнилъ; ибо гостямъ, за попойкою и разговорами, было не до того.

— «Что съ тобою спалось, дитя мое?» — сказалъ онъ, подошедъ и поцѣловавъ ее въ лобъ. «Не бойся: Богъ

* *

милосшивъ; Онъ не попустишь, что бы такой ангель, какъ ты, такая добрая и послушная дочь, поспрадала ошь набѣговъ и грабительства гайдамаковъ. Это все сказки: Гаркуши здѣсь по близости нѣтъ и не будетъ. — А! да я и забылъ, что у насъ именины безъ музыки; это и въ самомъ дѣлѣ скучно, особливо молодымъ дѣвушкамъ: ихъ ноги не привыкли бышь въ покоѣ.... Эй, Спецько!»

Спецько (9), камердинеръ и вмѣстѣ скороходъ пана Гриценка, явился у дверей въ разодраной *свитѣ*, съ босыми ногами и полуразшвореннымъ ршомъ; уставивъ неподвижные глаза на своего пана и ждалъ приказа.

— «Бѣги опрометью, вялое живописное, и позови сюда слѣпца Несперяка (10) съ бандурою.»

— « Шкода (11)! » — жалко пропицаль Спецько, пожимая плечами и не двигаясь съ мѣста.

— « Шкода будешъ тебѣ, если еще разинешъ рошъ. »

— « Власшь панская! » продолжалъ Спецько, все еще не уходя и тѣмъ же голосомъ: « шолько на дворъ ночь хопъ глазъ выколи, дождь какъ изъ ведра, грязь по колѣно. До Несперяковой хашы далеко: она на краю села; а шамъ у оврага всякую ночь люди видяшь черную собаку, и всѣ въ одинъ голосъ говоряшь, что это *упырь* (12); кто знаешъ, можешъ быть самъ Несперякъ: эшопъ слѣпой лѣшій не мнѣ одному кажешся колдуномъ. —

— « Сшупай же, пока я не заколдовалъ тебѣ языкъ; » — закричалъ Гриценко, шолкая его въ сѣни.

Дѣлать нечего: бѣдный Спецько долженъ былъ опшправиться въ непріят-

ное для него посольство; за то, мѣся ногами грязь по улицѣ, онъ вывѣшривалъ свою досаду горькими жалобами и не щадилъ своего пана, въ слѣдующей рѣчи, которая разшановками у него вырывалась:

« Правду говоритъ пословица: *Скажи враже, лкъ панъ каже!*.... Хорошо ему сидѣть въ теплой и свѣтлой комнатѣ, да пить свою шерновку съ гостями: самъ бы пошелъ вмѣсто меня въ такую погоду, въ такую ночь.... и куда еще? О Мать Пресвятая Богородица!.... А!... кто шумъ? кто шумитъ? кто шепчетъ?... Нѣтъ, кажется: это въ панскомъ саду блеклые листья шелеснятъ подъ дождемъ.... Я не трусь и за себя постою; съ живымъ управляюсь; только мертвецъ или оборотень — не свой братъ!.... А ужь, что будетъ, то будетъ! у меня на всякой случай есть оборона;

на мертвеца — крестъ, а на живаго — дубина.... Подумаешь, подумаешь: для чего я самъ не пань! Ъль бы сало, сколько душъ угодно, накопилъ бы полные сундуки денегъ и спалъ бы на печи, а для поштьхи заставилъ бы пана Гриценка прыгать черезъ эшу дубину или послалъ бы его въ глухую ночь сзывать всѣхъ слѣпцовъ и бандуристовъ изъ околотка.... Чшобъ ему шакъ легко икалось, какъ мнѣ легко по его причудамъ шаципсья здѣсь по грязи и шарить ошупью дорогу.... Ни звѣздочки на небѣ, ни свѣша по хашамъ: всѣ улеглись.... вошъ самая лучшая пора бродить по улицамъ! добрый человекъ шеперь и собаки не выгонипсь.... Богъ шевѣ судья, пань Гриценко! ... Скажи враже, лкъ пань каже... Ай!... »

Спрахъ оковаль ноги бѣднаго Спецька, и на эшопъ разъ его спрахъ былъ не пустой: сильный ударъ по плечу

невидимой въ пощмахъ руки зазвѣнѣлъ у него въ ухахъ, какъ неожиданный ударъ грома, и разсыпался по всѣмъ его сосавамъ смершнымъ холодомъ.

— « Здорово, шоварищъ! » — проговориль въ то же время кто-то швердымъ голосомъ, копорый показываль, что говорившій не боится дубины и не бѣгаетъ опъ креста.

— « Здорово, коли надобно!... Кто шы: мертвецъ, оборошень, или....? » спросиль Спецько дрожащимъ, перерывчатымъ голосомъ; послѣднее слово замерло у него въ горшани.

— « Узнаешь, когда со мною пройдешся, » съ смѣхомъ опвѣчалъ неизвѣстный. « Я слышаль, что панъ Гриценко не слшшкомъ милосердо съ тобою поступаешъ: въ эшу ночь послашь по своимъ причудамъ шакого славнаго парня.... Не знаю, на швоемъ мѣстѣ я

опшущиль бы ему шупку такъ, что онъ бы не скоро опомнился. —

— « Гдѣ мнѣ съ нимъ сладить? онъ мой панъ! Плешью обуха не перебьешь.... »

— « Перебьешь, коли съумѣешь: не въ шомъ сила, что онъ толстъ и крѣпокъ, а въ шомъ, что бы знашь сноровку, гдѣ и какъ ударить по обуху. —

— « Да, да! ударишь не впопадъ — такъ плешь и опхлыснешь по швоей же спинѣ. »

— « Проспакъ! если волка бояшься, такъ и въ лѣсъ не ходишь. Пожилъ бы съ моѣ, побродилъ бы, какъ я, по свѣпу — шо бы узналъ, что и не такіе обухи шонкимъ ремешкомъ перетирающъ... Послушай, я тебя научу на камнѣ муку добывать. »

— « Радъ слушать. »

— « Тебѣ больно служишь пану Гриценку? —

— «И мнѣ и спишь!»

— «Хотѣлъ бы опть него подалъ? —

— «Да ужь что будеть, то будеть, а хуже не бываешь!»

— «Разумѣется, если станешь у себя на шо ума. Ты знаешь, дуракъ о себѣ не радѣешь, а умной чело-вѣкъ всегда что нибудь подготовишь про-запась.

— «Вѣдомо, шакъ! да гдѣ же взять, коли пѣшь? Съ сухаго лѣсу лисья не соберешь.

— «Есть гдѣ взять, были бы руки. Слушай: панъ Гриценко, оппусти гостей, ляжешь въ постелю съ тяжелою головою и уснешь, хоть спрѣлай надь ухомъ; панянка, какъ и всѣ молодые дѣвушки ся лѣшь, шакъ же крѣпко уснешь, а люди и пуще. Ты одинъ не будешь спать. Въ эту пору, попозже полуночи, я стукну въ дверь, что изъ саду; ты топчасъ ошвори.

Не бось! худо ни съ кѣмъ не будешь; полько мѣшки пана Гриценка спанушь полегче, а сундуки поглубже. —

— «Дѣло! по рукамъ.» — Въ это время они подходили къ оврагу.

— «До встрѣчи у дверей!» — ска- залъ невѣдомый. Спецько оглянулся — его ужь не было.

— «Съ нами сила крестная!» думаль Спецько, крестяся: «это вѣрно на- важденіе; нѣтъ! не продамъ душу лу- кавому, кто бь онъ ни былъ, чело- вѣкъ, мертвецъ или самъ нечиспый духъ!» Съ такими мыслями подошелъ онъ къ дому бандуриста.

Слѣпецъ Несперякъ уже спалъ. Услы- ша шукъ въ окно, онъ пробудился, опдернулъ форшочку, и на спросъ, узнавши о причинѣ шакого поздняго посѣщенія, разбудилъ семилѣтнюю дѣ- вочку, свою внуку и вожатую.

— «Олеся, сердце! вставай и вздуй

лучину, да подай мнѣ поновѣ сви-
пу и чобошы. Пань хочешъ — не оп-
говаривашься спашь: я панскихъ ласкъ
и денегъ не чуждаюсь.» — Послушная
малюшка, попягиваясь, исполнила при-
казъ, снарядила старика, одѣлась
сама, подала ему бандуру и по при-
вычкѣ повела его за руку къ панскому
дому, оставя вешхую свою шапу на
стражу бѣдности.

Веселая пирушка въ домѣ пана Гри-
ценка была на самомъ разгульѣ. Спа-
рикъ бандурнестъ былъ встрѣченъ ла-
сковымъ привѣтомъ: пань погладилъ
его по сѣдой головѣ и вслѣвъ подне-
сти ему чарку водки, сказалъ:

— «Гдѣ ты пропадалъ, старикъ?
что такъ долго не казался мнѣ на
глаза?»

— «Виновашь, добродѣй (із)! я вче-
ра шолько пришащился домой съ Ко-

ролевецкой ярмарки, гдѣ пробыль цѣ-
лую недѣлю.

— «Что же ты узналъ шамъ нова-
го?» спросили вдругъ нѣсколько голо-
совъ.

— «О, много, много!» отвѣчалъ
слѣпецъ, слегка покачивая головою.
«Тамъ былъ и неожиданный гость, гайда-
макъ. Онъ, словно какъ изъ воды вы-
нырнулъ: всполошилъ всю ярмарку,
заставилъ о себѣ прубишь всѣхъ, опъ
мала до велика, и послѣ вдругъ из-
чезъ, невѣсть куда.»

Всѣ гости прислупили съ распро-
сами къ бандуристу, и онъ переска-
залъ имъ народныя басни о Гаркушѣ
почши шакже, какъ и шолсшый под-
коморій. «Все это шакъ вбилося мнѣ
въ голову,» — прибавилъ слѣпой пѣ-
вецъ, — «что я, идучи съ ярмарки,
дорогою безпреспанно швердилъ: гай-
дамакъ! гайдамакъ! И что бы какъ

нибудь раздѣлался съ эпимъ спраш-
нымъ человѣкомъ, котораго имя ни
на мигъ меня не покидало и нагнало
поску маленькой проводницѣ моей,
внучкѣ, — я сложилъ про него пѣсен-
ку. Если угодно честной компаніи,
я спою...

— «Спой, дружокъ, спой!» закри-
чали ему госпи со всѣхъ споронь.
Несперякъ взялъ бандуру, закинулъ
себѣ около шеи прикрѣпленную къ ней
алую ленту, пробѣжалъ пальцами по
звонкимъ струнамъ, пошомъ заигралъ
и запѣлъ слѣдующую пѣсню :

Кто полуночной порою
Черезъ лѣсъ и буеракъ,
Съ свиспомъ, гарканьемъ, грозою
Мчишься въ поле? — Гайдамакъ!

Онъ какъ коршунъ налетаетъ,
Отъ него спасенья нѣтъ!
Черный вихорь замешаетъ
Гайдамака спрашный слѣдъ.

Кто одинъ въ селеньяхъ бродитъ
И, какъ злобный волколакъ (14),
Спарымъ, малымъ спрахъ наводитъ?
Кто сей зніхаръ (15)? — Гайдамакъ!

Троненъ онъ — замки валяшся,
Опмыкаясь безъ ключей
И червонцы шевелятся
Въ сундукахъ у богачей.

Кто шакъ зорко приглядаетъ
За проказами гулякъ,
Въ душу къ нимъ змѣей вползаетъ?
Кто сей демонъ? — Гайдамакъ!

Брагъ онъ и душъ и пѣлу:
Буйныхъ, молодыхъ повѣсь
Научаетъ злomu дѣлу
И съ собой уводитъ въ лѣсь.

Еще старый пѣвецъ не кончилъ
своей пѣсни, какъ вдругъ послышался
необыкновенный шумъ у дверей дома.
Всѣ гости вздрогнули; хозяинъ, по
невольному движенію, бросился къ
дверямъ; слѣпецъ Несперякъ, оставя
свою бандуру на колыняхъ, опустилъ
руки, и какъ будто бы силился взгля-

нупь. Одна Прися, поднявъ голову, весело обвела взглядомъ все собраніе: было ли шо предчувствіе неожиданной радости, или бѣглая мысль, мигомъ отвлекшая ее отъ грустныхъ думъ — эшого никто отъ нея не узналъ, пошому что никто не спрашивалъ. И до того ли было гостямъ? Всѣ они, съ какимъ-то робкимъ ожиданіемъ, смотрѣли на двери и оставались какъ прикованные на своихъ мѣстахъ.

Г Л А В А II.

«Чи сежь пая криниченка, що голубь купався?
Чи сежь пая дивчинонька, що я женихався?»

Малороссійская пѣсня.

Спустия минушу, вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, въ богатомъ Польскомъ нарядѣ. На немъ была бекешъ

изъ зеленой парчи, съ большими золотыми цвѣтами и бобровою опушкою; она состегивалась накрестъ золотыми шнурами, по краямъ коихъ висѣли крупныя золотыя кисти, и сверхъ того стянута была персидскимъ кушакомъ. Съ одной стороны къ кушаку прикрѣплена была золотою цѣпкою кривая турецкая сабля въ дорогой оправѣ; а съ другой, зашкнута была турецкій же кинжалъ, съ серебряною рукояткою и ножнами, на которыхъ сверкали драгоценныя каменья. Незнакомецъ, войдя въ комнату, вѣжливо поклонился всему собранію; съ мѣткостью челоуѣка, живущаго въ лучшихъ обществахъ, опъискалъ онъ хозяина дома, сказалъ ему на польскомъ языкѣ привѣтствіе и просилъ ночлега и гостепріимства, объясняя, что сбился съ большой дороги и въ такую пору не могъ ѣхать далѣе.

Пань Гриценко, разумѣвъ немного по польски, ошвѣчалъ ему, какъ умѣлъ, приглашеніемъ оспахься въ его домѣ до будущаго ушра и если не соску-чится, шо пробыть у него и весь слѣдующій день, чшобъ ошдохнуть и оправихься ошъ шакой шрудной до-роги.

Туть только госпи, опомнившіеся ошъ перваго впечатлѣнія, замѣпили, чшо вслѣдъ за Полякомъ вошелъ въ комнапу молодой гусарскій офицеръ. Прися прежде всѣхъ его увидѣла: она вздрогнула, ахнула.... Эшо былъ Демьянъ Квѣшчинскій. Полякъ, оборотившись, взялъ его за руку и представилъ хозяину дома, какъ своего спущника. По пословицѣ: *хоть не радъ, да готовъ*, пань Гриценко повшорилъ свое приглашеніе и Квѣшчинскому, боясь ошказомъ нарушить обязанность гостепрїимства, весьма свято

въ Малороссіи уважавшагося, и подать о себѣ на первыхъ порахъ дурное мнѣніе польскому пану.

Когда всѣ услыли, слуги польскаго пана, или, какъ онъ говорилъ, его *шляхтиги*, начали вносить дорожныя его вещи. Первый изъ нихъ поставилъ на столъ передъ своимъ господиномъ его шкапулку, безъ которой знашый и богатый Полякъ никогда почти не дѣлаетъ шага изъ дому. Второй внесъ походное его ружье и пистолеты въ бархатныхъ фушлярахъ. «Это,» молвилъ незнакомый гость, «я взялъ съ собою для того, что здѣсь, сказываютъ, дороги не совсѣмъ спокойны. Я слышалъ, что въ вашемъ краю разгуливаютъ шайки бродягъ и очень немилосиво обходятся съ проезжими, а особливо съ моими земляками, зная, что съ нами всегда бываетъ порядочный за-

* *

пасъ дукатовъ. Для того же я взялъ сверхъ обыкновенныхъ моихъ проводниковъ, нѣсколько человекъ лишнихъ. По незнакомымъ дорогамъ не худо ѣздить съ хорошею охраною.» И въ самомъ дѣлѣ, любопытные гости пана Гриценка насчитали всей прислуги Поляка человекъ до двѣнадцати, входившихъ по съ разными его вещами, по для полученія его приказаній. Всѣ они одѣты были въ одинакое, весьма щеголеватое платье, съ золотыми позументами, у каждаго была за поясомъ сабля и пара пистолетовъ; большая часть изъ нихъ, какъ видно было, составляла конную стражу своего господина.

Не прошло полчаса, какъ уже всѣ гости были, такъ сказать, околдованы обходительностію и ловкостію польскаго пана, занимательностію его

разговоровъ и пріятностью поступковъ. Съ мужчинами былъ онъ вѣжливъ и говорливъ, съ женщинами услужливъ и вкрадчивъ. Знавъ, что не многіе изъ собесѣдниковъ его разумѣли по-польски, старался онъ говорить по-малороссійски, ломалъ довольно забавнымъ образомъ нарѣчіе туземцевъ и самъ первый тому смѣялся. Ничѣмъ споль легко не пріобрѣтешь добраго разположенія Малороссіянь, какъ непридуманною веселостью и шушливостью; казалось, польскій панъ обладалъ въ высшей степени сими качествами пріятнаго собесѣдника. Около него составился кружокъ; всякой съ удовольствіемъ его слушалъ, спрашивалъ и смѣялся опъ души остроумнымъ его замѣчаніямъ на счетъ жизни знатныхъ богачей въ Польшѣ и въ Москвѣ, откуда, по словамъ польскаго пана, онъ теперь вѣхалъ,

Бывъ посыланъ съ какими-то важными порученіями.

Между тѣмъ, какъ хозяинъ и всѣ гости были заняты слушаньемъ разсказовъ Поляка, Квѣпчинскій нашель удобный случай съестъ подлѣ Приси, повторить ей свои увѣренія въ вѣчной любви и выслушать такія же отъ нея. Послѣ сей взаимной передачи нѣжныхъ чувствованій, Прися съ веселымъ видомъ спросила у Демьяна: гдѣ опыскаль онъ этого чудака незнакомца, кошорый, являсь впервые въ ихъ обществѣ, какъ будто бы сто лѣтъ былъ знакомъ со всѣми?

— «Я нашель его,» отвѣчалъ Квѣпчинскій, «назадъ пому часа два, въ поспояломъ домѣ, что споншь шамъ, подѣ лѣскомъ, въ чепырехъ верстахъ отъ здѣшняго селенія. Онъ ошановилъся было шамъ ночевашь, когда я заѣхалъ въ ту же корчму, чшобъ обо-

грѣвашся и дашь отдыхъ лошадямъ, которыхъ измучилъ по худой дорогѣ, спѣша къ опцу... Признаюсь тебѣ, милая, хоть я и рѣшился было никогда сюда не возвращаться: но одинъ взглядъ на тебя, одинъ слухъ о тебѣ вызвали бы меня...

— «Съ того свѣша,» перервала Прися съ лукавою улыбкою. «Не о томъ шеперь рѣчь: ты хотѣлъ мнѣ рассказать, какъ познакомился съ польскимъ паномъ. Продолжай же.

— «Изволь, милая, если тебѣ припнѣ слышашъ о проказахъ польскаго чудака, нежели о мукахъ моего сердца,» — отвѣчала Демьянъ опчасти укорисельнымъ голосомъ. «Вошедши въ корчму, я увидѣлъ толпу прислужниковъ польскаго пана, которые суетились около него. Самъ онъ лежалъ въ переднемъ углу на лавкѣ, на которой разосланъ былъ персидскій

коверъ съ сафьянными подушками ;
 передъ нимъ , на сполъ , поставлены
 были неразлучная его шкапулка , саб-
 ля , кинжаль , пистолеты и бушылка
 какого-то заморскаго вина . Когда я
 вступилъ въ комнапу , онъ поропли-
 во вскочилъ съ своего мѣста , быстро
 посмотрѣлъ мнѣ въ глаза , потомъ по-
 клонился и спросилъ по польски : ко-
 нечно я протъзжій ? — Я опвѣчалъ , что
 онъ не ошибся . — Тупъ онъ просилъ
 меня сѣсть подлѣ него , попчивалъ
 своимъ виномъ , спрашивалъ , куда
 и за чѣмъ ѣду... Смѣйся или нѣтъ ,
 моя милая ; только я отъ полношны
 души рассказалъ ему все : и нашу лю-
 бовь , и наши горести ; не упайлъ
 даже и того , что нынче день тво-
 ихъ именинъ . Вообрази мое удивле-
 ніе , когда чудакъ , вскрикнувъ : « я вамъ
 помогу , и помогу сей же часъ , » ве-
 лѣлъ своимъ людямъ вминупу собратъся

въ дорогу, надѣвъ лучшую ихъ одно-
рядку, и одѣвшись самъ, посадилъ ме-
ня съ собою въ бричку, что бы, какъ
онъ шуля говорилъ, показывать доро-
гу... И вопъ мы здѣсь! — Не знаю, что
изъ этого будетъ, не смѣю еще надѣ-
яться ничего хорошаго; но сердце мое
замираетъ въ какомъ-то шягоспномъ
ожиданіи.»

Прися вздохнула. Въ эту минушу
раздался громкій, единодушный хохотъ
всего собранія. Отчаспи изъ любопыт-
ства, отчаспи изъ опасенія, что бы
не замѣтили долгаго ихъ разговора
глазь на глазь, вдали отъ прочаго об-
щества, — Прися встала и подошла къ
гостямъ. Демьянъ пошелъ вслѣдъ за
нею.

Полякъ рассказывалъ тогда разныя
шашни польскихъ Жидовъ. Между про-
чими одинъ анекдотъ возбудилъ шопъ
всеобщій смѣхъ, который прервалъ

разговоръ Приси и Демьяна. Вотъ эшто анекдотъ почти въ шомъ видѣ, какъ онъ былъ Полякомъ пересказанъ обществу пана Гриценка, включая нѣкоторыхъ прикрасъ рассказика.

• Въ одномъ польскомъ городѣ, Жидѣ, чпюбъ избѣжать наказанія за какое-то важное плутовство, вздумалъ притвориться мершвымъ, велѣлъ укушать себя полошномъ, а жена и дѣшп его должны были плакать надъ мнимымъ покойникомъ. Спакнувшись напередъ съ тамошнимъ еврейскимъ обществомъ, онъ надѣялся съ помощію своихъ земляковъ скрыться въ то время, когда понесутъ его хоронить; ибо всѣ другія средства къ уходу были у него опняты зоркою мѣстною полиціей. Вѣсть о смерти Жида скоро дошла до старóсты того города: эшо былъ человекъ умный, смѣшливый и

очень хорошо знавшій всё жидовскія зашѣи. Угадывая и шупь какія нибудь плушни, онъ попчасъ опрядилъ двухъ чиновниковъ, городского лекаря и нѣскольکو солдатъ, съ шѣмъ, чпобъ ипши въ домъ самозванца-покойника, объявить его женѣ, что мѣстное начальство подозрѣваетъ, будто бы онъ самъ на себя наложилъ руки; чшо для удостовѣренія въ томъ, его должно анастомировать, и если подозрѣнiе окажется справедливымъ, то вдова-жидовка будетъ отвѣчать всѣмъ своимъ имѣнiемъ за недосмотръ за столь важнымъ преступникомъ. Нечего было дѣлать! Жиды не смѣли ослушаться повелѣнiй пана-спарóсты. Лекарь приступилъ къ дѣлу, снялъ полошно и увидѣвъ, что пульсъ у покойника бился чаще и сильнѣе, чѣмъ у всякаго здороваго челоуѣка, началъ въ разныхъ мѣстахъ щупать, или лучше щипать

живаго мертвеца. Жидъ дѣлалъ ужасныя кривлянья; наконецъ замѣтя, что лекаръ берется за инструментъ, онъ вскочилъ и прокричалъ плаксивымъ голосомъ, что душа его снова возвратилась въ плѣмо, не хопя опдасть его на поруганіе иновѣрцамъ. Само по себѣ разумѣется, что Жидъ спиною и деньгами разплашился за выдумку своей головы. »

Такимъ образомъ, въ веселыхъ разсказахъ и шуткахъ, непримѣнно пролетѣлъ вечеръ. Кукушка въ спѣвныхъ часахъ прокричала одиннадцать часовъ; гости вдругъ опомнились, спали собиравшись къ опѣзду, но хозяинъ снова началъ унимать ихъ, закусить, что Богъ послалъ. Они снова начали опговариваться позднею порою, волками и гайдаками. Тутъ къ хозяину присталъ и Полякъ, упрасивалъ ихъ подарить его остаткомъ вечера и

опвѣдать за ужиномъ его венгерскаго вина; къ тому прибавилъ онъ, что всѣмъ имъ дася своихъ шляхтичей проводниками. На замѣчаніе подкоморія, что шляхтичи и безъ того устали и намучились по такой дурной дорогѣ, отвѣчалъ онъ, что эти молодцы привыкли къ поѣздкамъ и что они готовы ѣхать во всякую пору по приказу своего пана, не зная ни сна, ни усталости, какъ Черкесы.

За ужиномъ, польскій панъ велѣлъ подать свой запасъ венгерскаго и серебряныя чарки. Самъ онъ подносилъ вино своимъ собесѣдникамъ, чокался съ каждымъ изъ нихъ и пилъ за ихъ здоровье. Наконецъ, когда всѣ уже были очень на-веселѣ, вдругъ, по его знаку, подали двѣ серебряныя сполы одинакой мѣры, съ чернью и позолотою; Полякъ подошелъ къ пану Гриценку, сказалъ ему, что хочеть пить

съ нѣмъ по-польски, на *братство*; спалъ на колѣни и пригласилъ хозяина сдѣлать то же. Тутъ онъ громко сказалъ: «Панъ Гриценко! здоровье твое, мое, любезной именинницы, твоей дочери и молодого гусара, моего товарища. Видишь ли, я пью отъ души на братство: не забываю и тѣхъ, которые милы тебѣ и мнѣ. Выпьемъ же, какъ у насъ въ Польшѣ: все до дна, не переводя духа.» Панъ Гриценко, у котораго прежняя попойка уже зашмила разумъ, принялся пить безъ всякаго возраженія; однако же не могъ выпить всего за однимъ духомъ: останавливался, пыхтѣлъ, но не хотѣлъ опустать отъ своего товарища. У польскаго пана вино свободно лилось въ горло; онъ выпилъ нѣсколькими минурами прежде хозяина, спукнулъ сполою о серебряный подносъ и закричалъ: «виватъ!» Слѣ-

пецъ Нестерякъ , забытый съ самаго появленія Поляка, опоздался въ эту минушу, громко ударя тушь по всеъмъ струнамъ своей бандуры. Польскій панъ подошелъ къ нему, налилъ венгерскаго и бросивъ въ чарку червонецъ, подалъ ему и сказалъ: «на, пей, старикъ!» Слѣпый бандуристъ выпилъ вино, досталъ со дна чарки червонецъ, ощупалъ его и молчаливо поклонился щедрому дарителю. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вспалъ, оперся на плечо своей внучки и пошелъ домой, покачивая сѣдою своею головою.

Головы госпей сильно кружились, когда они вспали изъ-за стола. Прися просила Квѣшчинскаго, который одинъ изъ всей мужской компаніи уцѣлѣлъ опъ хмеля, позаботиться объ опъѣздѣ госпей. Польскій панъ, вслушавшись въ ея рѣчь, созвалъ своихъ служителей, велѣлъ осьмерымъ изъ ихъ

бышь вминушу гоповыми и прово-
жашь гостей, настрого подтвердивъ,
что они будущь ему отвѣчать за
цѣлость и безопасность какъ самихъ
господь, такъ и всего, что при нихъ
находилось. На него, какъ видно было,
вино не сильно дѣйствовало, по при-
вычкѣ ли къ такимъ попойкамъ, или
потому, что онъ былъ крѣпокъ отъ
природы. Онъ распоряжалъ всѣмъ и
отдавалъ приказанія, какъ человекъ съ
совершенно-свѣжею головою. — За по-
хозяинъ дома совсѣмъ обомлѣлъ отъ
последняго потчиванья: языкъ у него
почти не ворочался, ноги подкашива-
лись. По отъѣздѣ гостей, онъ уже на
силу стоялъ на ногахъ. Прися клика-
ла Спецька, чтобъ онъ отвелъ сво-
его господина въ его комнашу; но
Спецько не откликнулся. Одинъ изъ
людей польскаго пана сказалъ ей,
что камердинеръ отца ея спалъ въ

людской избѣ, «опъ шого,» прибавилъ онъ, «что пошчуя прислугу его ясновельможности, не забывалъ и себя.» Кое-какъ, съ помощію Демьяна, Прися опвела своего опца въ его комнапу, гдѣ Квъпчинскій и деньщикъ его раздѣли пана Гриценка и уложили его въ постелю. Прися пожелала спокойной ночи польскому гостю, по же желаніе, сопровождаемое едва замѣпнымъ вздохомъ, сказала она Демьяну и ушла въ свою комнапу. Полякъ и Квъпчинскій опспались вдвоемъ и скоро легли спать. Такъ ли они крѣпко уснули, какъ панъ Гриценко, или во все не спали, какъ молодая Прися въ эту ночь — не спанемъ изслѣдовать; а посмотримъ, что спалось съ Спецькомъ.

Онъ крѣпко держалъ въ умѣ и на душѣ, что бы пересказать панянкѣ, копорую любилъ за ея доброту и ла-

сковость, — встрѣчу свою съ незнакомцемъ у оврага; но при гопяхъ не имѣлъ свободной для того минушы. Прїѣздъ польскаго пана развлекъ его вниманіе; къ тому жь онъ увѣрился, что при такомъ большомъ числѣ вооруженныхъ людей, гайдаки не посмѣютъ напасть на домъ пана Гриценка. На бѣду еще, его заславили пошчивашъ служителей Поляка, которые всѣ были большіе весельчаки и беззаботныя головы: пили сами за его здоровье и его заславлили пить за свое, по одиначкѣ.

— «Вы славные молодцы,» сказалъ Спецько, когда у него порядочно зашумѣло въ головѣ: — «и передъ вами нечего таишься; да вы же въ эпомъ дѣлѣ можете намъ и сослужить службу.

— «А что такое?» спросилъ почти въ одинъ голосъ всѣ Поляки.

— «Да вошь что. Къ намъ называл-

ся въ нынѣшнюю ночь еще одинъ гость: Богъ весъ, кто онъ шаковъ, а кажешся гайдамакъ...

— «Что же ты намъ присовѣтуешь дѣлать, когда онъ явится?» былъ новый вопросъ.

— Ни больше, ни меньше, какъ заспунишься за насъ, п. е. за меня, пана и панянку: спрѣляшь изъ вашихъ пистолецовъ, колошь, рубишь, крошишь въ мѣлкіе куски злодѣевъ. Я не хочу, чтобъ они надъ нами насмѣялись.

— «Дѣльно! небось, не выдадимъ,» сказалъ хвастливо одинъ изъ Поляковъ. «Посмотрѣлъ бы я, какъ-то ваши лороссійскіе гайдамаки посмѣли бы насунуться на мою польскую саблю? подавай ихъ сюда!... Выпьемъ же на опвагу.»

И чарка снова пошла кругомъ, и голова Спецькова еще болѣе опуманѣла.

★ ★

— «Да какъ ты свѣдалъ, что гайдамаки хопяшь напасть на здѣшній домъ?» спросилъ у Спецька одинъ Полякъ.

— «Я встрѣшилъ одного изъ нихъ нынѣшнимъ вечеромъ, и онъ самъ меня подговаривалъ опперешъ имъ двери,» — отвѣчалъ Спецько.

— «А ты и не согласился?»

— «Я было сказалъ на двое; да послѣ одумался. Пуще всего, мнѣ спало жаль панянки.

— «Развѣ она такъ добра?»

— «Охъ! добра, какъ машь родная! ошь нея-шо и ласковое слово услышишь, ошь нея-шо и лишнюю чарку, и лишній кусокъ получишь. Когда панъ нашъ на кого разгнѣвается, она у-прашиваетъ да умоляетъ его до пѣхъ поръ, пока онъ умилосердился. И бѣднымъ всѣмъ она помогаетъ, своимъ и

чужимъ. Пошли ей, Боже, здоровье и счастье, да хорошаго жениха!

— «Выпьемъ же за ея здоровье!» вскрикнули Поляки и снова принялись пить и поить Спецька.

Чарка за чаркой — подь конецъ онъ упалъ безъ чувства на лавку и шакимъ образомъ проспалъ до ушра, забывъ и гайдамаковъ и добрую свою панянку.

Г Л А В А III.

«Топчи вороги

Пидь ноги :

Щобъ наши пидкивки

Бряжчали ,

Щобъ наши вороги

Мовчали!»

Малороссійская свадебная пѣсня.

На другой день, панъ Гриценко проснулся гораздо позже обыкновеннаго

и съ тяжелою головою. Польскій панъ и Квъпчинскій давно уже были на ногахъ, а Прися, какъ ранняя пшичка, порхала по шуда, по сюда, хлопала по домашнему хозяйству и забошилась объ завтракъ. Въ ней замѣтна была необыкновенная живоспъ, пробужденная близостью любимаго челоуѣка и надеждою на спаранія новаго его знакомца.

Спецко также проспаль долѣе, чѣмъ въ другіе дни, и проснулся не безъ спраху. Пріятели его, Поляки, или шляхпичи, какъ онъ ихъ величалъ — разсѣяли его опасенія, сказавъ, что панъ его еще самъ въ постель, и совѣповали ему опохмелишься. За чаркою вина, они снова завели съ нимъ разговоръ о гайдамакъ, но уже въ другомъ видѣ: они смѣялись боязливымъ грезамъ бѣднаго Спецка, шутили надъ его прусоспью и завѣряли

его, что кто нибудь изъ знакомыхъ, подслушавъ его разговоръ съ самимъ собою, нарочно въ пошьямахъ напугалъ его. Спецько и самъ наконецъ ошановился на эшой мысли, спыдился напраснаго своего спраха, ссрдился, что не проучиль порядкомъ ночнаго насмѣшника и тврдо рѣшилъ не сказывашь о шомъ никому въ домъ, чшобъ не узнали объ его прусоспи и не вздумали часто его шакъ дурачить.

Когда панъ Гриценко пришелъ къ гощямъ своимъ, то, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ, польскій панъ сказалъ ему, что хочешъ говорить съ нимъ наединѣ. Квѣпчинскій, подь предлогомъ, что бы похлопошашь объ ошъѣздѣ, пошель ошъискивашь Присю, копорая еще не кончила домашнихъ своихъ заботъ, или, можешъ бышь, по чув-

спву приличія не хотѣла шакъ рано казашься госшямъ.

— «Панъ Гриценко!» сказала Полякъ, когда они оспались вдвоемъ: «я прѣхала къ тебѣ свашомъ. Знаю, что ты дивишьься этому и считаешь меня за такого чудака, который любишь мѣшашься въ чужія дѣла; но выслушай. Я богатъ и бездѣпенъ; ближнихъ родственниковъ у меня нѣтъ, а дальніе должны бытъ довольны и шѣмъ, что я имъ оспавляю. Я полюбилъ будущаго швоего зятя: онъ лучше, умнѣе и благошравнѣе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ мнѣ случилось встрѣчашь изъ моихъ земляковъ и изъ вашихъ. Въ этой шкапулкѣ лежить у меня шри штысячи червонныхъ и почти на столько же дорогихъ вещей: согласишьь ли ты ошдашь дочь свою за Квъшчинскаго,

когда я дамъ ему все это свадебнымъ подаркомъ?... Смотри.»

Тутъ онъ раскрылъ шкапулку, на кошорую пань Гриценко и госпи его такъ умильно поглядывали наканунѣ. Она была по самую крышку набита полновѣсными червонцами. Полякъ пронулъ пружинку и попойной ящикъ съ разными драгоценными вещицами явился глазамъ удивленнаго Гриценка.

— « Говори же : согласенъ ли ты на мое предложеніе? » снова спросилъ Полякъ.

Удивленіе пана Гриценка прервалось вздохомъ, шпжело вырвавшимся изъ груди его, какъ у челоуѣка, кошораго вдругъ пробудили опъ пріятнаго, обольспительнаго сна. Полякъ снова повшорилъ свой вопросъ.

— « Бышь такъ! пусть дочь моя будетъ женою Квъшчинскаго, » — сказалъ Гриценко, собравшись съ духомъ.

« Онъ славный молодець и я всегда его любилъ : одна бѣдность была ему помѣхою женишься на моей Присѣ : теперь нѣтъ и этой помѣхи , по милости ясновельможнаго моего гостя . Что до его рода , то онъ самъ выйдетъ въ люди своимъ умомъ-разумомъ , да съ Божескимъ благословеніемъ и Царскимъ жалованьемъ . »

— « Такъ по рукамъ , и завтра же свашьба , » сказалъ Полякъ , подставивъ свою ладонь .

— « Это слишкомъ скоро : мы ни съ чѣмъ еще не гошовы . . . »

— « Не своя забота , панъ Гриценко ! у меня все мигомъ будетъ гошово . Минь нѣкогда ждашь , время не шерпиль ; я и такъ уже просрочилъ , а я непременно хочу погулять на свашьбѣ у добраго моего пріяшеля Квѣшчинскаго . Сей часъ же разошлю моихъ молодцовъ сзывать вчерашнихъ »

гостей и пригласишь старика Квѣшчинскаго на нынѣшній вечеръ: сегодня у насъ непременно долженъ быть стговоръ. Другіе изъ моихъ шляхтичей ошправляшся закупать все нужное къ свашьбѣ и завтра же наши женихъ съ невѣстой будутъ обвѣнчаны.... Эй, люди!»

На голосъ Поляка, сбѣжались его прислужники. Онъ съ удивительною поспѣшностію и шочностію роздалъ имъ приказанія и разослалъ ихъ въ разныя спороны. Черезъ минушу они были уже на коняхъ и выѣхали со двора. При немъ, для услугъ, осталось только четверо.

— « Инъ по рукамъ: я на все согласень; » сказала Гриценко, до сихъ поръ въ молчаливомъ раздумьѣ смотрѣвшій на все, что вокругъ него происходило.

— « Давно бы шакъ ! » подхвашилъ польскій панъ и хлопнулъ въ открытую ладонь Гриценка шакъ сильно, что онъ ошъ боли поморщился и замахалъ рукою. Полякъ улыбнулся : « Это ошпашокъ спарой моей силы, » сказалъ онъ съ видомъ самохвальства : « въ прежніе годы я разгибалъ подковы и скручивалъ узломъ желѣзныя черги безъ дальнихъ усилій. Теперь уже не то: все не по старому; нѣшъ уже такихъ молодцовъ-силачей, какъ бывало прежде. И не только въ силѣ — въ самыхъ понятіяхъ нынѣшняя наша молодежь крайне измѣнилась. Скажу и о швоемъ будущемъ зяпѣ: у него прешпанный образъ мыслей. Напримѣръ, онъ никакъ не принялъ бы самъ ошъ меня этого подарка изъ гордости; и я прошу тебя, панъ Гриценко, не прежде опдашь ему шкапулку, какъ

на другой день свашьбы. Теперь покамѣсьшь унеси ее и спрячь у себя.

— « Правда, правда! » сказалъ Гриценко и услышавъ шумъ въ передней свѣщницѣ, шоропливо схватилъ шкапулку, припаялъ ее у себя подь мышкою и почти припрыгивая унесъ въ свою комнату.

Въ эту минушу вошли Квѣшчинскій и Прися. Польскій панъ подошелъ къ нимъ, поздравилъ Присю съ добрымъ упромъ и съ женихомъ, а Квѣшчинскаго съ невѣстой. Оба они не вѣрили своему счастью и принимали слова Поляка за дурную шушку, пока возвратившійся Гриценко не вѣрилъ ихъ въ помъ совершенно. Не станемъ описывать ихъ радости: всѣ шакія описанія скучны, ибо радость любить выражается не словами, а улыбками, взглядами и тому подобными знаками, которыхъ ника-

кое краснорѣчіе не сильно вполнѣ передать.

Къ вечеру начали съѣзжаться гости: отецъ Квѣшчинскаго явился изъ первыхъ, дивясь неожиданому приглашенію богатаго и спѣсиваго сосѣда. Уже по прїѣздѣ узналъ онъ, за чѣмъ его звали, и радовался почти не меньше своего сына. Началось сваповство обыкновеннымъ малороссійскимъ обрядомъ: польскій панъ, игравшій роль старшаго свапа, поставилъ на шоль хлѣбъ и соль и просилъ ласки хозяина, чшобъ онъ принялъ опъ его руки жениха своей дочери; и когда панъ Гриценко подтвердилъ свое согласіе, тогда Прися поднесла свапамъ и опцу своего жениха, шелковые *ругники* на серебряномъ поднось (16). Остальное шло своимъ чередомъ: госпи пили за здоровье жениха и невѣсты, опцовъ ихъ, сваповъ и проч., госпы пѣли

свадебныя пѣсни ; польскій панъ былъ шупливъ и любезень до крайности , говорилъ даже малороссійскія поговорки , приличные случаю . Казалось , что онъ учился шамошнему нарѣчію не по днямъ , а по часамъ , какъ славныя богатыри росли въ старинныхъ русскихъ сказкахъ . Поздно разошлись гости по кварширамъ , копорыя оповедены имъ были въ домахъ жилищныхъ обывателей селенія .

На другой день , рано по утру , дружки одѣли невѣсту къ вѣнцу . Въ девять часовъ , свадебный поѣздъ былъ уже совсѣмъ снаряженъ : женихъ съ свапомъ и дружкомъ (17) поѣхали впередъ верхами , что бы у церковныхъ дверей принять невѣсту , копорая , съ свахою , дружками и свѣтилкою (18) , везены были въ старинномъ огромномъ рыдванѣ , четверкою коней съ вершниками . Збруя на коняхъ и

рукава у вершниковъ украшены были большими баншами розовыхъ лентъ. Опъ вѣнца, поѣздъ возвратился шѣмъ же самымъ порядкомъ въ домъ пана Гриценка, гдѣ уже пригошовленъ былъ, въ ожиданіи обѣда, сыпный завтракъ. Начались поздравленія и попчиванья, молодой и молодая стали съ поклонами подносить гостямъ разныя цвѣтомъ и вкусомъ водки. Каждый изъ почешившихъ гостей, выпивъ, цѣловалъ молодыхъ и клалъ на поднось какой нибудь подарокъ. Польскій панъ, или свапъ жениховъ, положилъ полный кошелекъ червонцевъ. Такимъ образомъ время продлилось до обѣда, за которымъ пирушка разгуливалась болѣе и болѣе. Гостямъ показалось странно, что не было музыки: некому было играть *тушь*, когда шли здоровье молодыхъ. Панъ Гриценко уже дважды посылалъ за слѣпымъ банду-

риспомъ, но онъ все не являлся. Спецько снова былъ отправленъ, привести или припахити его, если онъ не пойдетъ доброю волею.

Въ концъ стола, венгерское польскаго пана опяшь полилось въ чары и въ уста лакомыхъ госпей. Самъ Полякъ былъ еще веселѣе, разговорчивѣе и шушливѣе, нежели прежде. Онъ часто пилъ за здоровье молодыхъ, приговаривая: *горько!* и заславляя ихъ цѣловаться; напѣваль малороссійскія и польскія пѣсни, почилъ балы и былъ въ полномъ смыслѣ душею пирушки. Опяшь онъ велѣлъ принести большую свою серебряную стопу и пилъ изъ нея на колѣняхъ съ паномъ Гриценкомъ и спарымъ Квъпчинскимъ.

Съ шумомъ и суматохою кончился обѣдъ. Начались громкіе, крикливые разговоры; женщины усѣлись въ кружокъ и запѣли веселыя малороссій-

скія пѣсни; мужчины собрались около нихъ, слушали и подпягивали. Между тѣмъ молодые, посаженные на почешномъ мѣстѣ, почти не замѣчали того, что вокругъ нихъ происходило: они, шакъ сказаешь, были погружены въ настоящее и будущее свое благополучіе. Въ шакихъ пріятныхъ и невинныхъ за няціяхъ протѣкло нѣсколько часовъ. Тушь только нѣкоторые изъ гостей и хозяинъ дома замѣтили, что между ними кого-то недоставало; и сквозь шуманъ вишнихъ паровъ наконецъ досмотрѣлись, что оплучившійся гость былъ веселый и добрый польскій панъ, сильно поколебавшій врожденное въ Малороссіянахъ предубѣжденіе на счетъ Поляковъ. Начали его искашь повсюду — его нигдѣ не было; люди его, прислуживавшіе за столомъ, также всѣ скрылись. Нѣкоторые изъ самыхъ любопытныхъ гостей побѣжали освѣдом-

ляться на дворъ: посеяне, собравшіеся сморъшь на свадьбу, сказали имъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ бричка польскаго пана выѣхала за ворота, конные служители его также по одинакѣ выбрались, а спустя немного, самъ онъ тихо вышелъ на улицу, сѣлъ въ бричку и ускакалъ, окруженный своими проводниками.

И гости и хозяинъ дивились такому странному поступку польскаго пана; отецъ Приси дивился также и тому, что ни сѣпой бандуристъ, ни Спецько не являлись во весь вечеръ. На многолюдныхъ, шумныхъ пирушкахъ обыкновенно такіе случаи намигъ молькають въ понятяхъ собесѣдниковъ и быспро смѣняются другими впечатлѣніями. Какой-то залетный музыкантъ съ скрипкою, пѣсни, пляски и продолжительная попойка скоро выѣснили изъ со-

* *

грѣшныхъ хмелемъ головъ и польскаго пана съ его забавными шушками, и слѣпца Несперяка съ его бандурой, и Спецька съ его глупымъ взглядомъ и и разинушимъ ртомъ.

Послѣдній изъ нихъ явился однако жъ на другой день поушру. Онъ бросился въ ноги своему пану, просилъ у него прощенія за вчерашнюю свою оплучку и сказалъ, что слѣпый Несперякъ рѣшишельно отказался ийти на свашьбу съ своею бандурой. Въ то же время, Спецько подавъ господину своему запечатанное письмо.

— «Опъ кого принялъ шы это письмо?» спросилъ панъ Гриценко еще не разламывая печати.

— «Опъ кого?...» молвилъ Спецько, повпоряя вопросъ со всею медлишельноштію Малороссіянина. «Да опъ *нашего* сваша, польскаго пана...

— «Гдѣ и какъ,» нешерпѣливо подхвашилъ Гриценко.

— «Гдѣ?... въ корчмѣ, за селеніемъ, на большой дорогѣ. Какъ?... я и самъ порядкомъ не помню; дайше надуматься. А! шеперь кажется такъ: извольте слушать. Шедши домой отъ Нестеряковой хапы, я встрѣтился съ однимъ изъ шляхтичей, котораго дружески пошрепалъ меня по плечу и сказалъ: «Прощай, поварищъ! панъ нашъ уѣхалъ и я спѣшу вслѣдъ за нимъ. Да не можешь ли ты,» прибавилъ онъ, «сослужить мнѣ службу, показать мнѣ дорогу въ корчму, что за селеніемъ, по С....цкому шляху (19)? Я тебѣ буду очень благодаренъ и шамъ мы разстанемся, какъ добрые пріятели, за чаркою вина.» — Виновать, грѣшный человекъ: я взялся его провожать, и шамъ мы нашли польскаго пана со всѣми его проводниками. Панъ обошелся со мною ласково, пошчивалъ меня самъ изъ своихъ рукъ,

далъ мнѣ на водку и велѣлъ подождать, пока напишеть къ вамъ письмо. Въ другой свѣшлицѣ, шляхпичи окружили меня и пили со мною на разставанье до шѣхъ поръ, что ужъ я и не помню, какъ заснулъ. Когда же проснулся, то ужъ ни пана, ни людей его не было, а корчмарь подалъ мнѣ это письмо и крѣпко накрѣпко наказаль мнѣ доставить его къ вамъ, говоря, что если не доставлю, то польскій панъ опшъищеть меня хопъ подъ землею и тогда Богъ вѣсть, что со мною будетъ. Я испугался и своей оплучки изъ дому, и вашего гнѣва, и угрозы польскаго пана, опрометью бросился изъ корчмы и не помню, какъ меня ноги сюда донесли.»

Панъ Гриценко, выслушавъ эготъ рассказъ, распечаталь письмо. Су-

дше жь объ его удивленіи ; когда онъ прочель въ немъ слѣдующее.

«Панъ Гриценко ! я хотѣлъ ограбить себя , и уже все было къ тому готово. Что бы собрать моихъ удалцовъ въ одно мѣсто , переодѣлъ я ихъ въ однорядку и самъ одѣлся Полякомъ , попому что не имѣю въ здѣшнихъ мѣстахъ надежнаго припшна. Въ эшомъ видѣ , велѣлъ я самымъ лихимъ ребятамъ изъ моей вольницы съѣзжашься въ одной корчмѣ , гдѣ самъ ихъ дожидался. На швое счастье , пріѣхаль туда же нынѣшній зять швой , Квѣпчинскій. Я хотѣлъ было опсправить незванаго госпя въ нежданое мѣсто ; но какъ я никогда не проливаю крови , по вздумаль вывѣдашь хорошими средствами , не будетъ ли онъ намъ помѣхой ? Слово за слово , я выпянуль изъ него всю подногошную : и любовь его къ швоей дочери , и швой

опказъ, и его горе. Я отъ природы имѣю доброе сердце: мнѣ спало жаль бѣднаго Квѣпчинскаго: пошчасъ я перемѣнилъ намѣренія на твоя счешъ и рѣшилъ помочь ему. Хорошо ли я въ эпомъ успѣлъ, самъ ты знаешь. Прощай: люби дочь и зятя, надѣли ихъ, какъ долгъ велишь доброму опцу, береги мою шкапулку — она тебѣ пригодится, и будь милосивъ къ своимъ служителямъ. Они шакіе же люди, какъ и ты. Если все эшо исполнишь по моему желанію, то можешь быть увѣренъ, что никогда не встрѣшишься съ *Гаркушею*.»

Лихорадочная дрожь проняла пана Гриценка во время эшого чшенія; ему казалось, что гайдамакъ все еще передъ нимъ; робко взглянулъ онъ и увидѣлъ подлѣ себя не Гаркушу, а слѣпаго бандуриста.

— «Я пришелъ поздравить васъ,

добродѣй, и пожелаешь счастья вашимъ молодымъ. Пусть иль живутъ, какъ стнки свютъ (20)!—Вчера же, винюсь, не пришелъ къ вамъ на свашьбу: шупшь былъ недоброй челоувкъ, и я ни за что бы не хоптъль съ нимъ бышь подь одною кровлею.

— «Развѣ ты по чему-либо узналъ гайдамака?» спросилъ панъ Гриценко, пришедши нѣсколько въ себя.

— «Ну, шакъ!» подхвашилъ слѣпый музыкантъ. «Я чувствовалъ, что здѣсь что-то не даромъ. Порядочный челоувкъ не спалъ бы бросать своихъ червонцевъ первому встрѣчному. Сей часъ же иду и опдамъ его даръ на богадѣльню. Не хочу себѣ даровъ опъ нечистыхъ рукъ.

— «А я шакъ приберегу свои десять серебряныхъ круглевиковъ про черной день,» думалъ про себя Спецько, стоя у двери. «Нужды нѣшь, что пришли

ко мнѣ изъ нечистыхъ рукъ : на это
есть мѣль и шершый кирпичъ.

Что думалъ панъ Гриценко о своей
шкапулкѣ, мы не знаемъ; только онъ
не опдалъ се на богадѣльню. Можетъ
быть отъ страха, что бь не прогнѣ-
вить Гаркушу презрѣнiемъ къ его по-
дарку; или, можетъ быть, хотѣлъ
онъ возвратитъ ему шкапулку при
первой встрѣчѣ. Какъ бы то ни было,
но онъ до самой смерти не упоминалъ
о шкапулкѣ ни зятю, ни дочери, и
она перешла къ нимъ какъ послѣд-
ство отцовское.

П. Байскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Дрибушки* — мѣкія косы; ихъ заплета-
ютъ по нѣскольку и обвиваютъ вокругъ головы.
Скиндяги — разноцвѣтныя ленты, копорыми

привязывается голова; концы ихъ разпускаются по плечамъ. *Плахта* — родъ юпки или передника. *Усы* — стрѣлки или спрочки на фалдахъ куншоша.

(2) *Надошникъ* — болотное растѣніе. Если имъ напереть какую нибудь часпъ пѣла, то она вмину покраснѣетъ; но часпое его употребленіе порпнитъ лице, дѣлаетъ его шероховатымъ и даже угреватымъ.

(3) *Сопѣлка* — свирѣль или дудка.

(4) Малороссійскія плясовыя пѣсни.

(5) *Будинки* — домъ, палашы. Собственно значить зданіе.

(6) « Якъ Александръ цареви Пору
 Дававъ изъ вѣйскомъ добру хлѣру...
 Цопретъ бувъ Пранцюза Карпуша,
 Била его стоявъ Гаркуша,
 А Ванька Кайнъ впереди... » и проч.

Энеида Котляревск. П. IV.

(7) *Варенуха* или *варена* — напитокъ, варимый изъ коринки, изюма, калины и пр. и пр. съ виномъ и медомъ; онъ подается теплымъ.

(8) *Гири до долу!* — *Гиря*, голова, въ помы же смыслъ, какъ по-русски *башка* и по-французски *la caboche*.

(9) *Стецко* — уменьш. имени Стефанъ.

(10) *Нестерякъ* — Неспоръ.

(11) *Шкодà* — бѣда, худо.

(12) *Унвирь* — вампирь или оборотень.

(13) *Добрòдiй* — благодаритель. Малороссiяне, обращаясь съ сими вѣжливымъ названiемъ къ челоуѣку высшаго званiя или рода, говорятъ оноу въ звапельномъ падежѣ: *Добрòдiю*.

(14) *Волколакѣ* — оборотень, превращающiйся въ волка, что бы пугать людей и душишь овецъ по злобѣ на козьевъ.

(15) *Знàхарь* — колдунъ.

(16) *Ругники* или бѣлыя пологенца съ узорными коймами, подносятся невѣспою сваткамъ, когда сватовство идетъ на ладъ. Въ богатыхъ помѣщичьихъ домахъ, сiя *ругники* состояли изъ нѣсколькихъ аршинъ шелковой ткани, иногда даже съ золотою бахрамою.

(17) *Дружкò* — поварницъ сватна на малороссiйскихъ сватѣбахъ; *дру̀жки* — подруги невѣспы, которыя одѣвають ее и провожаютъ въ церковь.

(18) *Свѣтилка* — дѣвица, которая должна быть съ зажженою восковою свѣчею при свадебныхъ малороссiйскихъ обрядахъ.

(19) *Шляхѣ* — большая или сполбовая дорога.

(20) *Нехай ихъ живутъ, якѣ вдомтки свють* — обыкновенное малороссiйское привѣтспiе новобрачнымъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ БАРА- ТЫНСКАГО.

Summa in hoc vis elocutionis, cum validæ, tum breves vibrantesque sententiæ, plurimum sanguinis atque nervorum: adeo ut videatur quibusdam, quod quoquam minor est, materiæ, non ingenii vitium.

QUINTIL. X, 1.

Человѣкъ строгой нравственности и высокаго любомудрiя сказалъ (*): « Все то, что способствуетъ къ дославленiю вкусу болѣ тонкости и разборчивости, что приводитъ въ

(*). Полное собранiе сочиненiй М. Н. Муравьева, Ч. III. справ. 122.

совершенство. чувствованіе красота въ искусствахъ или письменахъ, оп-
 водитъ насъ въ то же самое время
 опъ грубыхъ излишествъ спрасней,
 опъ неистовыхъ возпаленій гнѣва,
 жеспокости, корысполубія и про-
 чихъ подлыхъ наслажденій. Кто воз-
 хищается красотаи поэмы или раз-
 положеніемъ каршины, не въ состо-
 яніи полагать благополучія своего въ
 несчастіи другихъ, въ шумныхъ сбо-
 рищахъ безкушства, или въ исканіи
 подлой корысти. Нѣжное сердце и
 просвѣщенный разумъ услаждаются
 возвышенными чувствованіями друж-
 бы, великодушія и благопворитель-
 ности.» Слѣдовательно появленіе спи-
 хотвореній Баратынскаго, поэта,
 давно извѣснаго своимъ отличнымъ
 дарованіемъ и вкусомъ, должно быть
 принято съ особеннымъ вниманіемъ.
 Кипо не привыкъ сморрѣть на легкія

стихотворенія по симъ правиламъ, шопъ покрайней мѣрѣ увидишь въ нихъ пользу языка. Опъ чего имъ владѣеть слабо большая часть нашихъ писателей? Опъ недостатка совершенныхъ образцовъ. «Надобно, чпобъ выраженіе представляло вѣрное и полное изображеніе мысли. Все, что изображаетъ менѣе или болѣе *настоящаго*, ослабляетъ выраженіе. Мысль опредѣляетъ печеніе слога. Самый простой можетъ быть благородень (*).» По этому все, что мы впривыкли называть сочиненіемъ въ легкомъ родѣ, сполько же образуетъ языкъ, какъ и важное. Одинъ выборъ содержанія, безъ искусства письменъ, въ словесности почти ничего не значить. Въ рукахъ неопытнаго или несвѣду-

(*) Тамъ же, стран. 132.

щаго художника лучшія краски никакого дѣйствія не производящъ надъ зрителемъ: такъ сила мыслей исчезаетъ въ худомъ слогѣ.

Сочиненія Баратынскаго представляють образецъ точности слога. Онъ выражаетъ мысли свои такъ вѣрно, что читатель можетъ замѣтить и почувствовать ихъ самые легкіе опѣнки. Нѣтъ словъ, поставленныхъ не у мѣста, необдуманно, или невольно. Краткость рѣчи не только не вредитъ ясности стиховъ его, но придаетъ имъ особенную силу. Онъ въ составленіи періодовъ столько же разнообразенъ, какъ и въ изобрѣтеніи новыхъ мыслей. Это измѣненіе формъ, въ которыхъ являющіяся ряды слиянныхъ понятій, сообщаетъ движеніе слогу и усиливаетъ заманчивость чтенія. Что касается до гармоніи стиховъ, Баратынскій замѣнилъ одно-

звучную гладкость языка переливами шоновъ. Такимъ образомъ вдохновенная музыка, лаская слухъ, нерѣдко волнуешь душу неожиданными звуками. Онъ не увлекся владычествомъ нынѣшней европейской поэзіи, обольстительной по своей мечтательности, но справедливо порицаемой за изысканность и переувеличеніе украшеній. Строгой вкусъ его воспользовался только тѣмъ въ романтической поэзіи, что картинамъ придаетъ яркость красокъ, а испинамъ заманчивость шайны. Его можно причислить къ разряду прежнихъ французскихъ поэтовъ, вѣроятно бывшихъ руководителями опроческихъ его опытовъ. Но и съ ними сошелся онъ въ одной опчепливости слога и мыслей. Онъ также напоминаетъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочется быть шупливымъ и оспроумнымъ. Глубокія

чувствованія, поэтическіе объемы предметовъ, мысли сильныя и живыя, привлекательное простодушіе въ веселости, принадлежащъ собственнo его дарованію.

Барапынскій преимущественно поэтъ элегическій. Надобно ли смотрѣть на поэзію также, какъ смотрятъ на нѣтъ произведенія ума, которыя постепенно приближаются къ высшему своему совершенству? Если въ ученомъ сочиненіи повтореніе давно извѣстныхъ истины показываеиъ ничтожность писателя: должно ли по этому правилу заключишиъ, что поэтъ, изображающій знакомыя, испытанныя чувстваванія, не производишиъ ничего и не заслуживаетъ отличнаго вниманія? Науки суть плоды опытовъ, живое подобіе разныхъ возрастовъ человеческого смысла. Искусства же составляютъ одни опыты чувственныхъ

ощущеній, всегда и вездѣ свойствен-
ныхъ природѣ челоуѣка. Картины од-
нихъ и тѣхъ же чувствованій, какъ об-
разы людей, до безконечности могутъ
измѣняться. Тибуллъ и Прокерцій, Пар-
ни и Гёте въ своихъ элегіяхъ разно-
образны и разнозанимательны. У каж-
даго изъ нихъ есть собственный ха-
рактеръ, особенное составленіе мы-
слей, отличное сляніе свѣта и тѣни,
сила и нѣжность красокъ. Барашын-
скій показываетъ большую власшь надъ
своимъ искусствомъ. Увлекаясь движе-
ніями сердца, онъ не переспааетъ мы-
слишь и каждую свою мысль умѣетъ
согрѣвать чувствомъ. Въ его элегіяхъ
не уныніе, не мечтательность, но
(если можно сказать) раздумье. Мо-
жетъ бытъ, природа создала эту душу
для веселости. Опыты жизни застав-
ляютъ насъ часто углубляться въ са-
михъ себя. Вниманіе знакомитъ съ пя-

желыми пайнами человечества. Мы уси-
 ливаемся опогнать опть сердца мрачныя
 мысли, но въ шо же время спановимся
 недовѣрчивыми къ счастью. Въ насъ
 примѣчаютъ пропивоорѣчіе надеждъ и
 желаній. Оно-шо составляетъ преле-
 стное разнообразіе элегій Барашын-
 скаго. Иногда близкій къ слезамъ, онъ
 ихъ остановишь и улыбнется; за
 шо и веселость его иногда свѣпнися
 сквозь слезы. Дѣтская чувствитель-
 ность и умъ философа подь строкою
 власнiю тонкаго вкуса, составляетъ
 его главный характеръ.

Обозначая только общими и глав-
 ными чертами раждающіся въ душѣ
 впечатлѣнія при разсмаприваніи ка-
 кого нибудь предмета, обыкновенно
 судишь по вліянію господствующей въ
 немъ красоты, или, напропивъ, не-
 совершенства. Когда въ подобномъ оп-
 четѣ преимущественно занимающся

изчисленіемъ совершенствъ , это спавишиа доказательствомъ , что погрѣшности , неизбѣжныя въ каждомъ произведеніи ума или вкуса человѣческаго , изкуплены очарованіемъ красоты. Подробный разборъ каждой части произведенія гораздо взыскапельнѣе. Баратынскій , подобно всѣмъ отличнѣмъ поэтамъ , можешъ полакомитъ невинное самолюбіе изыскателей пашнышекъ на снѣжныхъ покровахъ этимологій , орѳогрѣи и другихъ грамматическихъ музъ. Для поэта элегическаго , иногда слишкомъ рѣзваго въ своихъ забавахъ съ Граціями (въ чемъ Баратынскій не думалъ составитъ собою *исключенія*) , есть крипика еще взыскапельнѣе. Она преслѣдуешъ , какъ злодѣяніе , каждую шалость воображенія. Къ счастью , одинъ изъ самыхъ шонкихъ судей поэтическаго искусства давно уже разграничилъ моральную философію ошъ

поэзіи. Вопь слова его (*): «Чего требует отъ поэта его искусство? Что бы онъ не оскорблялъ непосредственно чувства моральнаго; что бы онъ не проповорьчилъ морально-изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой: но существенною моральною красотою занимается онъ столь же мало, какъ и существенною логическою истиною. Пускай разумокъ вооружается пропиви чувства и спраши, производимыхъ въ насъ стихопворцемъ; пускай опвергаетъ онъ, какъ ложный или мечпашельный, шощь образъ мнѣнія, который мы нечувствительно принимаемъ вмѣстѣ съ поэтомъ, пускай находитъ недостойными или чудовищными тѣ характе-

(*) Переводы въ прозѣ В. Жуковскаго, Т. III
стр. 68. Изданіе второе.

ры, которые, будучи украшены цвѣтами поэзіи, кажутся намъ привлекательными и превосходными: все это не принадлежитъ къ стихотворному искусству. Оно имѣетъ въ виду одно изящное, дѣйствуетъ исключительно на одно чувство, остается довольнымъ, если недостатокъ морально-прекраснаго не обратится въ совершенно моральное безобразіе. Стихотворецъ исполнилъ свою должность, какъ стихотворецъ: онъ правъ передъ судьей крикики.»

Плетневъ.

Поблагодаривъ Г. Сочинителя за доставленіе въ Сѣверные Цвѣты извѣстія о сочиненіяхъ Барашинскаго, спѣшимъ сообщить читателямъ нашимъ и другія пріятныя вѣсти и

надежды. Къ наступающему году готовится много прекрасныхъ новостей въ нашей литературѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. *Нѣсколько главъ Онегина*, соч. А. С. Пушкина; *Наталья Долгорукая*, поэма И. И. Козлова; *Бальный ветеръ*, поэма Е. А. Баратынского. Любители русской поэзіи давно уже слышали о сихъ отличныхъ произведеніяхъ и ждуть ихъ съ нетерпѣливостію. Въ Москвѣ, сказываютъ, готовится изданіе *Согиненій покойнаго Веневитинова*.—Г. Вердеревскій, котораго предложенія Гораціевыхъ одъ весьма пріятно напоминаютъ подлинники, печатаетъ свой переводъ *Байроновой Паризины*. Одинъ молодой поэтъ, съ весьма выгодной стороны извѣстный въ нашей словесности, готовится къ изданію небольшой поэмы: *Хіосскій сирота*, и хочетъ напечатать ее съ прекрас-

ною цѣлю — въ пользу сироты, героя сей поэмы. Здѣсь изданы еще *Согиненія* славнаго трагическаго нашего актёра *А. С. Яковлева*, собранныя послѣ его смерти. *Руская Анѳологія*, составленная *М. А. Яковлевымъ* изъ всѣхъ лучшихъ мѣлкихъ стихотвореній, напечатанныхъ прежними и новѣйшими рускими поэтами, уже печатается и скоро появится. Кромѣ сего, напечатано новое, весьма красивое изданіе поэмы *А. С. Пушкина*: *Бахчисарайскій фонтанъ*, въ небольшомъ форматѣ, съ картинками. Одно очень хорошее изданіе *Согиненій Озерова* (въ 2 т.) уже явилось; при другія (въ 3 ч.) скоро выйдуть. Въ сихъ 3 часяхъ будутъ помѣщены и тѣ сочиненія *Озерова*, которыя ни гдѣ еще не были напечатаны, и которыхъ онъ самъ, какъ извѣстно, не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ. — Въ про-

зѣ, печатаются *Анекдоты о Суворовѣ*, собранные Е. Б. Фуксомъ. Еще должно упомянуть о весьма хорошемъ библиографическомъ изданіи: о *Каталогѣ Россійскихъ книгъ*, Г. Смирдина. Кромѣ книгъ, находящихся въ его библіотекѣ чпеція, Г. Смирдинъ намѣренъ при-совокупить еще къ сему Каталогу, въ особой части, шѣ рускія книги или изданія, кои когда-либо были напечатаны. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Каталогомъ библіотекки Г. Смирдина, это будетъ и полнѣйшее библиографическое сочиненіе о руссійскихъ книгахъ.

ПОЭЗИЯ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ :
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
Борзыхъ прыгающихъ на сворахъ.
Выходятъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень запылушый на нёмъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ плапучкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.

★ ★

Волкъ мужу подвели коня;
 Онъ холку хватъ и въ спрема ногу,
 Кричишь женѣ: не жди меня!
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно: грязь, ненастье,
 Осенній вѣперъ, мѣлкій снѣгъ,
 Да вой волковъ. Но по-шо счастье
 Охошнику! не зная нѣгъ,
 Въ опѣвѣжемъ полѣ онъ гарцуешъ,
 Вездѣ находишь свой ночлегъ,
 Бранишся, мокнешъ и пируешъ
 Опусшощительный набѣгъ.

А что же дѣлаешъ супруга,
 Одна въ опсущощивіи супруга?
 Заняшій мало ль ешь у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывашъ обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣшишь что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!

Мужъ просто звалъ ее Напаша,
 Но мы — мы будемъ называть
 Напашья Павловна), къ несчастью,
 Напашья Павловна совсѣмъ
 Своей козлістпенною часпью
 Не занималась, зашѣмъ,
 Что не въ опеческомъ законѣ
 Она воспшпана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Севпиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Или переписка двухъ семей —
 Романъ классической, спаривной,
 Опшѣнно длинной, длинной, длинной,
 Правоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ зашѣй.

Напашья Павловна сначала
 Его внимательнo читала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею шико занялась.

Кругомъ мальчишки хохотали :
 Межь пѣмъ печально подь окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выпсупали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣшухомъ ;
 Три ушки полоскались въ лужѣ ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсиль на заборъ ;
 Погода спановилась хуже :
 Казалось, снѣгъ пшши хопѣтъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвѣтъ.

Кпо долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, шоптъ вѣрно знаешъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальней
 Порой волнуешъ сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдешъ запоздалой,
 Товарищъ юности удалой?...
 Ужь не она ли?... Боже мой!
 Воптъ ближе, ближе. Сердце бѣшся...
 Но мимо, мимо звукъ несешся,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжитъ, обрадована звону, ..
 Глядитъ и видитъ : за рѣкой
 У мѣльницы коляска скачелтъ,
 Воптъ на мосту— къ намъ шочно... вѣтъ,

Поворопила вѣво. Всѣдъ
Она глядишь и тушь не плачешь.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
Кпо памъ? скорый! Вонъ памъ коляска:
Сей часъ везти ее на дворъ
И барина просишь обѣдашь!
Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдашь!
Скорый, скорый!

Слуга бѣжитъ.

Напалья Павловна спѣшитъ
Взбипъ пышный локонъ, шаль накинушь,
Задрнушь завѣсъ, спулъ подвинушь,
И ждешь: да скоро ль, мой Творецъ!
Вошь ѣдушь, ѣдушь наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненный, печальной
Кой-какъ шащицца экипажъ;
Всѣдъ баринъ молодой хромаешь;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоришь: allons, courage!
Вошь у крыльца; вошь въ сѣни входяшь.
Покамъспъ барину шеперь
Покой особенный опшводишь
И наспежъ опшворяють дверь.

Пока Ricard шумишь, хлопчешь,
 И баринъ одѣваться хочешь;
 Сказалъ ли вамъ, кто онъ шаковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краёвъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казашъ, какъ тудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдегъ онъ пеперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цѣпныхъ плапковъ, чулокъ à jour,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ пепрадио злыхъ каррикатуръ,
 Съ романомъ новымъ Валперъ-Скоппа,
 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ мопшвами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужь сполъ накрышь; давно пора;
 Хозяика ждегъ неперпѣливо;
 Дверь опворилась; входилъ графъ;
 Наталья Павловна, привспавъ,
 Освѣдомляется ушпиво,
 Каковъ онъ, что нога его?
 Графъ опѣвчашгъ: ничего.

Идушь за споль; вопшь онъ саднися,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаешъ разговоръ:

Свящую Русь бранишь, дивнися
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалбешъ о Парижѣ страхъ.

« А что шеашрь? » — О! спрошбешъ,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слаббешъ,
 И мамзель Марсь, увы! спарбешъ.
 За то Пошь, *le grand Potier!*

Онъ славу прежнюю въ народъ
 Дожынъ поддержаль одинъ. —

« Какой писашель нынче въ модъ? »

— Все *d'Argincourt* и Ламаршинъ. —

« У насъ имъ также подражаютъ. »

— Нѣтъ! право? такъ у насъ умы

Ужъ развивашься начинаютъ?

Дай Богъ, чшобъ просвѣщилась мы; —

« Какъ шальи носятъ? » — Очень низко,

Почши до... вопшь по эшнжъ поръ.

Позвольте видѣть вашъ уборъ;

Такъ... рюши, баншы, здѣсь узоръ;

Все это къ модъ очень близко. —

« Мы получаемъ Телеграфъ. »

— Ага! копите ли послушанъ

Прелеспный водевь? — И графъ

Поестъ. «Да, графъ, извольте жь кушать.»
— Я слышъ. — «И шакъ...»

Изъ-за спола

Вспаюнтъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижъ забывая,
Дивился, какъ она мила.
Проходишь вечеръ непримѣнно;
Графъ самъ не свой; козялки взоръ
То выражается привѣшно,
То вдругъ популенъ безоувѣшно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпишь слуга въ передней,
Давно поестъ пѣлухъ сосѣдній,
Въ чугуину доску спорожъ бьешъ;
Въ госпоиной свѣчки догорѣли.
Нащамъ Павловна вспаешъ:
Пора, прощайте! ждущъ постели.
Приятный сонъ!... Съ досадою вспаешъ,
Полувлюбленный, нѣжный графъ
Цѣлуешъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не веделъ?
Проказница — проси ей, Боже! —
Тихонько графу руку жмешъ.

Напалья Павловна раздѣла;
 Споминь Параша передь ней.
 Друзья мои! Параша эта
 Наперсница ея залѣй
 Шьеть, моеть, вѣспи переносить,
 Изношенныхъ капоповъ просить,
 Порою барина смѣшитъ,
 Порой на барина кричитъ,
 И лжеть предъ барыней отважно.
 Теперь она полкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдашь какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила кофлу и чепецъ,
 Легла и вышши вонъ вѣхла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣль уже совсѣмъ.
 Ложился онъ, сигару просить,
 Monsieur Picard ему приносятъ
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣщильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

— Въ постель лежа, Валперъ-Скопша
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но Графъ душевно развлеконъ:
 Неугомонная забота
 Его сопровожде; мыслишь онъ:
 Не ужь-шо вправду я влюбленъ?
 Что, если можно?... вопль забавно;
 Однакожь это было бѣ славно;
 Я, кажется, хозяйкѣ миль —
 И Нулпнѣ свѣчку погасиль.

Несносный жаръ его объемлетъ,
 Не спится графу; бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечпой
 Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный спанъ,
 Приятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ: точно, точно пакъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ бы оспаться съ нею,
 Довипнѣ минушнюю зашью.

Но время не ушло: теперь
 Ошворена конечно дверь —
 И шопчасъ, на плеча накинувъ
 Свой песпрый шелковый халатъ
 И спулъ въ пошемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладосныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиній новый
 Ошправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый копъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идѣтъ,
 Полузажмурясь подспунаешъ,
 Свернешся въ комъ, хвостомъ играешъ,
 Разинешъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ пошемкахъ бродитъ,
 Дорогу оцупью находитъ;
 Желаньемъ пламеннымъ помимъ,
 Едва дыханье переводитъ,
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Волкъ онъ подходитъ
 Къ завѣшной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь шихо, шихо усступаситъ;

Онъ смолриптъ : лампа чупь гориптъ
 И блѣдно спальню освѣщаептъ ;
 Хозяйка мирно почиваептъ
 Иль припшворепся , чпо спиптъ .

Онъ входиптъ , медиптъ , опспунаептъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ .
 Она... Теперь , съ ихъ позволенья ,
 Прошу я Пепербургскихъ дамъ
 Предспавиптъ ужась пробужденья
 Напальи Павловны моей
 И разрѣшиптъ , чпо дѣлаптъ ей ?

Она , опкрывъ глаза большіе ,
 Глядиптъ на графа — нашъ герой .
 Ей сыплептъ чувства выписныя
 И дерзновенною рукой
 Уже руки ея коснулся...
 Но пуптъ опомнилась она ;
 Гнѣвъ благородный въ ней проснулся ,
 И честной гордоспип полна ,
 А впрочемъ , можептъ быптъ , и спраха ,
 Она Тарквинію съ размаха
 Даептъ пощечипу , да , да !
 Пощечипу , да вѣдь какую !

Сгорѣлъ графъ Нулинъ опъ спыда,
 Обиду проглотивъ шакую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой спрашною пылая;
 Но шницъ космашый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышавъ графъ ея походку
 И проклиная свой ночлегъ
 И своенравную красотку,
 Въ поспыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ оспальную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возспавъ поупру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣниво;
 Ошдѣлкой розовыхъ ногшей
 Зѣвая занялся небрежно,
 И галспукъ вяжетъ неприлежно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ сприженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопшь его позвали къ чаю.
 Чшо дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой спыдъ и шайный гябъ,
 Идетъ.

Проказница молодая,

Насмѣшливый пошупя взоръ
И губы алыя кусая,
Заводящъ скромно разговоръ
О помѣ, о семь. Сперва смущенный,
Но поспешенно ободренный,
Съ улыбкой опивчается онъ.
Получаса не прошло,
Ужъ онъ и шупингъ очень мило
И чупъ ли снова не влюбленъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входящъ. Кто же?
« Напаша, здравствуй. »

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вошгъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулингъ. —

« Радъ сердечно я.

Какая скверная погода:
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ гошовый экипажъ.
Напаша! шамъ у огорода
Мы заправили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу опивдаться:
Прислали намъ издалика.
Вы съ нами будете обѣдаться?
— Не знаю, право, я спѣшу. —

«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, госпнямъ мы рады,
Нѣтъ, графъ, оспаньшесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды поперявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужь подкрѣпивъ себя спаканомъ,
Пикаръ кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивашъ сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикаръ все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка,
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣ всего
Съ Напалъей Павловной смѣялся?
Не угадашь вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень эпимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,

Молокосось; что если шакъ,
 То графа онъ визжасть заставишь;
 Что псами онъ его заправишь.
 Смѣлся Лядинъ, ихъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати прехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 Супругу вѣрная жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

А. Пушкинъ.

М О Р Е.

Какъ спая гордыхъ лебедей,
 На синемъ морѣ волны блещутъ,
 Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
 По стройной прихоти своей.
 Какъ уливается мой слухъ
 Ихъ говоромъ необычайнымъ,
 Какъ сладко предается духъ
 Мечтамъ плѣнительнымъ и шайнымъ.

Такъ ! древности постигъ теперь
 Я баснословную свящину:
 О волны ! красоты богиню
 Я признаю за вашу дочь !
 Такъ , вѣрю : родилась она
 Изъ вашей колыбели зыбкой ,
 И пробудила мѣръ опъ сна
 Своею свѣжею улыбкой .

Такъ , вѣрю : здѣсь явилась ты ,
 Очаровательница міра !
 Въ прохладѣ влажнаго сафира ,
 Въ стихіи свѣтлой чистоты .
 Намъ чистымъ сердцемъ внушены
 Прекрасныхъ таинствъ опкровенья :
 Изъ лона чистой глубины
 Явилась ты , краса шворенья .

И въ наши спрогя лѣта ,
 Лѣта существенности лютой ,
 При насъ однѣхъ , хопя минувшей ,
 Вновь забывается мечта !
 Не смѣли измѣнишь вѣка
 Вашъ образъ свѣтлый , вѣчноюный ,
 Ни смертныхъ хищная рука ,
 Ни рока грознаго перуны !

★ ★

Въ вась нѣтъ слѣдовъ жишейскихъ бурь,
 слѣдовъ бузумства и гордыни,
 И вашей дѣспвенной свяпыни
 Не опозорена лазурь.
 Кровь ближнихъ не дымится въ ней;
 На почвѣ, смершнымъ непослушной,
 Нѣтъ мрачныхъ знаменій спрасшей
 Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

И если смертный возмунишь
 Вашъ миръ преснупною опвагой,
 Вы очиспительною влагой
 Спѣшите смышь мгновенный спыдь.
 Опринупый изъ чуждыхъ нѣдръ,
 Онъ поглощаемъ шумной бездной:
 Такъ пипна облачныя въшрѣ
 Смешаетъ гнѣвно съ сѣни звѣздной!

Людей и времени раба,
 Земля соспарфлась въ неволь:
 Шушя ея играющъ долей
 Владыки, вѣки и судьба.
 Но вы все шѣжь, что въ день чудесь,
 Какъ солнце первое въ вась пало,
 О вы, незыблемыхъ небесъ
 Пенарушимое зерцало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣтлѣетъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачно-влажной красотѣ.
 Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
 Вершины волнъ горятъ игривѣй,
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Еще душѣ краснорѣчивѣй!

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣпятъ сны,
 Давно померкшіе въ туманѣ,
 Которые такъ ясно ранѣ
 Горѣли въ небѣ спарины.
 Изъ волнъ, цѣлующихъ ее,
 Миѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы:
 Въ нихъ слышно прежнее бытѣе,
 Какъ лѣтъ младенческихъ напѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлятъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга,
 Всѣ чувства межъ собой мирятъ.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразишелецъ сей лепетъ:
 Онѣ пробудилъ въ душѣ моей
 Воспорговъ тихихъ сладкій шепетъ.

Какъ звучно льнешь зефиръ къ спрунамъ,
 Игравъ арфою воздушной,
 Такъ и въ душѣ моей послушной
 Есть опзывъ гѣснямъ и мечшамъ.
 Волшебнo забываешь умъ
 О настоящемъ, мысль гнѣпущемъ,
 И въ сладоспраспьи спройныхъ думъ
 Я весь въ пропекшемъ, весь въ грядущемъ.

Сюда, поэзиі жрецы!
 Сюда, сущесшвенности жерпвы!
 Кумиры ваши здѣсь не мерпвы
 И не померкли ихъ вѣнцы.
 Про васъ поэзія хранишъ
 Свои преданья и повѣрья;
 И здѣсь, гдѣ море вамъ шумитъ,
 Святыни свѣщлыя преддверья!

Кн. Вяземскій.

Э Л Е Г И Я.

Есть наслажденье и въ дикости лѣсовъ,
 Есть радость на приморскомъ брегѣ
 И есть гармонія въ семь говорѣ валовъ,
 Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
 Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забываться
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ спалъ подѣ холодомъ годовъ;
 Тобою въ чувстввахъ оживаю:
 Ихъ выразишь, душа не знаетъ спройныхъ словъ,
 И какъ молчалъ объ нихъ, не знаю.

К. Батюшковъ.

НА СМЕРТЬ В... ВА.

Дѣва.

Юноша милый! на мигъ ты въ наши игры вмѣшался!

Розъ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и
пѣсень,

Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ,
какъ ты.

Роза.

Дѣва, не плачь! я на прахъ его въ красотѣ раз-
цѣпаю.

Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ
другимъ ;

Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвица оправдала!

Счастливецъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловь-
иный и мой!

Баронъ Дельвицъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

И З Ъ

БОРИСА ГОДУНОВА.

1604. 16 Октября.

Граница Липовская.

*Кн. Курбскій и Самозванецъ, оба вер-
тами. Полки приближаются къ границѣ.*

КУРЬСКІЙ (прискакавъ первый.)

Вошь, вошь она! вошь руская граница!

Святая Русь! опечесство! я швой!

Чужбины прахъ съ презръньемъ отряжаю

Съ мойкѣ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:

Онъ мнѣ родной!... Теперь швоя душа,

О мой отецъ, упѣшился — и въ гробъ

Опальныя возрадуются кости!

Блеснулъ опять наследственный нашъ метъ ,
 Сей славный метъ , гроза Казани темной ,
 Сей добрый метъ , слуга Царей Московскихъ !
 Въ своемъ шпру теперъ онъ загуляешъ ,
 За своего Надежу-Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ (*ѣдетъ тихо, съ
 поникшей головой.*)

Какъ счастливъ онъ ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась !
 О вишязь мой , завидую тебѣ :
 Сынъ Курбскаго , воспитанный въ изгнаньи ,
 Забывъ опцемъ снесенныя обиды ,
 Его вину за гробомъ изкупивъ ,
 Ты кровь излилъ за сына Иоанна
 Гоповишься , законнаго Царя
 Ты возвратишь опечеслву.... Ты правъ :
 Душа швоя должна пылать весельемъ.

КУРЬСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ ?
 Болтъ наша Русь : она швоя , Царевичъ !
 Тамъ ждуть тебя сердца швоихъ людей ,
 Твоя Москва , швой Кремль , швоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь руская, о Курбскій, помечетъ.
 Вы за Царя подъяли меть: вы чисты!
 Я васъ веду на брашневъ; я Липву
 Позвать на Русь, я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣшную дорогу!...
 Но пусть мой грѣхъ падетъ — не на меня —
 А на себя, Борисъ цареубійца!
 Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!...

(Скажутъ. Полки переходятъ черезъ границу).

А. Пушкинъ.

БЕЗВѢСТНОСТЬ.

За днемъ сбывая день въ невѣдомомъ углу,
 Люблю моей судьбы хранишельную мглу.
 Зброшенная жизньъ, по волю Провидѣнья,
 Оцлопомъ спала мнѣ опть бурнаго волненья.
 Непраздно погубя безпечность и досугъ,
 Я вымѣрялъ уму законный дѣйствій кругъ:
 Онъ тѣсенъ и закрытъ; но въ немъ безъ искушенья
 Кладу любимыя мои напечатлѣнья.
 Лампада темная въ безмолвіи ночей
 Такъ изливаель свѣтъ чупъ видимыхъ лучей;
 Но въ нѣдрѣ тишины спокойно догараель
 И темный свой предѣлъ до ушра освѣщаель.

Плетневъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Т. С. ВѢМРВ — ОЙ.

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ!
Гдѣ я любилъ, гдѣ опчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ проспаясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣшь мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей,
И сколько нѣтъ шеперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ!

Лежапъ и мнѣ въ землѣ сырой;
 Напѣвъ унывный надо мной
 Въ долину вѣсперъ разнесетъ;
 Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
 И ужъ не я, а будешь онъ
 Въ раздумьѣ пѣшь вечерній звонъ!

И. Козловъ.

Ф И Р Д О У С И.

Любимый гордымъ властелиномъ,
 Въ садахъ гарема ходилъ онъ,
 Одеждой пышной облечонъ,
 Въ чашѣ, убитчанной рубиномъ.
 Къ его напѣвамъ клонилъ слухъ
 Славолюбивый повелитель,
 Гдѣ онъ — тамъ радости обитель.
 Гарема грустная обитель.

Но день величїя бѣжитъ ,
 Какъ день печальнаго забвенья !
 Пѣвецъ , пѣвецъ ! и пы забытъ ,
 И носишь его посрамленья !
 Пески , пуспыни изходнѣъ ,
 Влечешь пы дни свои , какъ цѣпи ,
 И какъ безжизненныя степи ,
 Ты спалъ и дикъ и молчаливъ .

Ты жаждалъ смерти — и рыдая ,
 Твой жадный прутъ сокрытъ онецъ .
 И усладила швой конецъ
 Слеза участїя родная !
 Скажи , пѣвецъ , что слава ? — « Дымъ ! »
 Людей мудрецъ холодный учитъ ;
 Ахъ , нѣтъ ! кто славой былъ помимъ ,
 Безъ славы жизнью накупишь .

А. Подолнскій.

У Ч А Н Ъ - С У (*).

(Посвящается Аннѣ Евстафьевнѣ
Удомъ).

Шуми понокъ! стрѣлой несися!
Съ скалы гранишной и крушой
Опважно падай и дробисл
Жемчужной, серебряной росой!

Души вниманьемъ углубленный,
Люблю немолчныхъ водъ однообразный шумъ!
Твоей гармоніей плѣненный,
Питаю пламень чистыхъ думъ.

Не скованъ въ мраморной пещницѣ,
Подъ сводомъ золотымъ въ черногохъ не журча,
Ты не ласкаешь слухъ усталый богача
Или сѣдой порокъ въ парчѣ и багрянницѣ.

(*) Такъ называютъ Татары водопадъ, находящійся въ горахъ на южномъ берегу Тавриды, въ разсходниѣ оныя Ялтѣ на одинъ часъ ъзды.

На персяхъ машери своей,
 Природы кѣрный сынъ, свободный, силы полный,
 Пустынные пы кашнишь волны
 Во глубину морскихъ зыбей.

Твоя прозрачная и свѣжая Нада
 Даришь прохладой лѣсъ священный и нѣмой,
 И жажду пламенную спада
 Поишь спуденою струей.

Успалый пупыкъ отдыхаетъ,
 Тобою сладко обаятъ,
 И уходя, благословляетъ
 Гостеприимный шбой фонпанъ.

Внимательный и на руку склоненный,
 Въ своихъ задумчивыхъ мечлахъ,
 Тебя привѣтствуетъ пловець уединенный,
 Несомый вдоль береговъ на легкихъ парусахъ....

Подъ крыльями парящей непогоды
 Съ двойною силою кляпшишь, пошокъ съдой!
 И съ моремъ соглася свой дикій вопль и вой,
 Ты празднуешь гремящій пиръ природы.

Когда жь въ полуденныхъ лучахъ
 Царь дня среди небесъ безоблачныхъ сияеть,
 Тирански властвуя на сушѣ, на водахъ,
 До полюсовъ лице земли возпламеняеть ;

Играя въ радугахъ и пышно озареньъ,
 Очамъ являешься ты лентой изумрудной ;
 Уединенный, дикій, чудный —
 Ты-веніемъ сираны любимъ и охранень.

Свѣтъ прона солнцева въ кристалъ водъ разлился
 И въ зеркалѣ твоемъ лучъ знойный припухлся ;
 И впечатлѣмъ зефиръ на лонѣ быспрыхъ струй
 Благоуханный поцѣлуй....

Но нѣкогда твои струи багрились,
 Окрескъ пылалъ воинспвенный пожаръ,
 И русской кровью здѣсь упились
 Кинжалы мстительныхъ Тапаръ.

Глубокая волна ихъ струпы поглотила ;
 Но гибель ихъ спокрасть побѣда изкупила !
 И нынѣ ужь въ поддневный зной,
 Тапаривъ мирный и безпечный,
 Обвѣянь пѣгою въ тѣни деревъ густой
 На русской сплеть землѣ подѣ шумъ и говоръ твой...

Шуми пошокъ! спрѣлой несся!
 Съ скалы гранишной и крушой
 Отважно падай и дробися
 Жемчужной, серебряной росой!

Передъ побой воспоминашь

Свѣжипъ о сижь спранахъ завѣтное преданье:
 На нихъ означены свободныя бразды
 Корыстной Греціи или Римлянъ шруды.

Торговли урну здѣсь вращала
 Власполобивая рука Венеціанъ,
 И въ нѣдра Европейскихъ спранъ
 Рѣкой сокровища Востока пропвала.
 Здѣсь гордо развѣвалъ, морями овладѣвъ,
 Адриатическій ихъ левъ.

Завидуя спранъ обильной и прекрасной,
 Неся съ собою рабства плѣнь,
 По ней прошли толпы враждующихъ племень;
 Ихъ слѣдъ кровавый и ужасный
 На почвѣ Тавріи глубоко впечатлѣнь.

Но побѣдителей и побѣжденныхъ
 Забвенью равному здѣсь кости преданы;
 И на могилахъ безыменныхъ,
 Густой правого заглушенныхъ,
 Спишь геній темной спарины....

★ ★

Увы! среди престога и суетныхъ волненій
 Попокомъ времени народы прошекутъ,
 И волны новыхъ поколѣній
 Покроютъ землю — и пройдутъ!

Ничпожества въ густомъ туманѣ
 Такъ гибнешь легковѣрный свѣтъ,
 Какъ исчезаетъ въ Океанѣ
 Бѣгущихъ струй минушній слѣдъ!

Шуми попокъ! стрѣлой несися!
 Съ скалы гранишной и крупной
 Отважно падай и дробися
 Жемчужной, сребрягой росой!

Зайцевскій.

Т Р И С О Н Е Т А .

(Изъ Мицкевича).

І. А К Е Р М А Н С К І Я С Т Е П И .

Вплывя въ пространнѣй кругъ сухаго океана,
 Повозкой, какъ ладьей, я зыблюсь межъ цѣпиновъ
 Въ волнахъ шумящихъ нивъ, въ безбрежности лу-
 говъ,
 Мпную острова багряные бурьяна. —

Ужь смерклось, впереди ни пропки, ни кургана;
 Ищу на небѣ звѣздъ, вожагаевъ пловцовъ:
 Тамъ блещетъ облако — шо Дивспръ межъ береговъ,
 Тамъ вспыхнула заря — шо фарось Акермана.

Какъ шуха! подождемъ! мнѣ слышится вдали,
 Чуть зрима соколу, какъ вьются журавли,
 Какъ легкой мотылькѣ на правкѣ колькнется,
 Какъ скользкой грудью змѣй касается земли:
 Предѣловъ чуждѣ, въ Липву мой жадный слухъ
 несется....

Но ѣдемъ далѣе, никуда не опзовется.

2. П Л А В А Н І Е.

Морскихъ тудовищъ сонмъ воспрянулъ, шумъ раз-
 дался,

Готовытесь въ пупъ! пловець поварщикамъ кри-
 чить,

Взбѣжать по вервямъ, просперся въ нихъ, виснущъ
 И, какъ паукъ, въ сѣняхъ невидимыхъ запыкался.

Вѣшрѣ; двинулся корабль и съ удила сорвался,
 На волны наспушилъ — хлябь спонешъ и кипишъ!
 Онъ вью занеся, сквозь облака лепнишъ,
 Подъ крылья забралъ вѣшрѣ, за край небесъ помчался.

Съ порывомъ машитъ, душой по безднамъ я лету;
 Какъ парусъ, напряглось мое воображенье
 И вшорипшъ кликъ толпы невольно восхищенье.
 Приникнувъ къ кораблю, я руки вдали мечу
 И грудью быспрошы придаю ему хоту:
 Легко мнѣ, весело, понятно пишица царенье.

3. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЬ.

Наслѣдье Хановъ ! ты ль добыча пустошы ?
 Змѣй вѣшся, гады памь кишашь среди свободы,
 Гдѣ рабство прахъ челоуъ смешало въ древни годы,
 Гдѣ былъ чершого прохладъ, любви и красоты !

Въ цвѣпныя окна плюощь проросшіе листы
 Разкинувь по стѣнамъ и занавѣскѣмъ своды,
 Созданіе людей во имя взялъ природы
 И пишешь вѣщій перспѣ : развалина !

Лишь ты ,

Фоншанъ гарема ! живь среди храминъ мертвыхъ
 нынѣ ,

Перловы слезы льешь , и слышитсѣ въ пустынь,
 Изъ чаши мраморной журчитъ волна пивоя :
 Гдѣ пышность ? гдѣ любовь ? Въ величїи, въ гордынь
 Вы мнили вѣки жипь — уходитъ вмѣгъ спруя :
 Но ахъ ! не спало васъ ; журчу, какъ прежде я. —

А. Иллгевскій.

ПЧЕЛА И МОТЫЛЕКЪ.

Нарцисъ въ цвѣту — къ нарцису вьется
 Пчела и пестрый мотылекъ ;
 Нарцисъ завяль , нарцисъ поблекъ —
 И одинокимъ остаеся
 Печальный, грустный слепелекъ.

M.

КЪ ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА.

Душой поэтъ , мудрецъ ученъемъ
Онъ покоришь природу и языкъ :
Въ стихахъ небесь достигъ паренъемъ ,
Умомъ — земную, глубь проникъ.

А. Иллитевскій.

**КЪ ЧАСАМЪ,
ПРИ ОТСЫЛКѢ ИХЪ СЕСТРѢ.**

Принадлежа сестрѣ моей,
Ходите вѣрно, поспомяно
И пѣмъ мои вы чувшва къ ней
Напоминайте непрестанно;
День мѣря спрѣлкой золошой,
Исполните родныхъ моленье:
Любви назначьте часъ, другой,
А дружбѣ каждое мгновенье.

А. Иллѣевскій.

К Ъ Н Я Н Ъ.

Съѣшь Родионовна, забуду ли себя ?
 Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
 Я покидалъ для ней и славу и науки
 И Нѣмецъ, и сей градъ Профессоровъ и скуки,
 Ты, благодарная хозяйка сѣни шой,
 Гдѣ **, несраженъ суровою судьбой,
 Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
 Священнодѣйствовала при алтарѣ Камены —
 Всегда, привѣтами сердечной добропы,
 Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
 Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ льна,
 Ходилъ я навѣщать великаго поэта
 И мнѣ сопутствовала пріятель давній пивой,
 Ареевыхъ наукъ шпшомецъ молодой.
 Какъ сладостно пвое святое хлѣбосольство,
 Нашъ баловало вкусъ и жажды своевольство,
 Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
 Ты набирала намъ зашѣйливый обѣдъ!
 Сама и водку намъ и брашна подавала,

И софы и плоды и вины уставляла
 На милой лѣсной спариннаго стола!
 Ты занимала насъ — добра и весела —
 Про спародавникъ баръ плѣнительнымъ разговоръ:
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
 Твоихъ безхитросныхъ суждений и похвалъ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотной —
 И легкіе часы летѣли беззаботно.

Н. Языковъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Обристый, блѣдный и худой,
 Занявъ половину у сосѣда,
 По Петербургской мостовой
 Онъ ищетъ славы и обѣда.

**

ПСАЛОМЪ LXII.

Кого предъ утренней зарёю
 Ищу , какъ жаждущій воды ?
 Кому полночною порою
 Перескажу мои бѣды ?
 По комъ душа въ поскѣ ? и тѣло
 О комъ и сохнетъ и болитъ ?
 Въ чей горній домъ , въ порывѣ смѣломъ
 Мой духъ съ молитвою глядитъ ?
 Тебя , мой Царь надъ высоками ,
 Моей судьбы держащій нить ,
 Такъ сладко мнѣ хвалишь уснами ,
 Такъ сладко всей душой любилъ !
 Какъ гость роскошныя прачезы ,
 Я веселюсь въ Твоей любви :
 Пою и лью въ блаженствѣ слезы
 И жизнь кипитъ въ моей крови !...
 Когда злодѣи въ меня спрѣлами
 И пращю и копьемъ мешали ,

Ты Самъ защитными крилами
 Меня средь сѣчи одѣвалъ!
 Моя душа къ Тебѣ прильнула
 И, подъ свяшой Твоей рукой,
 Опъ дольней жизни отдохнула
 И горній свѣдала покой.
 Пускай искашь злодѣи рвущся
 Меня, съ огнемъ во пѣмѣ ночей;
 Запнухся самъ... и пробьюхся
 На острия своихъ мечей!...
 А Царь, ходя въ защитномъ Богѣ,
 Поидесть съ высотъ на высоты,
 Разпогчетъ гадовъ на дорогѣ,
 И злоязычной клеветы
 Запретъ уста злыми перпѣемъ,
 И возгласитъ о Богѣ пѣемъ,
 Ударитъ радосно въ тимпанъ:
 Онъ какъ женихъ возвеселился
 И звонкій гласъ его промчитъ
 До позднихъ лѣтъ, до дальнихъ странъ.

Θ. Глинка.

Къ П. А. Пл — ву,

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(Отрывокъ).

Мой другъ! себя не довѣряя —

Примѣла скромная пшомца Музъ младаго.

Такъ юные орлы, съ гнѣзда слѣпѣвъ роднаго,

Полепа къ солнцу вдругъ не смѣютъ пзыпнать;

Царяпъ, но по слѣдамъ опцовъ ширококрылыхъ.

Могутихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,

Ввѣрлся ны младымъ еще криламъ;

Но въ шрудныхъ опысахъ не поспыдпль ихъ силы.

На что жъ ны одаренъ сей силой не земной?

Чтобъ смѣлое внушашъ другимъ лишь помышленье?

Чтобъ пѣвъ великихъ душъ побѣды надъ судьбой?

А первому блѣднѣть подъ первую грозой

И дасть въ пѣвцѣ узрѣть души его паденье?...

Мужайся, другъ! себя бѣдами не спраши,

Воюй съ враждебною судьбою;

И не унизишь ей возвышенной души,

И року шоржества не видѣшь надъ побою !
 Гордись, пѣвецъ ! высокъ пѣвцовъ удѣлъ !
 Земная власть его не дастъ и не опшнметъ.
 Богатство, знашность, честь — могила имъ предѣлъ
 Но дара Божія мракъ гроба не обшнметъ.
 Богачъ, склоняя чело предъ Фебовымъ жрецомъ :
 Онъ имя смертное свое увѣковѣчшъ,
 И въ мракъ гробовомъ
 Онъ данъ тебѣ попомства обезпечитъ. —
 Что былъ бы гордый Меценатъ
 Безъ пѣсней Флакка и Марона? —
 Въ могилу брошенный изъ золопыхъ палашъ,
 Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,
 Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
 Копорый весь свой темный вѣкъ
 Подъ шалашемъ свое оплакиваетъ бѣдство,
 Печальное опцевъ наслѣдство !
 И ты, богиня сынъ, и ты Пелидъ герой !
 Лежалъ бы подъ землей вѣмой,
 Какъ смертный безыменный,
 И вѣки бѣ долгіе забвенія считалъ ;
 Когда бѣ пророкъ Хіуса вдохновенный
 Безсмертіемъ тебя не увѣчалъ. —

 Опъ Музь и честь и слава земнороднымъ ;
 Гордись, пшпонецъ Музь, удѣломъ превозходнымъ !
 Но, если гений швой,

Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ
 И хладомъ душъ, не съ пѣмъ ужь духомъ, славы
 жаднымъ,

Гладишь на путь прекрасный свой,

Невольнo унываешь

И крылья опускаешь,

Убийственнымъ сомнѣньемъ омраченъ,

Не щедно ли вспулилъ на путь опасный онъ?

Не щедно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэта?

И молча ждешь нельспиваго опѣша.....

Мой другъ, не ошь толпы и грубой и сѣной

Владыка лиры вдохновенной

Услышишь судъ прямой

И голосъ истины священной;

И не всегда его услышишь ошь друзей:

Сѣные мы рабы сѣныхъ своихъ спрашей.

Приспрашенъ, другъ, и я къ спихамъ друзей-
 поэшовъ,

Прощаю грѣшный спихъ за слово для души. —

Счастливъ, кто самъ, спрашей своихъ въ пиши,

Приспраше дружескихъ почувсвуетъ совѣшовъ.

Самъ поэпическихъ судья грѣховъ своихъ,

Мараешь часто онъ хваленый другомъ спихъ.

О! ешь, мой другъ, и опытъ убѣждаешь,

Если внупреннй у насъ,

Не всѣми слышимый, минупный, пихй гласъ;

Какъ вѣрно онъ хулишь, какъ вѣрно одобряешь!

Онъ совѣсть гевія , шалавпа судія.

Счастливъ , кто голосъ сей безсловный понимаетъ,
Счастливъ Димитріевъ ! что у него друзья

Въ стихахъ превозносили ,

То чувства спрөгя поэпа осудили (*).

Любимцемъ Музъ увѣренъ я ,

Что ваша совѣсть намъ есть лучшей судія. —

Довѣренность къ друзьямъ , но не слѣпая вѣра!

И. Гнѣдичъ.

(*) И. И. Димитріевъ многія цѣлыя пьесы уни-
чтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихотво-
реній.

Э Л Е Г И Я.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она помилась, увядала...
Увела наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая пѣнь уже лепала;
Но недоступная черта межъ нами естъ.
Напрасно чувствво возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вошь кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, помпшельной лоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной пѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

А. Пушкинъ.

★ ★

ДВѢ ОДЫ ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

ОДА 5. кн. II.

..... *tolle cupidinem*
Immitis uvæ : jam tibi lividos
Distinguet Autumnus racemos
Purpureo varius colore.

Не опрѣшай огъ вѣпки молодой
 Незрѣлыхъ кистей винограда !
 Дай имъ dospѣть въ приютъ сада.
 Когда проникнешъ шеплою ,
 И зарумянишь ихъ осеннее свѣшало ;
 Когда въ безжизненномъ , въ безсильномъ ихъ
 стеблѣ ,
 Вдругъ закипитъ и жизнь и сила ;
 Когда ихъ сочный плодъ наклонится къ землѣ ;
 Тогда, рукою терпѣливой ,
 Въ угоду жажды ихъ сорви !....

Она днпя, — нѣшь чувства, нѣшь любви
 Въ очахъ Ликориды спыдливой!
 Въ ея груди желанье спить;
 Но протекуть спрѣлою годы,
 И для себя, рука самой Природы
 Сей виноградъ желанный возраститъ !

КЪ Л И Д І Ъ.

Ода 25, кн. I.

*Parcius junctas quatunt fenestras
 Ictibus crebris juvenes protervi....*

При блескъ свѣточей, полуночной порою,
 У твоего, прелестница, окна,
 Бывало юноши собиралися полною;
 А ты, покинувъ ложе сна,
 Въ полупрозрачной имъ являлася одеждѣ;
 Привѣшливо имъ опворяла дверь,
 Манила ихъ къ восторгамъ, — а шеперь
 Ужь не поюшь себя, какъ прежде:
 « О Лидія! проснешься ль ты ?

Не мучь меня напраснымъ ожиданьемъ!

Дай мнѣ прервань твою мечту
Моимъ пылающимъ лобзаньемъ!»

Повѣрь, не послушится вновь
Въ свое окно твой другъ неблагодарный!

Другая Лидія при немъ твою любовь

Извинитъ насмѣшкою коварной.

Смотри безъ слезъ, какъ онъ въ ея вѣнокъ

Зеленый плющъ и свѣжій миртъ влѣпаетъ,

И въ жадный Гебръ, — поблекшій твой цвѣтокъ

Безъ сожалѣння бросаетъ!

В. Вердеревскій.

П А Р Т И З А Н Ы.

(Отрывокъ).

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
 Опрядъ наѣздниковъ сидитъ.
 Окрестность вся въ сѣдомъ шуманѣ;
 Крутомъ осенній вѣпръ шумитъ,
 На пускмый мѣсяцъ набѣгаютъ
 Порой густыя облака;
 Надулась черная рѣка
 И молніи вдали сверкаютъ.

Плаци навѣшаны шапромъ
 На пикахъ, въ глубь земли воззанныхъ;
 Биваки въ сумракъ ночномъ,
 Вокругъ костровъ возпламененныхъ!
 Средь нихъ, полпами удалцы:
 Ахпырцы, Бугцы и Донцы.

Пируютъ всадники лихіе,
 Свершивъ опчаянный набѣгъ;

Заботы трудны боевыя,
 Но весель шумный ихъ ночлетъ ;
 Живой бесѣдой сокращають
 Они другъ другу часъ ночной ;
 Дѣла вождей спраны родной
 Возпоминаемъ оживляють,
 И лѣсъ угрюмый и густой
 Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ПѢСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ ;
 — Но мы не спимъ, мы надзираемъ —
 И вдругъ на спанъ со всѣхъ споронъ,
 Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбиить,
 Вразлохъ заспитнуить удалцами,
 И въ слѣдъ за ними спрахъ лешинъ
 Съ неупомимыми Донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
 Съ добычей вражеской уходимъ
 И памъ за чашей круговой
 Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаеиъ свой нощегъ,
 Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
 На нихъ нечаянный набѣгъ
 Иль неожиданная сѣча.

С Ъ Т О В А Н І Е

(Израильская пѣснь.)

Возплачь о помѣ, кто плачешъ въ Вавилонѣ!
 Его земли померкнулъ свѣплый ликъ;
 И вмѣсто арфъ, въ разрушенномъ Сіонѣ
 Предателей вснаешъ безумный крикъ.

Израиля пипомецъ вдохновенной,
 Безъ пѣсней ты! тебѣ въ ручѣ родномъ
 Не прохлаждашъ слоны окровавленной:
 Изноешъ ты на берегу чужомъ!

« Я судъ Небесъ въ день скорби призову,
 Не мнѣ земля;» душа твоя птвердила:
 « Орлу дано гнѣздо, пещера льву,
 Приюиъ рабамъ... Иакову могила! »

Василій Григорьевъ.

ОПРОВЕРЖЕННАЯ ПОСЛОВИЦА.

Когда въ собранье толстый Бруль
 Появился съ своей женою,
 Кто видя ихъ, не скажетъ: бруль,
 Чѣмъ не сошлась гора съ горою?

А. Плигевскій.

СОЛОВЕЙ.

Подъ вдохновеньемъ лѣпней ночи,
 Съ зари до упренныхъ лучей,
 Въ прохладѣ благовонной рощи,
 Дрѣдъ мечтательныхъ Орфей,
 Поетъ пустынный соловей.

И пѣснь его, какъ небо мал,
 Какъ лепетъ струй, какъ злкъ луговъ,
 На душу пайны навѣвая,
 Живитъ свѣпцлице дубровъ,
 Приютъ любимый паспуховъ.

Въ ней вся исторія поэта:
 Въ ней спракъ, надежда, радость, гнѣвъ;
 Она любовію согрѣша
 И усладаетъ сердце дѣлъ,
 Какъ романтическій напѣвъ.

Плетневъ.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ вѣжннй
 Главой поникшею сіялъ,
 А демонъ мрачннй и мяшежннй
 Надъ адской бездною лешалъ.

Духъ оприцанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ
 И жаръ невольннй умцленья
 Впервые смушно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
 И ты не даромъ мнѣ сιάлъ:
 Не все я въ небѣ ненавиждѣлъ,
 Не все я въ мірѣ презиралъ.

А. Пушкинъ.

КОНЧНА БЛАГОТВОРИТЕЛЯ.

Егова рекъ: Я міръ караю!
 И гласъ Его, какъ ярый громъ,
 По горнему пронесся краю:
 И смолкнулъ Херувимовъ сонмъ.
 Успа Карашеля-Владыки

Единой жертвы смерть произрекаю:
 Смутились Ангелы — и препешные дѣки,
 Приникнувъ къ облакамъ, крилами облекли.
 Помчался Ангелъ Испребитель;
 Сквозь небеса онъ міръ очами обнималъ;
 Онъ жертвы чистыя искалъ:
 Онъ низлещѣлъ — и міра Упѣшитель,
 Безъ шрепета на Божій гласъ,
 Какъ солнце ветра, утасъ.

П. Ободовскій.

ПРОРОЧЕСТВО О МЕССИИ.

«Изъидеть кедръ отъ корня Иессея —
 И осъвишь въ швахъ дольний мѣръ;
 Въ огнь пребудеть онъ цвѣтя и зеленѣя,
 Пришупица на немъ и лѣзвіе сѣкиръ;
 Повергнешя предъ нимъ и въперъ быспропечный,
 Ошпянешъ съ трепешомъ кипящая волна.
 Свяшныя мощною рукой охранена;
 На ней почиетъ Богъ — Егова вѣковѣчный.»
 Въцалъ Исаія — и дивны словеса
 Подвигнули Израиль сокрушенный
 И надъ вершиною Сіона вознесенной,
 Какъ радуга, зажглись небеса.
 Взвился Кедронъ среди пущыни —
 И на Салимскія швердыни
 Съ нависшихъ, омраченныхъ шуть
 Низлился благодати лучъ.

Пл. Ободовскій.

КОНЬ И ЖЕРЕБЕНОКЪ.

Б а с н я .

(Изъ Флоріана).

Конь вдовый и отецъ добрыйшій отъ природы,
 Имѣя сына одного,
 Вспомнѣ, вскормилъ его
 На шутныхъ пожилахъ, гдѣ правы, пѣнь и воды
 Избыткомъ окружали ихъ.
 Не зная мѣры, какъ ребенокъ,
 Во вкусахъ, въ прихотяхъ своихъ,
 Сверхъ сыта ѣлъ и пилъ роскошный жеребенокъ;
 Капался въ луговой травѣ,
 Скакалъ пуда-сюда безъ цѣли;
 Безъ всякой усталости, въ пѣни кудрявой ели
 Покоплся на муравѣ;
 И наконецъ заплывши жиромъ
 Нашъ юный Сибаритъ
 Пресыпясь яствами, накутивъ вѣчнымъ пиромъ,
 Съ досадою къ ошцу бѣжитъ.

« Не знаю, что-то мнѣ не по себѣ и скучно ;»

Жеребчикъ говоритъ :

« Давно не нахожу я вкуса въ снѣди пшучьей

Зеленькѣ нашихъ береговъ ;

Нѣтъ вкуса въ клеверѣ , а воды пахнутъ гнильцо ,

И душный воздухъ такъ испорченъ зноемъ , пылью

И влагой луговыхъ паровъ ,

Что нездорова мнѣ , клянусь я , почва эта.

Короче , балюшка , не переживи мнѣ дѣла ,

Когда не перейдемъ отсюда въ край другой.»

— « О сынъ мой дорогой !

За чѣмъ же спало дѣло ?

Осправимся сей часъ.» — Сказавъ отецъ въ отпѣвъ

И спранспованъ его вдалѣ съ родины ведешь.

Дорогой , на отца сынъ озираясь смѣло ,

Ржетъ , скачетъ и бѣжитъ впередъ ;

А спарецъ опытный , ступая скромнымъ шагомъ ,

Съ нимъ далѣе и далѣе идетъ ,

Горами , пропастью , оврагомъ ,

Нагою степью , гдѣ былинки не выдашь.

Вопъ вечера и пора ночлега ,

А корму нѣтъ : нашъ конь ложился шощій спать.

Подъ утро — гдѣ и прихопи и нѣга ?

Ошъ шощепы пришлось глодашь ковыль степной ,

Не прытко ужъ бѣжилъ голодный путникъ мой ,]

И въ шпрельши сутки онъ едва шагъ въ шагъ шацился.

Задавъ ему урокъ ,

Нашъ умный спаричокъ

Дорогой скрыпной въ ночь въ опчизну возвратился,

И съ нимъ родной земли бѣглець.

Коснувшись сладкихъ правъ, ихъ съ жадностью

хватаелъ

Обрадованный жеребець.

« Какое сѣно ! » восклицаетъ :

« Нашли мы лучшее изъ паспбиць, мой отецъ;

Осшанемся на немъ, прошу васъ. Гдѣ на свѣтѣ

Есть споль привольныя мѣста ?

Какія пажити ! какая красота ! »

Едва договорилъ — и въ упреннемъ разсвѣтѣ

Зазеленѣлъ предъ нимъ знакомый съ дѣтства лугъ.

Но опъ спыда и удивленья

Не вспомнѣлся нашъ конь. Отець ему, какъ другъ

Сказалъ : « не забудь, мой сынъ, правоученья :

Тотъ лучшимъ благомъ дней накутишь наконецъ,

Кшо разпочаелъ наслажденья,

А ихъ не бережешь, какъ истинный мудрецъ. »

Влад. Измайловъ.

ЖАЛОБА НА СЧАСТІЕ.

Всѣ мнѣ хопяпть добра, и всякій по неволѣ
 Моя заслуги признаешъ ;
 Что спѣю многого, я всѣхъ увѣренъ болѣ,
 Да вѣры счастіе неимешъ.

А. Иллитевскій.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ: АМИКИ.

О Камены, Камены всеяльныя!
 Вы внушили мнѣ пѣсню унылую;
 Вы взгляните: въ слезахъ Амапузія,
 Горько плачущъ Амуры и Граціи.
 Нѣптъ игривой собачки у Лидіи,
 Нѣптъ Амики, прекрасной и ласковой.
 И Діана, завидуя Лидіи,
 Любовалась неволью Амикою.

Ахъ! она была краше, игривѣе
 Рѣзвѣхъ псовъ звѣроловицы Делія.
 Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
 Лучшій шелкъ Индостана и Персїи
 Не равнялся ни лоскомъ; ни мягкостью.
 Не дѣлала Амика любви своей:
 Нѣтъ! любила одну она Лидію;
 И при ней не приближьтесь вы къ Лидіи
 (Ахъ! и ревность была ей простиительна):
 Она вскочитъ, залаепъ и кинется
 Хопъ на Марса или Зевса могучаго.
 Вотъ какъ вѣжностъ владѣла Амикою,
 И пакой мы собачки лишился!
 Какъ на рокъ не ропшашъ и не плакашся?
 Семь ужъ люспровъ сплхами жестокими
 Бавій мучилъ гражданъ и власпителей;
 А она и пол-люспра, невинная!
 Не была упѣшеніемъ Лидіи.
 Ты рыдай, пы рыдай, Амапузія,
 Горько плачьше Амуры и Граціи!
 Ужь Амика ушла за Меркуріемъ
 За Коципъ и за Лепу печальную,
 Невозвратно въ обитель Андову,
 Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбіи
 На рукахъ у Капула чирикаетъ.

Баронъ Дельвицъ.

Прим. Эпа шулка была написана въ угодность одной дамѣ, которая желала, что бы я сочинилъ на смерть ея собачки подражаніе извѣстной одѣ Капулла: на смерть воробья Лесби, прекрасно переведенной Воспоковымъ.

СИЛА НАДЕЖДЫ.

Мы всякій день поемъ все пѣсню ту же,
 Бранимъ судьбу одинъ другаго хуже;
 Но всякій день надѣмся и ждемъ
 И всякій день для завтраго живемъ.

А. Иллитевскій.

ПОСЛАНІЕ КЪ Н. Ф — у.

Я былъ на родинѣ своей,
 Гдѣ жизнь шибѣ лишь пѣсни пѣла,
 И гдѣ своихъ цвѣтущихъ дней
 Заря безоблачно алѣла.
 По прежнему своихъ луговъ
 Весенній злѣкъ благоухаетъ;
 По прежнему, вѣясь съ холмовъ,
 Ручей лѣса свои пашаетъ
 И трепещно несется въ даль.
 Тамъ Волховъ, вспоминаній полный,
 Какъ русской старины скрижалъ,
 Вращаетъ вѣковыя волны.
 Онъ — старецъ; съ упренней зарей,
 Когда слепящъ съ него туманы,
 Очнулся челны рыбарей,
 И засинѣются курганы,
 Онъ ласпится къ роднымъ брегамъ
 И носитъ на хребтѣ послушномъ
 Дары опеческимъ краямъ;

И въ зной, когда въ дубравѣ душно
 И солнце жжеть ковры луговъ
 Къ нему полпой приходятъ дѣвы ;
 Спустивъ на плечи шелкъ власовъ ,
 Ему поютъ любви напѣвы ,
 И къ лону хладному тайкомъ ,
 Рѣзвась какъ дѣши , припадаютъ ,
 И прочь , съ блискающимъ челомъ ,
 Отъ спарца шумно убѣгаютъ .

Другъ ! память о тебѣ хранишь
 И лѣсъ наслѣдственный , и нива ;
 Тамъ и пеперь , какъ вспарь , шумишь ,
 Цвѣтень развѣсисная ива :
 Твою подъ нею колыбель
 Качали тихо дѣшства боги ;
 И служъ швой нѣжила свирѣль
 Вдали отъ суепной дороги ;
 А днесъ... Пушь доблестный свершай !
 Для Руси зрѣй подъ знаменами !
 И въ дань , упѣшь родимый край
 Души высокими дѣлами ;
 Ты вспомнишь о своихъ поляхъ
 Подъ вечеръ жизни : благодарный
 Придешь къ нимъ ; мигомъ сбросишь въ прахъ
 Ярмо суешъ , спрастей коварныхъ ;

Повѣсншь заслуженный метъ
 На вѣпви праѣдовской ивы, —
 И дни твои, вполне счастливы,
 Какъ тихій Волховъ будутъ течь.

В. Григорьевъ.

С Т А Н С Ы.

Куда судьба меня зоветь,
 Иду я смѣло вѣрнымъ слѣдомъ.
 Еще душа чего-то ждетъ;
 Еще мнѣ жребій мой невѣдомъ.

Быть можетъ, счастье впереди:
 Переживу свое сомнѣнье,
 Съ надеждой пламенной въ груди
 И съ жаркой вѣрой въ Провидѣнье!

Когда нибудь услышу вновь
 Призывъ Харинъ краснорѣчивый;
 Воскреснутъ прежніе порывы,
 И къ славѣ гордая любовь!

А. Подолнскій.

НАДПИСИ

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМЪ НѢКОТОРЫХЪ
ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

I.

Данте.

Мраморный ликъ сей предъ небомъ винишь согражд-
данъ жеспокихъ:
Данте, Гесперія честь, въ скорби, въ изгнаньи
спеналъ.
Тщешно спремилъ онъ взоры къ опчизнѣ!... И въ
месѣ за спрадальца,
Именемъ славнымъ его будетъ опчизна сіянь.
Сила Флоренція, пышность, гдѣ еы? Но пѣнь
Уголина,
Образы Ада, Небесъ, въ лонѣ безсмертъя жи-
вущь!

Петрарка.

Свѣплымъ воды Вальклюза и вы, Капитольскія
спѣны,

Гласу Петрарки внимаѣ, видѣли славу его!

Тѣнь Лауры, гордись! Лаурой дышалъ пѣснопѣвецъ;

Въ смертномъ бореньи швое силится имя
твердить.

Лира и пламень его для попомспва священны: и
вѣчно

Будеть онъ нѣжной любви, вѣжныхъ спи-
ховъ образцемъ!

Гробъ Аріоста.

Скорбныхъ руками Харитъ сей камень воздвиг-
нуть священный

Мужу, кто брами, любви, воездъ, красавицѣ
возпѣлъ (1),

Творческой мыслью парилъ въ Дедалѣ волшебствѣ
и мечпаній.

Съ миршами лавры сдѣла, Музы украсили
гробъ.

Здѣсь вдохновеній нищи, о пѣишь! Но вѣнца не касайся:

Развѣ съ Орландомъ дерзнешь силы извѣдать
свои (2)!

4.

Т а с с о.

Всѣми дарами владѣлъ гѣснопѣвецъ Соррентскій:
но съ дѣлства

Счастья не зная, спрaдалъ самымъ избыткомъ
сихъ благъ;

Казнію были ему любовь, и гeній, и слава;

Умъ вдохновенный его въ пляжкой неволѣ утасъ.

Смертью забытый въ напастяхъ, погибъ онъ предъ
самымъ пріумфомъ:

Поздная честь! кипарисъ съ пальмой побѣдной
спялся (3).

Тассо, вкуси упѣшенъ въ могилѣ! Безсмертныя
пѣсни

Имя Гофреда съ своимъ, громко звуча, со-
храняшь.

Внемлющъ съ воспоргомъ вѣка: воскресли священ-
ныя брани:

Небо отверзто: и гробъ славою блещетъ Хри-
стовъ!

* *

Примѣчанія.

(1) Начало поэмы Ариоста, *Orlando furioso*:
 Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
 Le cortesie, l'audaci imprese io canto, etc.

(2) Подражаніе другому мѣсту изъ той же Поэмы.
 Зербинъ, собравъ оружіе Орланда, подписалъ
 на деревѣ:

Armatura d'Orlando paladino;
 Come volesse dir: Nessun la moва,
 Che star non possa con Orlando a prova.

С. xxiv. ott. 57.

(3) Всѣмъ извѣстно, что пѣвецъ Иерусалима,
 освободясь изъ темницы Феррарской, былъ при-
 званъ въ Римъ Кардиналомъ Альдобрандини для
 полученія лавроваго вѣнца въ Капитоліи, по при-
 мѣру Петрарки; но умеръ за нѣсколько дней до
 торжества, ему пригшошеннаго.

СОЧИНИТЕЛЮ ПОСЛАНИЙ.

Къ мечтательнымъ красамъ Ирисъ, Нисъ, Хлоъ,
Посланья пишешь ты и приспасаешь ко мнѣ,
Читалъ ли? — Мнѣ-шо что жъ? мнѣ дѣло въ нихъ
какое?
Читай ихъ ты, кому написаны онѣ.

А. Иллгевскій.

ПРЕКРАСНЫМЪ ГЛАЗАМЪ.

Большіе глаза, голубые глаза!

Вамъ юношу долго ль помнить?...

Вамъ долго ль сверкать, привлекать, а потомъ

Любви безопытными быть?...

По цѣлымъ часамъ примѣчаю я васъ:

Ващъ свѣтъ благосклоннѣй луны;

Гляжу и готовъ я дать клятву сто разъ:
 Вы вѣжнаго чувства полны.
 Но только что вспыхну, но только успа
 Дрожа залепетить: люблю —
 Безпечный вашъ блескъ, пишина, чистота
 Опъемлютъ надежду мою.
 Большіе глаза, голубые глаза,
 О! бросьте завѣсы свои,
 Опъ спрашно, глубоко горящей души
 Примите хоть искру любви.
 Блесните слезой, опуманьтесь слезой
 А послѣ прогляньте глаза:
 Да въ свѣпломъ воспоргѣ паря надъ землей,
 Увижу я въ васъ небеса.

В. Туманскій.

Алексѣю Николаевичу

ОЛЕНИНУ,

при доставленіи послѣдняго изданія
Басень.

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженія.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженія;
Хоть можешь быть, инымъ я спрочтенъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не спыжусь.

И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ луть склона,
Льбимой Музѣ и безпечной
Моей пы крылья подвизалъ.

И можешь, безъ тебя бѣ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣща

И я бы умеръ весь для свѣта. ♣
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ помѣ назову?
При мысли сей, мое живѣе сердце бьется.

Прими жь мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не ласкою оны дается.

18 Апрѣля 1826.

И. Крыловъ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! радость
Намъ дана судьбой:
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь отъ насъ печали,
Прочь полна забота!
Юныхъ увѣчавъ
Бахусъ и Эрихъ.

Пусть трещать морозы,
Вѣпръ свиститъ въ окно:
Намъ напомнитъ розы
Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣешь,
 Насъ, въ молодые дни,
 Какъ весна согрѣешь
 Поцѣлуй любви.

Баронъ Дельвингъ.

ЦВѢТОКЪ И ТЕРНОВНИКЪ.

Б А С Н Я.

Въ степи пустой, бесплодной,
 Въ кошорой кое-гдѣ Терновникъ видѣнь былъ,
 Цвѣшочекъ выросъ благовоной;
 Но только что разцвѣлъ, Терновникъ возопилъ:
 « За чѣмъ ты здѣсь межъ нами?
 « Ты насъ собою лишь срамишь!
 « Но ты не долго постоишь:
 « Узнаешь, каковы Терновники съ иглами.»
 Напрасно онъ Цвѣшку грозилъ;
 Цвѣпокъ нашелъ себѣ спасенье:
 Бошаникъ степью пою однажды проходилъ,
 И видя рѣдкое растѣнье,
 Съ собою взялъ цвѣпокъ и въ садъ пересадилъ.

М. Сухановъ.

РУСКОЙ РОМАНТИКЪ РУСКОМУ
КЛАССИКУ.

Дрожащій подъ ферулой школьникъ!
Тебя ли я возьму въ примѣръ?
Ты говоришь, что я раскольникъ,
Я говорю: ты спаровѣрь.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЪ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

(*Черта изъ жизни Богдана Хмельницкаго.*)

«Послушай, мой ясновельможный князь!

Я Казимира уважаю;
Но, съ пвердою душой родясь,
Спрадалъ и вдвое пострадаю,
Ни вась, ни сейма не боюсь —
За край, за родъ мой и за племя!

Подумай, Любомірскій, самъ:

Хмельницкій говоритъ, какъ другъ: не по ужь время,

Чтобъ Ляхъ давалъ законы намъ

И посылалъ разѣзжихъ спрогихъ,

Сбирашь съ колодязей налоги

И Церкви Божіи продаваешь Жидамъ!...

Вотъ положили; соберемся

И въ Бблой Церкви погоспимъ:

Мы завтра памъ. Тамъ мы о миръ попечемся.

Условіемъ, вельможный Князь, своимъ

Доволенъ!

Въ немъ сказано, что всякій воленъ

По званію, конвой и свипу привести:

Куда ужь Козаку за панствомъ вслѣдъ ползти?

Вы будете на съѣздъ съ шляхетствомъ, съ гайду-
ками;

Однако жь, кое-кто пріѣдетъ и за нами!»

Разпались. — Вотъ примчалась вѣсть,

Что Поляки скрываютъ мести;

Что свѣжая больна имъ рана

И имъ хотѣлось бы путемъ прижать Богдана

И въ сѣнь уловкою завести

На съѣздъ. — Мудрено! онъ крѣпко вѣрилъ въ Бога,

И, съ колыбельныхъ лѣтъ, военная пререва

Ему какъ мать родная знакома:

Припомъ Хмельницкій былъ великаго ума.

Большой конвой вели съ собой Поляки,

Чтобъ, въ недоспашкѣ словъ, взять верхъ хоть
силой драки;

Но трудно завести въ заманку Козака!

Узнавъ, что конница козачья далека,

Готовилъ Ляхъ свои уловки....

Богданъ послалъ лихаго ѣздока :

« Умри — скачи до Кочерговки.

Тутъ сорокъ верстъ, тамъ сорокъ два полка!

Дружнѣй, быстрѣй, изъ всей козачьей мочи,

Пусть мчался на рысакъ... чтобъ быть, какъ
шутъ къ полночи !

Я знаю, наши прилепятъ !

И пусть всѣ за лѣсомъ, полягутъ по вапагамъ!..»

Кипитъ въ душѣ Хмельницкаго опвага,

Идетъ на съездъ... Паны шумятъ,

Закинувъ кунпоши, преважно

Закручиваютъ длинный усъ,

И смотрятъ свысока, и говорятъ просяжно....

Хмельницкій не былъ съ роду прусъ ;

Однако жъ видятъ, идутъ толки,

Паны особятся, какой-то естъ секретъ ;

Ни опкровенности, ни ласки вѣтъ ;

И на него глядятъ, какъ волки. —

Вопъ онъ : « Шляхетные паны !

Какъ много привели вы свины ,

И ваши вершники всѣ золопомъ прикрышы ;

А мы, военною порой упруждены ,

На клячахъ кое-какъ примчались ;

Но, чтобъ надъ Козакомъ вы больше не ругались.. »

Онъ спалъ передъ окномъ,

Махнулъ планкомъ —

И зашатался домъ :

Подъ попомомъ копынтъ заговорило поле

И свѣла Божьяго, въ пыли, не видно болѣ!

Не спало пыльныхъ облаковъ —

И двадцать тысячъ козаковъ ,

Прогнавъ толпу вельможескихъ холопей,

Спянтъ !

И двадцать тысячъ ратныхъ копей .

Торчашъ !

Паны удобрились — и миръ подписанъ ,

Который славою въ скрижали время записанъ .

Ө. Глинка.

★ ★

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЬ.

. Торопясь ,
 Часы лепяпгь. Уѣхалъ князь.
 Пора готовишься княгиня ;
 Нарядами окружена
 Давно не бывшими въ поминъ ,
 Передъ трюмо спойпгь она .

Ужь газъ на ней , спруясь , блиспаепгь ;
 Роскошно , сладоспно очамъ
 Рисуепгь грудь , попомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадаепгь .
 Алмазъ мелькающихъ серегъ
 Горипгь за черными кудрями ;
 Ея чело жемчугъ облегъ ,
 И межъ обильными косами
 Рукой искусной пропушонъ ,
 То видимъ , по невидимъ онъ .

Надъ головою перья вѣютъ,
 И въ шумной прихожей своей,
 То ей лице они лелѣютъ,
 То дремлютъ въ локонахъ у ней.

Межъ тѣмъ... (Къ какому разрушенью
 Ведетъ сердечная гроза!)
 Ея потухшіе глаза
 Окружены широкой тѣнью
 И на щекахъ румянца нѣтъ!
 Чуть видѣнь въ образъ прекрасномъ
 Красы бывалой слабый слѣдъ.
 Въ стеклѣ живомъ и безприспирасномъ
 Княгиня бѣдная моя
 Глядяся, мнитъ: «и это я!
 Но пусть на спрашное видѣнье
 Онъ взоръ смущенный возведетъ,
 Пускай узритъ свое творенье
 И всю вину свою пойметъ.»

Другое, паяжкое мечпанье
 Потомъ волнуешь душу ей:
 «Уже ль соперницѣ моей
 Отдамся я на поруганье?
 Уже ль спокойно я снесу,
 Какъ, торжествуя надо мною,

Свою цвѣтущую красу
 Съ моею увядшею красою
 Сравнить насмѣливо она ?
 Надежда есть еще одна :
 Слѣды печали я сокрою ,
 Хоть въ половину , хоть на часъ »
 И Нина трепетной рукою
 Лице румянитъ въ первый разъ .

Е. Баратынскій.

О Т В Ѣ Т Ъ .

За чѣмъ на меня пы и глупость и злобу ,
 Пленишь , вызываешь нескромной хвалой ?
 Къ чему величаешь любовью бессмертныхъ
 Проснаго пѣвца ?

Такъ , были мгновенья низпосланы Фебомъ :
 Я плавалъ въ восторгахъ , я небомъ дышалъ !
 Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ , веселье , вшоринишь
 Любили друзья :

Я пѣлъ — но въ то время роскошная младость

Мнѣ жизнь озарила волшебнымъ лучемъ :

Я вѣровала въ счастье, я жаждалъ любви,

Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смѣрилъ оболщенья,

Мой взоръ прояснился ; но скрылись мечты,

За ними и счастье, и прелестъ любви,

И славы призракъ. —

Какъ слушалъ Лаерпидъ, привязанный къ мачтѣ,

Волшебныя пѣсни Скилійскихъ Спрень

И щещно къ нимъ рвался — упрямыя верви

Держали его :

Такъ я, швоей лирой печально пѣняясь,

Вошще порываюсь къ святымъ высокопамъ,

Знакомымъ бывало, и въ робкія струны

Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній :

Мнѣ путь на родную спрану возбраненъ

И гласъ мой подобенъ унылому гласу,

Жестокимъ стрѣкомъ

Подсирѣнной пшпцы, когда завывають
 Осенніе вѣтры и къ теплымъ спранамъ
 Веселою спайеи при кликахъ несущся
 Подруги ея.

Баронъ Дельвигъ.

1820 года.

Н А Д Е Ж Д Ы.

(*Съ нѣмецкаго.*)

Нѣжнымъ весеннимъ цвѣтамъ надежды смертныхъ
 подобны :

Сей увядаетъ — а шамъ краше алѣетъ ивой;
 Пышно цвѣтуетъ, пока согрѣваетъ ихъ солнце; но
 первый

Осени кладъ ощутивъ, гибнутъ одинъ за другимъ.
 Гдѣ скоросечный ихъ блескъ?... Лишь ты, въ опу-
 снѣвшей долинѣ,
 Ты, безсмертія цвѣтъ (*), горней сіяешь красой!

* *

(*) Immortelle.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе, но именемъ какимъ
 Его назвать? ни сонъ оно, ни бдѣнье;
 Межъ нихъ оно, и въ челоуѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничить разумѣнье.
 Онъ въ полночь понялъ своего,
 А между тѣмъ какъ волны, на него
 Одни другихъ мятежныи, своенравныи,
 Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
 Какъ будто бы своей опчизнѣ давней,
 Спихійному смяпению опданъ онъ.
 Но иногда, мечтой возпламененный,
 Онъ видѣлъ свѣтъ, другимъ не опкровенный.

Созданье ли болѣзненной мечты,
 Иль дерзкаго ума соображенье.
 Во глубинѣ полночной темноты
 Представшее очамъ моимъ видѣнье?
 Не вѣдаю; но предо мной тогда
 Разкрылися грядущіе года,

Событія вспадали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами являлись
 Опгь времени до времени очамъ;
 И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
 Последнюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ;
 Вездѣ пскүспвѣ, обилія примѣты:
 Глнзъ веси весь и подлѣ града градъ;
 Вездѣ дворцы, шеапры, водометы,
 Вездѣ народъ, и хнпрый свой законъ
 Спнхнн всѣ признашь заспавилъ онъ.
 Ужъ онъ морей мяпежныя пучины
 На островахъ искусвенныхъ селнлъ,
 Онъ разскалъ небесныя равнины
 По прихопн нмъ вымышленныхъ крнлъ;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будто ликовало.

Ичезнули бесплодные года:
 Орапая по волю призывали
 Вѣспра, дожди, жары и холода,
 И вѣрною сторнцей воздавали
 Посѣвы нмъ; и хищный звѣрь ичезъ,
 Во нмѣ лѣсовъ и въ высолѣ небесъ

И въ безднѣ водъ сраженный челоѡкомъ .
 И царспвовалъ повсюду свѣшлый миръ .
 Воить , мысаяя я , прельщенныи дивныи вѣкомъ ,
 Воить разума великолѣпный пиръ !
 Врагамъ его и въ спыдъ и въ поученье ,
 Воить до чего достигло просвѣщенье !

Прощаи вѣка ; яснѣль очамъ моимъ
 Видѣнне другое начинало :
 Чшо челоѡкъ ? чшо вновь опкрыто имъ ?
 Я гордо мнилъ ; и чшо же мнѣ предспало ?
 Наставшую эпоху я съ трудомъ
 Постигнуиъ могъ смупившимся умомъ .
 Глаза мои людей не узнавали :
 Привыкшие къ обилью дольнихъ благъ ,
 На все они спокойные взирали
 Чшо суепы раждало въ ихъ опцахъ ,
 Чшо мысли ихъ , чшо спрасши ихъ , бывало ,
 Влечениемъ всеспльнымъ увлекало .

Желанія земныя позабывъ ,
 Чуждаяся ихъ грубаго влеченья ,
 Душевныхъ сновъ , высокихъ сновъ призывъ
 Имъ замѣнилъ другія побужденья ,
 И въ полное владѣнне свое
 Фонспазія взяла ихъ бышше .

И умственной природѣ уступила
 Тѣлесная природа между нихъ.
 Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ унесла
 Живая мысль на крыліяхъ своихъ.
 Но по землѣ съ прудомъ они спускали
 И браки ихъ бесплодны пребывали.

Прошли вѣка и шупъ моимъ очамъ
 Явилася ужасная картина:
 Ходила смерть по сушѣ, по водамъ:
 Свершалася живущаго судьбина.
 Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылись въ гробахъ.
 Какъ древніе столбы на рубежахъ,
 Последнія семейства испытывали;
 Въ развалинахъ стояли города,
 Но пажитямъ загложившимъ блуждали
 Безъ пастырей безумныя стада;
 Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье;
 Мнѣ слышалось ихъ гладное бѣжанье.

И тишина глубокая во свѣдѣ
 Задумчиво повсюду воцарилась,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
 Державная природа облачилась:
 Величественъ и грустенъ былъ поворотъ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.

По прежнему живошворя природу,
 На небосклонъ свѣшило дня взошло ;
 Но на земли ничто его восходу
 Произнесши привѣта не могло...
 Одинъ шуманъ надъ ней, синѣя , вился
 И жершвою чистипельной дымился.

Е. Баратынскій.

У Т Ъ Ш Е Н І Е .

Смертный , гонимый людьми и судьбой ! распа-
 ваясь съ міромъ ,
 Злобу людей и судьбы сердцемъ проспи и за-
 будь.
 Къ солнцу въ послѣднее взоръ обрати , какъ Руссо , и
 утѣшься :
 Въ тернахъ заснувшіе здѣсь , въ миршахъ про-
 будяшся тамъ.

Баронъ Дельвицъ.

И Д И Л Л И Я.

Нѣкогда Тиширь и Зоя, подъ тѣнью двухъ юныхъ
 плашановъ,
 Первыя чувства познали любви и, полные счастья,
 Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревь имена
 начертали
 Тиширь Зои, а Тишира Зоя, богу Эропу,
 Шумныхъ свидѣтелей справки своей посвятивши.
 Подъ староспъ
 Къ двумъ забывнымъ плашанамъ они прибегли и
 видяпъ
 Чудо: ни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами
 срослися,
 Гамадриады ихъ тайною сплой именъ сочепавшися,
 Нынѣ въ древѣ двойномъ вождельнемъ на пупника
 вѣюпъ,
 Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣшой Тиширь
 и Зоя.

Баронъ Дельвигъ.

Э П И Г Р А М М А.

Снипокъ изпавшій съ трудомъ развернули. На-
прасны усилья :

Въ спаромъ снипкѣ прочли книгу извѣстную
всѣмъ. —

Юноша ! къ Лидѣ ласкаясь, ты спараго по же до-
бьешься :

Лидя подѣ часъ и шебѣ вымолвишь слово :
люблю.

Баронъ Дельвингъ.

С М Е Р Т Ъ.

Мы не смерти боимся, но съ пѣломъ разспашься.
намъ жалко:

Такъ не съ охолою мы старый смѣняемъ
халапъ.

Баронъ Дельвицъ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

(Подраж. Беранжеру.)

— Ты, дѣдушка, по звѣздамъ знаешь,
 Что сбудеся, перескажешь,
 И будно въ книгѣ, въ нихъ читашь:
 Скажи, гдѣ мнѣ свою сыскашь? —
 « Сынокъ! она вдали шавиша
 За пьмами звѣздъ опъ нашихъ глазъ. »
 — Чья жь это звѣздочка кашишя,
 Кашишя... вошь! и свѣтъ погасъ! —

« Дитя, когда душа отходитъ,
 Звѣзда шогчасъ падетъ съ небесъ.
 Тотъ, кто шеперь въ могилу сходитъ,
 Не зналъ бѣды, и жилъ безъ слезъ;
 Любилъ покойникъ веселишя,
 Въ пирахъ онъ встрѣшилъ смертный часъ. »
 — Ахъ! вошь еще звѣзда кашишя,
 Кашишя... вошь! и свѣтъ погасъ!

«То звѣздочка красы дѣвицы...

О! какъ она чиста, свѣпла!

Во храмъ Небесныя Царицы

Невѣста съ милымъ другомъ шла;

Но смерть завидливо коснися —

Невѣста въ гробъ.... скорбь у насъ!

— Ахъ! вопъ еще звѣзда капнися,

Капнися.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

«Минутный блескъ!.... Новорожденной

Бояръ стѣсивыхъ знашнй сынъ,

Изъ колыбели позлащенной

Похищенъ смерпью въ мигъ одинъ.

Ужъ леспъ, готовая въ душу впнися,

Какъ змѣй, вокругъ него вилася...»

— Ахъ! вопъ еще звѣзда капнися,

Капнися.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

И мрачный слѣдъ за ней оспался!

Она — звѣзда временника.

Бѣдамъ онъ нашимъ насмѣхался

И презиралъ насъ съ висока,

Теперь льстець робкйи суенился

Портретъ его упряпашъ съ глазъ...»

— Ахъ! вопъ еще звѣзда капнися,

Капнися.... вопъ! и свѣтъ погасъ!

« О горе! въ хижинахъ убогихъ
 Услышишь, сынъ мой, спонъ и плачь:
 Защищникъ и пипашель многихъ,
 Скопчался добрый нашъ богатъ.
 Еще подъ кровь его укрылся
 Спѣшитъ бѣднякъ въ сей самый часъ... »
 — Ахъ! вопъ еще звѣзда капится,
 Капится... вопъ! и свѣтъ погасъ!

« Завоеватель дни кончалтъ...
 Мой сынъ! будь вѣчно чиспъ душей;
 Пуспъ ложнымъ блескомъ не смущаетъ
 Звѣзда твоя ни чыхъ очей;
 Не то — когда твоей блескъ затмится,
 Народа будетъ общій гласъ:
 « Смотрите! вопъ звѣзда капится,
 « Капится... мигъ — и блескъ угасъ!»

.....

* *

Ч Е Р Е П Ъ .

(Посланіе къ Д.)

Прими сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
 Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
 Парми Вакха нагрѣвался;
 Липовскій мечъ въ недобрый часъ
 По немъ со звономъ ударялся;
 Сквозь эту кость не проходилъ
 Лучъ животворный Аполлона;
 Ну словомъ, черепъ сей хранилъ,
 Тяжеловѣсный мозгъ Барона,

Барона Д.* Баронъ

Конечно былъ охотникъ славный,
Назидникъ, чаши другъ исправный,
Гроза васаловъ и ихъ женъ.

Мой другъ, таковъ былъ въкъ суровый,
И предокъ пвой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, мирпами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ

Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпиграфией плохой.

Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Космачный баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буднъ задумчивый и важный,

Хирургъ, юристъ, физиологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — студентъ присяжный
 Съ вишюю пробкою въ зубахъ,
 Въ плащѣ, съ дубинной и въ усахъ
 Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
 Въ пракширахъ спалъ онъ пѣнишь пиво,
 Въ дыму табачныхъ облаковъ;
 Бродить надъ берегами моря,
 Мечтать объ Лопхенгъ или съ гора
 Снихи писать, да бить Жидовъ.
 Студентъ подъ лѣспницею пракшира
 Въ каморкѣ шемной жилъ одинъ :
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и карпинъ,
 Короткій плащъ, карпузъ, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Полуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два воспочныхъ лексикона,
 Подъ паупиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученого, да крысъ голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскошъ пустой
 Почтенный мыслитель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глупой суепою,
 Въ чуланѣ онъ безопасно свещетъ.

Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердцеъ высокихъ оппечашокъ.
 Спуденпъ однако жъ наконецъ
 Замѣпилъ важный недоспапокъ
 Въ своемъ бытп: ему предметъ
 Необходимый былъ... скелетъ,
 Предметъ, философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
 Но гдѣ доспанепъ онъ скелетъ?
 Воптъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И топгасъ взявъ въ соображенъе
 Его характеръ и служенъе,
 Рѣшился подружипсья съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечпатель
 Открылся кистперу душой
 И говоритъ: не лъзяль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свеспи меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный
 И между пѣмъ, одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынеспи на свѣтъ?
 Княнусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:
 Онъ будепъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до момъ послѣднихъ дней
 Красой обинели моей.

Смутился кистерь изумленный.

« Что за желанье ? что за спросъ ?

Иппи въ подвалъ уединенный,

Вспревожипъ мершвыхъ сонмъ почтенный

И одного изъ нихъ укрась!

И кпо-же?... Онъ, гробовъ хранишь!

Что скажутъ мершвые пономъ? »

Но пиво, спраха усыпитель

И гнѣвной совѣспи смиришь,

Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.

Ну, пакъ и бышь! Даетъ онъ слово,

Что къ ночи будетъ все гошова

И другу назначаетъ часъ.

Они распались.

День угасть;

Настала ночь. Плащемъ покрытый,

Стоипъ герой нашъ знамениный

У галереи гробовой,

И съ нимъ преступный кистерь мой,

Держа въ рукъ фанаръ разбиный,

Готовъ на подвигъ роковой.

И вопъ визжипъ замокъ заржавый,

Визжипъ предательская дверь —

И сходяпъ вишязи теперь

Во мракъ подвала величавый;

Сіянемъ ипоцимъ фанаря

Глухѣ своды озаря,

Идутъ — и эхо гробовое
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Прощажно впоринуть звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны ;
 Въ щещславномъ плѣннѣ кругомъ
 Почіюшъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные Бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оста-
 вить риѣмы въ эпу поэтическую ми-
 нушу, если бы твой прадедъ, коего
 гробъ попался подъ руку студента,
 вздумалъ за себя всшупнишься, ухващя
 его за воротъ, или погрозивъ ему кося-
 нымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе
 оказавъ свое неудовольствіе ; къ несча-
 стію, похищенъе совершилось благопо-
 лучно. Студентъ по частямъ разобралъ
 всего Барона, и набилъ карманы ко-
 сьями его. Возвратясь домой, онъ
 очень искусно связалъ ихъ проволокою,
 и такимъ образомъ составилъ себѣ

скелеть очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Бароновыхъ костей изъ погреба въ пракширный чуланъ, разнеслась по городу. Пресупный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его пспорію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ пѣхъ, копорымъ обязанъ я своимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д*, онъ
 Принадлежитъ тебѣ по праву.
 Обдѣлай ты его, Баронъ,
 Въ благопристойную оправу.

Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ кипящимъ освящи,
 Да запивай уху да кашу.
 Пѣвцу Корсара подражай
 И Скандинавовъ рай воинской
 Въ пирехъ домашнихъ воскрещай;
 Или какъ Гамлетъ-Барашинской
 Надъ нимъ задумчиво мечпай:
 О жизни мершвы проповѣдникъ,
 Виномъ ли полный иль пуспой,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
 Онъ снѣишь головы живой.

Я.

К О Н Е Ц Ъ.

2528